В.А. МАЗИЛОВ

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Ярославль 2007

Международная Академия психологических наук

В.А. МАЗИЛОВ

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Ярославль 2007

ББК 88.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Международной Академии психологических наук

Мазилов В.А. Методология психологии: Учебное пособие. Ярославль: МАПН, 2007. 344 с.

В учебном пособии дается характеристика актуальных методологических проблем современной психологической науки. Анализируется история формирования методологических оснований психологии, проводится анализ кризиса в современной психологической науке, осуществляется сопоставление основных парадигм в психологии. Предложен новый подход, согласно которому в методологии психологии выделяются когнитивная методология, коммуникативная методология и методология психологической практики.

В качестве главной методологической проблемы выделяется разработка коммуникативной методологии психологической науки, дается характеристика основных положений коммуникативной методологии. Формулируется главная задача психологии XXI столетия – осуществление интеграции психологического знания, рассматриваются основные пути интеграции.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом. Учебное пособие предназначено студентам университетов, обучающимся по специальности «психология». Может быть использовано студентами и аспирантами, изучающими общую психологию в педагогическом университете.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 06-06-90602 а / Б

Рецензенты: **В.В. Новиков** заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор;
В.В. Козлов доктор психологических наук, профессор;
кафедра психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие посвящено рассмотрению методологических вопросов психологии (учебное пособие по курсу «Методологические основы психологии» в соответствии с учебным планом подготовки по направлению 521000 – «ПСИХОЛОГИЯ»; квалификация «БАКАЛАВР ПСИХОЛОГИИ»). Пособие предназначено будущим профессиональным психологам (студентам университетов и аспирантам), оно также может быть использовано студентами, изучающими курс психологии в рамках подготовки по непсихологическим специальностям в педагогическом университете.

Необходимость издания данной работы связана с тем, что существует явный дефицит современных учебников по курсу методологии психологии, а освоение содержания курса методологии психологии вызывает у студентов определенные трудности. Частично этот пробел был восполнен учебным пособием автора «Актуальные методологические проблемы современной психологии» (Ярославль, 2002), а также книгой «Методология психологической науки» (Ярославль, 2003). Эти работы уже стали библиографической редкостью. Настоящее учебное пособие представляет собой существенно расширенное и дополненное издание, оно охватывает значительно более широкий круг методологических проблем, актуальных для современной психологической науки.

В последние годы опубликованы учебные пособия по методологическим основам психологии (см. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. С.-Пб: Питер, 2006; Лубовский Д.В. Введение в методологические основы психологии. М., 2006; Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: МПСИ, 2004 и др.), но потребность в учебной литературе по данной дисциплине остается достаточно высокой. Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд важных методологических вопросов подробно освещен в вышеуказанных пособиях, что избавляет от необходимости рассматривать в настоящей книге все разделы курса. Поэтому данное учебное пособие не содержит полного систематического изложения курса, а посвящено рассмотрению лишь наиболее актуальных методологических проблем психологии, выдвинутых на повестку дня в самое последнее время и в силу этой причины не получивших еще отражения в учебной литературе по психологии.

Это обстоятельство побудило автора ограничиться в настоящем учебном пособии преимущественно рассмотрением вопросов, связанных в первую очередь с характеристикой наиболее актуальных про-

блем когнитивной методологии, а также *коммуникативной методологии* как наиболее важного и перспективного раздела методологии современной психологической науки.

Центральная идея, развиваемая в данном пособии, состоит в том, что наиболее актуальной методологической проблемой современной психологической науки является проблема предмета психологии. Как показано в пособии, все остальные методологические вопросы производны от этой центральной проблемы. В современной психологии именно неадекватное решение проблемы предмета является тем «слабым звеном», которое тормозит дальнейшее развитие психологической науки. Продуктивная коммуникация концепций невозможна без пересмотра трактовки предмета.

Другое ограничение связано с тем, что в пособии рассматриваются методологические вопросы, характерные для сегодняшней *психологической науки*: анализ методологических вопросов *психологической практики* (не менее важных и, конечно, не менее интересных) рассмотрен лишь в самом общем виде (глава 10 настоящего учебного пособия).

Концепция коммуникативной методологии (изложению которой в настоящем учебном пособии отведено значительное место) еще не является сложившейся теорией, она находится в процессе становления. Автор будет признателен за критику, он готов к конструктивному сотрудничеству. Замечания и предложения просьба присылать по E-mail: mazilov@yspu.yar.ru. Оправданием автору за включение в учебное пособие такого рода материала может служить лишь то, что он искренне убежден: интеграция психологического знания – центральная, наиболее важная и актуальная проблема современной психологии, а коммуникативная методология – один из немногих известных автору на сегодняшний день реальных путей ее решения.

Автор.

1. ВИДЫ ПРОБЛЕМ В ПСИХОЛОГИИ

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология – одна из самых "проблемных" наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б.Ф. Ломов в книге "Методологические и теоретические проблемы психологии" отмечал: "Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ" (*Ломов,* 1984, с. 3).

Для начала выясним, что такое собственно проблема. По мнению составителей "Словаря иностранных слов", проблема - это теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова подчеркивает, что проблема это трудный вопрос, требующий разрешения. Наконец, в "Философском энциклопедическом словаре" отмечается: "Проблема – объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес". Для психологических проблем как раз и характерны названные моменты: 1) трудность вопросов, 2) необходимость осуществления специального исследования для получения ответа, 3) практическая и (или) теоретическая значимость вопроса.

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть "предметное знание". Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – "знание методологическое". Третий вид знания - "знание историческое", в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хро-

нологическом срезе (*Роговин, Залевский,* 1988, с. 8). Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические. На *рис.1* дано схематическое изображение указанных классов проблем.

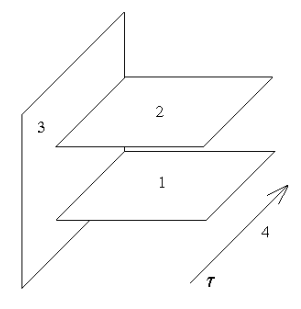

Рис. 1. Виды психологических проблем: 1. феноменологические, 2. теоретические, 3. методологические, 4. историко-психологические

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т. д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи - авторы "революционных" концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение это не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов – функция не воображения, а мышления (А.В. Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связа-

ны. Другим, не менее убедительным, является следующий, приводимый создателем феноменологии Э. Гуссерлем.

"Гуссерль приводит известный пример со шкатулкой, которую я рассматриваю, вращая. Здесь в каждый момент я получаю различные ощущения, "переживаемое содержание" моего сознания каждую минуту меняется, но тем не менее я "вижу" одну и ту же шкатулку, имею один и тот же "предмет". Мы видим с несомненностью, что сами ощущения отделяются здесь от того, что ощущается. Зрительные ощущения и "видимый" через них предмет – две вещи разные" (Кравков, 1922, с. 27–28).

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные *пространства психической реальности.* Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмо-

ций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, т. к. многообразие психологических теорий хорошо известно (причем не понаслышке) каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим - методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а, следовательно, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы – это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем – проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М.С. Роговин и Г.В. Залевский отмечали, что в "знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания..." (*Роговин, Залевский,* 1988, с. 10). Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является "сердцевиной" психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики "предметного" знания (и феноменологию, и теорию) и "истории" (как она будет интерпретироваться).

Поскольку мы говорим о психологии в целом (а научная психология, ориентированная на исследование психической реальности, только часть психологического знания: ведь существует еще психологиче-

ская практика), отметим, что кроме названных имеются, конечно, и другие проблемы. Это, во-первых, прикладные проблемы, связанные с использованием психологических знаний в практике, в конкретных видах деятельности (в педагогике, в медицине, в производстве и т. д.). Во-вторых, необходимо упомянуть психотехнические и психотехнологические проблемы (в широком смысле этого слова), связанные с модификацией, с направленным изменением психики человека (различные виды психотерапии, психокоррекции и т.д.). Напомним слова Л.С. Выготского: *"...психотехника – в одном слове,* т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением" (*Выготский*, 1982, с. 389). В данном пособии речь будет идти о проблемах научной психологии, связанной с исследованием психики. Это, разумеется, не означает недооценки роли практической психологии – у этой работы свои задачи.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что выделение видов психологического знания и связанных с этим видов психологических проблем весьма условно. Действительно, легко увидеть, что грани между этими видами часто размыты и неопределенны. Но бывают случаи, когда разграничения подобного рода просто необходимы. Разделение необходимо в дидактических, методических целях. Другая причина, которая заставляет использовать такого рода разграничения, несмотря на всю их условность, – когда необходимо сконцентрировать внимание на каком-то виде проблем. Так, в нашей работе мы сосредоточимся на некоторых (наиболее важных сегодня) *методологических* проблемах.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИИ

Итак, мы установили, что методологическое знание занимает особое место в структуре психологического знания. Поскольку методологические проблемы "завязаны" на центральный для научной психологии вопрос – определение предмета психологии – вопрос, как об этом убедительно свидетельствует история психологической науки, весьма сложный, таящий в себе большие трудности, естественно было бы ожидать появления способов, "снимающих" этот вопрос. Как хорошо известно, лучший способ избежать "содержательных" трудностей - создать "формальную" модель. Наиболее распространенный ход заключается в том, что методология психологии объявляется чисто технической дисциплиной, призванной заниматься планированием экспериментов и квазиэкспериментов, вопросами статистической об-

работки результатов и т. д. В предыдущем разделе мы констатировали, что методологическим вопросам принадлежит ключевая роль в построении всего здания психологической науки, методология играет, в сущности, конституирующую роль. И отказ от обсуждения содержательно-методологических вопросов приводит к тому, что в психологии начинают доминировать тенденции дезинтеграции. На заре научной психологии в 1896 году Дж. Стаут писал, что "скоро наступит время, когда никому не придет в голову писать книгу по психологии вообще, как не приходит в голову писать по математике вообще. К нашему предмету можно подойти с точки зрения физиологии, душевной патологии, этнологии и психофизического эксперимента. Каждый из этих методов имеет свои данные и свои особые независимые способы собирать и оценивать доказательства" (*Стаут*, 1920, с. 3). Однако достаточно скоро оценка меняется: "расхождение" (дезинтеграция) перестает восприниматься как позитивная неизбежность и в 1932 году на X Международном конгрессе в Копенгагене Вольфганг Келер, один из выдающихся психологов XX века, предостерегал, что "если мы в ближайшее время не найдем связующие нити психологии, мы окончательно атомизируемся". Такая тенденция существует и у нас, в российской психологии. С одной стороны, есть немало сторонников того, что методология должна стать формальной технической дисциплиной, набором указаний, регламентирующих технику исследования. С другой стороны, "общепсихологические" проблемы растворяются "в конкретике" и как бы "снимаются" вообще. Между тем такая методологическая беспечность (не стоит называть ее "методологической передышкой"!) профессионального сообщества не остается безнаказанной: широкое наступление ненаучной и вненаучной "психологии" вызвано слабостью – в первую очередь методологической – научной психологии. Если мы и далее будем столь беспечны к методологии научной психологии, нашествие колдунов и шаманов, дипломированных специалистов по черной и белой магии, народных целителей разного профиля может окончиться весьма и весьма печально... Научная психология пытается "отгородиться" от наиболее сложных проблем человеческого бытия, а психотерапия (см. вышеприведенный перечень) решает свои уже методологические, причем содержательно-методологические проблемы, да к тому же, находясь в пути "от дифференциации к интеграции"). Здесь есть "о чем задуматься".

Другим, правда, более "мягким" вариантом снятия проблемы содержательной методологии является тот, который более характерен для западноевропейской психологической науки. Методология при

этом понимается достаточно узко: специфика научного познания в области психологической науки сводится к "проблеме объяснения". В последние годы этой проблеме посвящено немало работ. После классического исследования Ж. Пиаже (1963) эта проблема постоянно находится в поле внимания исследователей. Отметим, что (при несомненной важности данной проблемы) свести всю специфику психологического познания лишь к вопросу об объяснении не представляется возможным. Все дело в том, что при таком подходе исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего "обнаружить законы". Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Стоит обратить внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов и их обусловленности "выносится за скобки": его как бы не существует.

Обратим внимание на следующий момент. Уже упоминавшаяся классическая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс проницательно замечает, что "научная деятельность – это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором" (*Фресс*, 1966, с. 100). Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы, конечно, хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения.

Существуют и другие варианты «снятия» методологических проблем. Например, методология отождествляется с ее философским уровнем, а философский уровень – с философией диалектического материализма. В результате такой подмены утверждается, что методологии психологической быть не должно, поскольку диалектический материализм «отменен»: если методология и должна быть, то призвана решать чисто технические вопросы организации психологического исследования.

Сегодня наша российская, постсоветская психология переживает трудные времена. Прежде всего они трудные в самом главном – в методологии. В методологии в том старом смысле, в каком это слово использовалось во времена Л.С. Выготского – его знаменитое сочинение "Исторический смысл психологического кризиса" было именно *мето-*

дологическим исследованием – авторское жанровое определение было очень точным. Действительно, старой методологии, которая неразрывно была связана с марксизмом-ленинизмом, больше нет. Есть желающие вместе с "идеологемами" отбросить и достижения, связанные с исследованиями, например, в русле деятельностного подхода.

Какая же должна быть эта новая методология? Старой методологии уже нет, новая еще не появилась. Сегодня нужна другая методология, выходящая за пределы трактовки психического как отражения, учитывающая достижения мировой психологической мысли... Какая будет эта методология? Что она собой будет представлять? Проще всего в качестве ответа процитировать слова признанного классика Л.С. Выготского: "Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" (*Выготский*, 1982, с. 422–423).

Прежде всего определим, какой она, по всей вероятности, не будет. Вряд ли это будет супертеория, "высшая психология". Как справедливо отмечает В.П. Зинченко, представление о "финальности" методологии психологии не может быть принято. "Наука подобна произведению искусства, в ней всегда есть недосказанность, есть не только знание, но и незнание, которое Н.Кузанский называл ученым незнанием" (*Зинченко*, 1997, с. 129). Всего скорее, это должна быть "общая психология", по Выготскому, совокупность принципов и "опосредующих теорий", "критики" психологии: "Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий" (*Выготский*, 1982, с. 419).

Стоит заметить, что такая позиция имеет немало противников: необходимость собственной психологической методологии в смысле Выготского признается далеко не всеми. Обратимся к материалам круглого стола "Психология и новые идеалы научности".

Н.И. Кузнецова: "Здесь высказывалось мнение, что выход психологии из кризиса связан с переходом к парадигме гуманитарного мышления. XX в. убедительно показал, что никакой принципиальной разницы в стиле мышления – будь то теоретическая физика, теоретическая лингвистика или антропология не было и нет. Существуют методологические особенности различных научных дисциплин, но это тривиально. Эти особенности не нарушают общих критериев научного познания, общего логического хода развития науки, хотя и должны рефлексироваться. Единство естественных и гуманитарных наук – это стратегическая линия, а обособление гуманитарных

наук от естественных, их искусственная изоляция ведет только к провинциализму" (*Психология…*, 1993, с. 26). Во многом аналогично рассуждает М.А. Розов: "Я глубоко убежден, что мы мыслим в гуманитарных и естественных науках примерно одинаково. Мышление, если оно правильное, одинаково и в одних науках, и в других. Надо просто правильно мыслить" (*Психология…*, 1993, с. 37).

В.Н. Дружинин также подчеркивает "общенаучный характер" критериев научности: "Отечественная психология должна была самостоятельно выработать критерии научности, и такие попытки делались. Отчасти этим объясняется стремление некоторых видных ученых-психологов заняться методологическими проблемами психологии, что и породило массу методологических и околометодологических трудов. Однако критерии достоверности научного знания являются общенаучным достоянием. Беда общественных наук в том, что на роль единственной методологии претендовало официально одобренное направление, представленное в учебниках диамата и истмата. Если точные и естественные науки могли работать, опираясь на общенаучные критерии достоверности, то ведомственная принадлежность психологии препятствовала этому" (*Дружинин*, 1989, с. 4).

Итак, с точки зрения сторонников этой позиции специальная методология (т. е. методология *с элементами гносеологии*, методология в смысле Выготского) современной психологии не нужна. Что же касается методологии психологии, то она может заниматься чисто техническими вопросами: планированием эксперимента, статистической обработкой и т. д.

Все же психология уже подошла к тому рубежу, когда требуется ясное осознание того, что в науке происходит, каковы основные тенденции развития, каковы взаимоотношения основных реализуемых подходов и т. д. Необходима специальная методология психологии, своего рода *философия психологии*. Возможно, следует говорить об общей методологии наук, изучающих психику, как это предлагали М.С. Роговин и Г.В. Залевский (1988). По нашему мнению, должна существовать специальная методология психологии, *содержательная методология психологии*, исходящая из специфики предмета психологической науки. Можно назвать несколько характеристик этой методологии.

Наверное, это должна быть *научная* методология. Психология не должна утратить статус науки. Как бы то ни было, психология несомненно является наукой. Ее нельзя "безнаказанно" свести к естественнонаучной, либо гуманистической парадигме. В качестве неизбежного

наказания, как уже упоминалось, следуют "неоправданные ограничения", неадекватность которых очевидна, а цена не просто высока, но чрезмерна.

Наверное, это должна быть методология *на исторической основе.* Этот тезис в свое время формулировался Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, М.Г. Ярошевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии.* В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*.

И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология. Не пытающаяся свести «многомерное» человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное. Следовательно, психология должна стать на путь собственного развития: естественные и гуманитарные науки не могут быть образцом для построения психологии. На заре своего самостоятельного существования научная психология последовательно попыталась реализовать обе «линии». Ни «чистые линии», ни многочисленные попытки их соединения существенного успеха не принесли. Может быть, дело в том, что "наиболее возвышенное и совершенное" (Аристотель) нуждается в особом исследовательском подходе, специальной содержательной методологии.

В методологии должны быть представлены три составляющие, соответствующие трем группам задач, стоящих перед этой областью знания: познавательная, коммуникативная, практическая[1].

«Познавательная» составляющая – традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный со-

[1] Подробнее об этом см. в главе седьмой данногот учебного пособия.

став методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т. д.

«Практическая» составляющая - область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология – важный блок "практической" составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий - не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки.

«Коммуникативная» составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как "внутри" научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов. (Коммуникативной методологии в настоящей работе будет уделено специальное внимание).

В перспективе возможно выделение "*психотерапевтической*" составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи.

Из всех названных методологических проблем, бесспорно, самая сложная и насущная для современной психологии – проблема *предмета психологии*. Причем речь идет именно о теоретическом исследовании по предмету психологии. Итак, необходимы *теоретические* исследования по предмету психологии. Без этого, как мы увидим, невозможна разработка коммуникативной методологии, позволяющей реально соотносить различные психологические концепции. А без коммуникативной методологии и технологии невозможно подойти к самой важной проблеме психологической науки – *интеграции психологического знания*. Как было показано в наших исследованиях, интеграция знания возможна только тогда, когда для этого создана соответствующая основа, представляющая собой своего рода структурный инвариант. В качестве такового было предложено соотношение теории и метода (*Мазилов*, 1998). Поэтому особую важность приобретает

исследование вопросов, связанных с теорией и методом в психологии, с их соотношением. Таким образом, среди методологических вопросов психологии в качестве важнейшей проблемы для нашего рассмотрения мы фиксируем *проблему соотношения теории и метода в психологии* (этому вопросу будет посвящен шестой раздел данного учебного пособия).

3. ИЗ ИСТОРИИ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

Методологическое знание – во всяком случае в психологии – всегда представлялось значимым. Несомненно, что уже «отец» психологии – великий грек Аристотель – отдавал себе отчет в сложности методологических проблем. Уже второй абзац его известного трактата «О душе» посвящен сложностям метода познания души. Аристотелевский же «органон» есть не что иное как попытка разработать универсальный инструмент, приводящий к истинному познанию. Впрочем, справедливо мнение, согласно которому подлинный интерес к вопросам методологии начинают проявлять мыслители нового времени (прежде всего Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Локк и др.). В рамках настоящего пособия нет возможности рассмотреть (хотя бы в самых общих чертах) эволюцию методолого-психологических идей, поэтому ограничимся здесь лишь самыми необходимыми замечаниями. Отметим, что анализ истории психологической методологии представляется очень важной и перспективной задачей: по нашему мнению, восстановление, реконструкция подлинных методологических оснований, лежащих в фундаменте тех или иных психологических теорий, позволит во многом по-новому представить саму историю психологической мысли.

Психология еще очень молодая наука. Ее оформление как самостоятельной научной дисциплины произошло, как известно, во второй половине XIX столетия, когда Вильгельм Вундт обосновал физиологическую психологию в качестве «новой области в науке», независимой от философии. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения суще-

ствующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (*Вундт,* 1880, с. III). Довундтовская психология представляла собой философскую дисциплину. Обоснование психологии как самостоятельной философской дисциплины было осуществлено в тридцатые годы XVIII столетия немецким философом Христианом Вольфом, который выделил рациональную и эмпирическую психологии (*Wollf,* 1732, 1734). Нам важно акцентировать, что роль методологии в философской психологии выполняла рациональная психология: именно она определяла, что собой представляет душа, как она связана с телом и т. д.

Остановимся более подробно на процессе формирования методологических основ психологии.

Сегодня практически общепризнано, что датой рождения научной психологии следует считать 1879 год, когда Вильгельм Вундт открыл в Лейпциге свою психологическую лабораторию. Столетний юбилей научной психологии зафиксировал внеочередной Международный психологический конгресс, состоявшийся в Лейпциге летом 1980 года. Таким образом, психологической науке совсем недавно исполнилось 125 лет. Много лет тому назад один из создателей научной психологии Герман Эббингауз в классическом «Очерке психологии» (1908) заметил, что она «имеет длинное прошлое, но краткую историю». Другой классик – С.Л. Рубинштейн – в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» (*Рубинштейн*, 1973, с. 70). Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С.Л. Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» (*Рубинштейн,* 1973, с. 68). Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное количество работ по истории психологической науки, оценка выдающегося отечественного психолога, к сожалению, не утратила ни своей актуальности, ни своей правоты. Иногда создается впечатление, что

проблема вообще «закрыта». Научная психология появилась во второй половине XIX столетия, откуда начинается новый «отсчет» времени, новая история. В свете этого детали «рождения» не так важны, на первый план выходит летопись побед «новой психологии» – научной и самостоятельной. Для исторического исследования, несомненно, такие вехи значимы. Но в отношении методологическом важно помнить, что «революции» в науке редко бывают одномоментными. Многие авторы, исследовавшие этот вопрос, среди которых и С.Л. Рубинштейн, и М.Г. Ярошевский, и М.С. Роговин, отмечали, что выделение психологии вряд ли было четко датируемым событием. М.С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» (*Роговин,* 1969, с. 96). Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С.Л. Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда «дело изображается так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимым парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки» (*Рубинштейн,* 1973, с. 69–70).

С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая - ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (*Рубинштейн,* 1973, с. 77).

Вместе с тем хочется специально подчеркнуть, что имеется, на наш взгляд, насущная необходимость в новом исследовании этого вопроса с позиции сегодняшних достижений историко-методологического и историко-психологического знания: нельзя исключить возможности, что путь, пройденный психологией за последние сто с лишним лет, предстанет в несколько ином свете. Более того, в истории психологии накопилось значительное количество мифов, неадекватных оценок, исторических аберраций, которые, с одной стороны, препятствуют дальнейшей разработке истории психологии, а с другой затрудняют понимание логики развития психологической науки, что совершенно необходимо для определения тенденций ее развития.

Итак, в вопросе о становлении психологии как самостоятельной науки до сих пор бытует значительное количество «мифов». Их существование является значительным препятствием для разработки истории психологии.

Назовем их.

Миф первый: научная психология «выделилась» из философии. Существуют чрезвычайно распространенные представления, согласно которым психология отделилась, «отпочковалась» от философии. Верно, что до возникновения научной психологии психология существовала как часть философского знания. Но это была другая, *философская психология*. Новая, научная психология строилась по другим основаниям, это была *другая наука*. Существовал комплекс условий, выполнение которых сделало возможным отделение научной психологии от философии, но это была наука, построенная по определенным стандартам.

Миф второй: научная психология была создана (конституирована) благодаря методу эксперимента. Как мы покажем ниже, использова-

ние метода эксперимента при разработке научной психологии сыграло определенную роль, но эта роль не была решающей.

Миф третий: предшественниками научной психологии (создателями экспериментальной психологии) были Гельмгольц, Вебер, Фехнер и другие исследователи, использовавшие экспериментальный метод для изучения работы органов чувств. Верно, что нарождающаяся научная психология использовала достижения исследователей в области психофизики, времени реакции и физиологии органов чувств. Как мы увидим, результаты этих исследований были переосмыслены и включены в новый контекст предмета научной психологии.

Обратим внимание на то, что некоторые мифы создаются буквально на наших глазах. Примером такого рода может служить нижеприведенное рассуждение.

Миф четвертый: научная психология возникла как наука о физиологических явлениях. Эта позиция сформулирована в самое недавнее время В.В. Козловым. В.В. Козлов утверждает: «мы считаем, что началом психологии была психология физиологическая, а первым предметом психологии – *физиологические акты и закономерности*. Само появление научной психологии ассоциировано с бурным развитием естественных наук, особенно физиологии и медицины» (*Козлов,* 2006, с. 133). С этим заключением также согласиться нельзя. Обратим внимание на то, что если бы предметом психологии действительно выступали *физиологические акты и закономерности*, то это была бы классическая *физиология*. У Вундта задача была иная – создать именно ***научную психологию***. К вундтовской физиологической психологии мы вернемся чуть ниже и покажем, что предметом первой версии научной психологии было именно сознание, точнее – непосредственный опыт, а методом именно самонаблюдение.

Обратимся к анализу предыстории научной психологии.

Известно, что первые попытки ввести термин психология могут быть датированы концом пятнадцатого столетия. В названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450–1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово «психология» (*Jaccard,* 1973). Авторство термина часто приписывают Филиппу Меланхтону (1497–1560), немецкому протестантскому богослову и педагогу, сподвижнику Мартина Лютера. «Лексикография приписывает образование этого слова Меланхтону, который написал его на латыни (psychologia). Но ни один историк, ни один лексикограф не нашел точной ссылки на это слово в его произведениях. Андрэ Лаланд утверждает даже, что про-

читал все его произведения и не встретил слова psychologia» (*Брес*, 1988, с. 124). В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке – Πσψηολογια). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: «Психология, т.е. о совершенстве человека, о душе, и, прежде всего о возникновении ее...» (*Брес,* 1988, с. 124). Но общепризнанным термин «психология» становится лишь в XVIII столетии после работ Х.Вольфа (*Wollf*, 1732, 1734).

Важно подчеркнуть, что появление термина «психология» было результатом деятельности философов, занятых систематизацией философского материала. Появление термина «психология» явилось, таким образом, результатом дифференциации философского знания, следствием которого явилось, как известно, рождение науки нового времени. Вопрос о выделении психологии из философии в это время даже не ставился, поскольку для этого не было никаких оснований. Рассмотрение вопросов о «душе» ничем (ни методом, ни предметом) не отличалось от рассмотрения других философских вопросов. Появление термина «психология» явно предшествует становлению психологии как науки.

Нам уже приходилось останавливаться на предыстории возникновения научной психологии (*Мазилов*, 1998). Методологическую основу для обоснования психологии как самостоятельной науки составили, как известно, философские труды Р. Декарта и Д. Локка (на этом мы в настоящем тексте останавливаться не будем).

Христиан Вольф

Христиану Вольфу (1679–1754) принадлежит одна из первых попыток выделить психологию в качестве самостоятельной философской дисциплины. Знаток истории психологии М. С. Роговин пишет об этом следующее: «Попытки создать психологию как науку, независимую от философии, предпринимались и до второй половины XIX в.; они были обречены на неудачу, хотя бы уже потому, что имели место внутри философии и предпринимались с помощью методов умозрительной философии (Х. Вольф, 1732; И.Н. Тетенс, 1776–1777; И.Ф. Гербарт, 1816)» (*Роговин*, 1969, с. 96). Но представляется, что в данном случае мы имеем дело со своего рода исторической аберрацией. Дело в том, что Христиан Вольф вовсе не помышлял о выделении психологии из философии. Все его построения были направлены на то, чтобы реорганизовать структуру философского знания и внутри этой структуры выделить разновидности психологии как философские

дисциплины. Х. Вольф, несомненно, выполнил задачу, которую поставил перед собой: психология стала отдельной областью внутри философии, или, если угодно, стала самостоятельной философской наукой. Это бесспорная заслуга Х. Вольфа. Х. Вольф «впервые попытался дать различение теоретического и эмпирического, чистого и прикладного знания; теоретическая философия, по Вольфу, – наука о всех возможных предметах, насколько они возможны», т.е. наука, занимающаяся не простой констатацией фактов, а исследованием их взаимосвязей, причин и оснований. По классификации Вольфа, все философское знание делится на «науки рациональные теоретические» (онтология, космология, рациональная психология, естественная теология), «науки рациональные практические» (этика, политика, экономика), «науки эмпирические теоретические» (эмпирическая психология, телеология, догматическая физика) и «науки эмпирические практические» (технология и экспериментальная физика) (*Майоров,* 1989, с. 96). Обратим внимание на то обстоятельство, что эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая. Еще будет возможность остановиться на том, что не только вольфовская, но и последующая эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Представляется важным подчеркнуть, что Вольф не был «психологом». Расчленение психологии на рациональную и эмпирическую было следствием упорядочивания философского знания. Именно этим объясняется известная непоследовательность Вольфа в разграничении «сферы компетенции» двух психологий, на которую обращали внимание многие историки психологии.

Именно этим объясняется «странный» характер эмпирической психологии Х. Вольфа. И. Брес в этой связи отмечает: «Хотя Вольф и считает, что psychologia rationalis стремится вывести из самого понятия человеческой души, то, что psychologia empirica извлекает из наблюдения и размышления, мы будем разочарованы, если захотим обнаружить во второй работе экспериментальные исследования, которые явились бы предвестниками научной психологии XIX и XX вв. Вопросы, которые в ней рассматриваются, а также метод их исследования (см. например, параграф 651: "Qui alterum amat, is taedium ejus aversatus" ("Кто любит другого, становится ему в тягость")) напоминают больше то, что в наши дни рассматривалось бы как философская или даже рациональная психология, чем настоящую эмпирическую психологию в современном смысле слова. Более того, содержание psychologia empirica Вольфа не отличается коренным образом от ис-

следования классической философией XVII в. вопроса о страстях...» (*Брес*, 1988, с. 125–126). Подчеркну, что по иному быть просто не могло. Разработка эмпирической психологии в современном смысле слова совершенно не входила в планы Х. Вольфа.

Но важно, что у Вольфа содержалась возможность различения: «теперь уже дело не в двойной душе, а в двояком рассмотрении одной и той же души: различие передвинулось из области содержания в область методологическую» (*Дессуар*, 1912, с. 106–107). Именно этот момент создает возможность для выделения психологического предмета, отличного от философского, то есть создание эмпирической психологии в современном смысле этого слова. Принципиальная возможность создания психологии как самостоятельной дисциплины была, вне сомнения, Вольфом продемонстрирована.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте, связанном с трудами Вольфа. Его «Эмпирическая психология» может рассматриваться как первое систематическое изложение психологии в новое время. В связи с этим важно подчеркнуть, что для того, чтобы конституировать дисциплину, необходим организующий принцип, который бы определил «номенклатуру» психических феноменов, относящихся к дисциплине и позволил их как-то упорядочить. Иными словами, необходимо «задать систему». Вольф придерживается следующей стратегии. Он определяет душу как простую вещь, которая может сознавать себя и другие вещи. В качестве основной силы души Вольф полагает силу представления, в которой находит выражение активность сознания. Эта активность остается неизменной, но может менять свои предметы. М. Дессуар отмечает: «...как тело может двигаться последовательно по неограниченно многим направлениям, так и у души есть различные возможности последовательных самопроявлений, которые осуществляются благодаря энергии» (*Дессуар*, 1912, с. 107). Эти проявления и называются душевными способностями. Перечень способностей может быть определен, по Вольфу, при помощи языка: то, для чего существует специальное наименование, может считаться особой способностью. Вольф делает оговорки относительно «непостоянства» речи. Дальше в действие вступают законы логики, поскольку вся душевная жизнь, по Вольфу, подчинена формам и законам логики. Вольф выделяет волю («способность желать») и познание («способность познавать»).

Рассмотрим более подробно способность познания. Материалом для этой способности являются представления. Они могут быть смутными, ясными либо отчетливыми. По своему содержанию они могут

быть или восприятиями, или представлениями. Представления подчиняются закону ассоциации: каждое представление вызывает в душе более общее, часть которого он составляет. Поскольку, как свидетельствует опыт, бывают и новые сочетания, должна существовать «сила выдумки». Явления памяти имеют место при повторении прежних переживаний. Внимание может придавать отдельным представлениям ясность и отчетливость. Как справедливо отмечает М. Дессуар, «в целом перед нами планомерное сцепление психологических понятий, ставших позже общим местом» (*Дессуар*, 1912, с. 108). Важно подчеркнуть, что концепция Вольфа в XVII столетии продемонстрировала метод работы в психологии. «Эмпиризм» состоял в том, что самонаблюдение выполняло верифицирующую роль: оно должно было подтвердить соответствие построений опыту. Источником эмпирического материала самонаблюдение не являлось: было достаточно отдельных примеров, которые бы подтвердили «жизненную правду» созданной картины («сцепления психологических понятий»). Это позволяет понять, почему Вольф называл свою эмпирическую психологию наукой «эмпирической теоретической»: эмпирическая – соответствующая опыту, теоретическая – логическая конструкция имеющая произвольный (теоретический) характер. Этот метод Христиана Вольфа не только стал общим местом – здесь Дессуар абсолютно прав – но и определил традицию. Как будет показано в дальнейшем, менялись только принципы, определяющие «сцепление» – сам способ в течение длительного времени оставался неизменным.

Последователями Вольфа был сделан важный шаг, который в дальнейшем, как мы увидим, способствовал выделению психологии в самостоятельную науку. «Центр тяжести оставался, конечно, в области индивидуальной психологии человека. У Вольфа позаимствовали деление на рациональную и эмпирическую психологию. Хотя различие между обеими было собственно методологическим, так как предметом исследования для обеих являлась определенно понимаемая «природа» души, но понемногу снова утвердилось обоснованное еще в старину разделение содержаний. Спекулятивные рассуждения о сущности, местопребывании, свободе и бессмертии души стали главным содержанием рациональной психологии. Физиологические же объяснения, относившиеся еще у Вольфа туда же, скоро перешли в ведение эмпирической психологии. Последняя утратила, таким образом, характер общей описательной науки и превратилась в физиологическую и отчасти уже в экспериментальную дисциплину: волшебное слово опыт увлекало даже осторожных мыслителей и побуждало

их искать в телесных (также физиогномических) процессах объяснения душевных фактов. Если же ограничивались внутренним опытом, то все же исследование проводили в духе естественной науки: искали причинных связей душевных явлений и устанавливали эмпирические условия их возникновения» (*Дессуар,* 1912, с. 114).

Недооценивать произошедшие изменения нельзя. Именно они создают основу для позднейшего конституирования психологии как науки. Оно станет возможным, когда принцип психофизического параллелизма будет дополнен принципом психофизиологического параллелизма. То, что физиологические объяснения стали соотноситься с эмпирической психологией, безусловно представляло собой шаг к «возможной» самостоятельности психологии. Впрочем, до самостоятельности еще было далеко. Более того, не ставился даже сам вопрос о самостоятельности психологии как науки. Действительно, никаких причин для того, чтобы пытаться сделать психологию самостоятельной наукой во времена Христиана Вольфа просто не было. Важно уже то, что психология выделяется в качестве раздела внутри философии, которая все больше дифференцируется.

Значение Христиана Вольфа для истории мировой психологии состоит, таким образом, в первую очередь в том, что им впервые была выделена психологическая проблематика внутри философского знания. Причем она оказалась не на периферии философии, а стала ее центром: «И так как с точки зрения того времени индивидуальное развитие человека было душой культурной работы, то психология стала не только основой всякого философствования, но вообще центральной наукой» (Дессуар, 1912, с. 109).

Иммануил Кант

Традиции, заложенные Х. Вольфом, поддерживались и развивались в немецкой психологии способностей. Одним из ярких представителей психологии способностей был Иоганн Николаус Тетенс (1736–1807). М.С. Роговин полагает, что Тетенс совершил в 1776–1777 г. неудачную попытку выделить психологию из философии (*Роговин*, 1969, с. 96). По нашему мнению, И. Н. Тетенс так же, как и ранее Х.Вольф, на это вовсе не претендовал. Характерно в этом отношении само название его основного труда «*Philosophische* (выделено нами – *В.М.*)Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung» (1776) (*Tetens*, 1776). Сам Тетенс подчеркивает, что речь идет именно о философском исследовании. Согласно И.Н. Тетенсу, основным в психологии является самонаблюдение, психология должна заниматься эм-

пирическим расчленением душевной жизни. Метафизические заключения возможны как итог эмпирической работы. Тетенс модифицировал идущее еще от Аристотеля расчленение психического на познание и волю, добавив к последним чувство. Таким образом, оформилась номенклатура «основных» способностей: способность познания, способность воли, способность чувства. Этим воспользовался И. Кант, который, как известно, посвятил рассмотрению этих трех способностей специальные труды («Критику чистого разума», «Критику практического разума» и «Критику способности суждения»).

Благодаря трудам Х. Вольфа, психология на какое-то время стала центральной философской дисциплиной. «Против такого чрезмерного расширения границ психологии скоро должны были раздаться протесты. Появившиеся возражения коснулись также содержания всей системы и приняли форму критики психологии. Тот мыслитель, который и здесь явился вождем, Иммануил Кант, ввел психологию даже в очень узкие границы...» *(Дессуар*, 1912, с. 115). «Этим объясняется отчасти, почему фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины» (*Дессуар*, 1912, с. 115).

Иммануил Кант (1724–1804), разумеется, не был психологом. Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя утверждать, что «система Канта глубоко антипсихологична» (*Роговин*, 1969, с. 66). Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом проявились особенности самого Канта как личности) приняла форму критики. Уже в двадцатом веке будут сделаны попытки построить методологию психологии как критику психологии (*Binswanger*, 1922). В предисловии к «Критике чистого разума» Кант отмечает, что в данном труде речь идет не о происхождении опыта, а о содержании его. Конечно, нет возможности в настоящей работе дать хотя бы беглый обзор кантовских идей по психологическим проблемам (это далеко увело бы от интересующей темы: напомню, что нас волнует сейчас путь психологии к самостоятельности).

Остановимся подробнее на кантовской критике психологии. Как мы уже видели, И.Н. Тетенс, которого Кант очень ценил, признавал возможность рациональной психологии. Притязания рациональной психологии были развеяны И. Кантом, который, как известно, отрицал возможность существования рациональной психологии. Кантовская критика рациональной психологии в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии *как эмпирической науки.* «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание,

не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни; она скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни» (*Кант*, 1964, с. 382).

В другой работе Кант возвращается к проблемам психологии. Кант настаивает на необходимости различения *Я* как субъекта и *Я* как объекта. «О *Я* в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом Я как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать – ни что оно за сущность, ни какой оно природы» (*Кант,* 1964, с. 191). «Я во втором значении (как субъект перцепции), психологическое Я как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию...» (*Кант*, 1964, с. 191–192). Кант рисует перспективу эмпирической психологии: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же Я хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» (*Кант*, 1964, с. 192).

Авторитет Канта был велик, поэтому кантовская критика психологии была признана современниками сокрушительной. Мы здесь не станем оценивать и анализировать кантовские доводы против рациональной психологии. Это не входит в задачи этой работы. Отмечу лишь, что огромный авторитет Канта способствовал дальнейшему развитию психологии как эмпирической психологии. В плане даль-

нейшего развития эмпирической психологии нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имеющего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к «Антропологии» (1798) Кант отмечает, что «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или *физиологической*, или *прагматической*» (*Кант*, 1964, с. 351). Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии с точки зрения физиологической (и, следовательно, психологии как частной науки) остается. Та возможность, которая «потенциально» содержалась в программе Вольфа, была артикулирована Кантом (правда, пока для антропологии). Не будем забывать, что психология (эмпирическая) могла рассматриваться как часть антропологии, а следовательно, «перенос» на психологию является достаточно правомерным.

Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, которые сейчас будут приведены. Они представляются своеобразным методологическим требованием к психологии, *если она захочет быть наукой.* Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи последующих поколений принимали «вызов», стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в «Метафизических началах естествознания» (1786): «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприложима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности – систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» (*Кант*, 1964, с. 60). Кантовские слова оказали

огромное влияние на последующее развитие психологии. К ним прислушивались и безоговорочно соглашались. Другие пытались «отвоевать» позиции: Гербарт был убежден, что психология становится наукой потому, что начинает использовать математику (в отношении эксперимента, Кант, конечно же, прав). Как мы увидим, с кантовской критикой вынужден был считаться и сам В. Вундт. И, возможно, именно кантовские утверждения заставляли Вундта направлять энергию психологов-экспериментаторов на фиксацию «элементов», о которой говорил Кант. И. Кант может считаться «вдохновителем» элементаризма и атомизма. Кант, таким образом, «негативно» задал направление развития психологической науки... Итак, «психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, т.к. нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других» (*Дессуар*, 1912, с. 126). «По иронии истории, психология именно от критицизма получила толчок к дальнейшему и существенному развитию» (*Дессуар*, 1912, с. 126). «К несчастью, Кант не посвятил научной психологии отдельного труда, но дал значительные указания к обоснованию этой науки на новых началах, производя при случае изменения в традиционном психологическом материале и вообще благодаря всему своему вмешательству. В рамках беспрерывно развивавшейся психологии способностей совершались... преобразования, которые в конце концов разрушили установленные границы» (*Дессуар*, 1912, с. 127).

Таким образом, есть основания говорить о своего рода «двойной программе» И. Канта применительно к психологии. Первая программа – кантовская критика возможности психологии стать естественной наукой («эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле»), вторая – возможность обоснования психологии посредством физиологии. Эта двойная программа составила методологическую задачу, над которой трудились несколько поколений психологов первой половины XIX столетия.

Иоганн Гербарт

Каждая наука должна иметь основания. После «Наукоучения» И. Фихте это становится неписаным правилом. Возникает методология науки как учение «об основаниях». Им руководствовался И. Гербарт, совершивший первую известную мне попытку сделать психологию наукой.

Мы уже упоминали имя Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814), автора «Наукоучения», создателя науки о науке. И.Фихте, несомненно, не был психологом, поэтому то, что его не вспоминают в «Историях психологии», по-своему правомерно. К тому же И.Г. Фихте психологию своего времени явно не ценил. Можно привести его знаменитое высказывание из «Ясного, как солнце, сообщения широкой публике о сущности новейшей философии»: «Наукоучение – не психология, психология же сама по себе – ничто» (*Фихте*, 1993, т.1, с. 610). Оставим такую оценку на совести философа. Несомненно, что с работ Канта и Фихте начинается общая методология науки и недооценивать ее влияние на те области знания, которые претендуют на то, чтобы стать наукой, вряд ли целесообразно.

Не имея возможности анализировать воззрения Фихте в целом и по вопросам психологии в частности (хотя это и представляется достаточно увлекательным сюжетом – стоит только напомнить, что Фихте активно разрабатывал проблему деятельности), остановимся лишь на отдельных положениях «Наукоучения». И.Г. Фихте формулирует требования, которым должна удовлетворять любая наука.

«Должно быть достоверным по крайней мере одно положение, которое придавало бы другим свою достоверность; так что если и поскольку это первое достоверно, то должно быть достоверно и второе, то поскольку должно быть достоверно и третье, и т. д. Таким образом, многие сами по себе, может быть различные положения будут именно потому, что они все имели достоверность и одинаковую достоверность, иметь одну общую достоверность и через это будут образовывать только одну науку» (*Антология*…, 1971, с. 199). Фихте подчеркивает, что достоверное положение не может получить свою достоверность через объединение с другими положениями, но должно иметь достоверность до него. «Такое достоверное до соединения и не зависимое от него положение называется основоположением. Каждая наука должна иметь основоположение, она даже могла бы состоять по своему внутреннему характеру из одного единственного самого по себе достоверного положения... Но она не может иметь более одного основоположения, ибо тогда она образовала бы не одну, но несколько наук» (*Антология*…, 1971, с. 200). Согласно Фихте, основоположения системы должны быть достоверны до самой системы. Их достоверность не может быть доказана в ее пределах. Все, что следует из основоположений также достоверно. Важным представляются введенные Фихте различения: содержание и форма науки. «То, что должно заключать в себе само основоположение, и то, что оно должно сообщить

всем прочим положениям, встречающимся в науке, я назову внутренним содержанием основоположения и науки вообще; способ, которым основоположение должно передать другим положениям это содержание, я назову формой науки. Поэтому вопрос ставится так: как возможно вообще содержание и форма науки, т.е. как возможна сама наука?» (*Антология*…, 1971, с. 200). Ответом на этот вопрос и является наука о науке. Общее наукоучение обязано обосновать систематическую форму для всех возможных наук.

С чувством сожаления прервем изложение основных идей наукоучения Фихте, поскольку это не входит в наши задачи. Вернемся к Гербарту. Попытка И. Гербарта сделать психологию наукой не может быть адекватно оценена, будучи рассматриваема вне контекста фихтевского наукоучения. Удивительным представляется то, что в отечественных работах по истории психологии найти указания на влияние Фихте на формирование психологии Гербарта не удается. Причина, видимо, в том, что даже среди профессиональных психологов, не чуждых идее историзма, популярно убеждение, согласно которому вся психология до середины XIX столетия представляла соединение интроспекции и ассоцианизма. О какой специальной методологии можно говорить? Представляется, что в этом случае мы имеем дело с очередным мифом истории психологии. Собственно, сам И. Гербарт фихтевское влияние на формирование своей психологической теории признавал. Примечательно, что он видел это влияние именно в методологии, а не в конкретных теоретических положениях, в которых как раз с Фихте расходился и с которыми полемизировал. Впрочем, лучше предоставить слово самому Гербарту. В докладе «О возможности и необходимости применять в психологии математику» (1822) Гербарт отмечает, что начало работы в этом направлении «относится еще к последним месяцам восемнадцатого столетия, а зародыш которого я, собственно говоря, нашел еще раньше в фихтевской школе» (*Гербарт*, 1895, с. 6). Гербарт тут же поясняет, что эти слова не должны пониматься в том смысле, будто Фихте предлагал основывать психологию на математике. Гербарт утверждает, что Фихте научил его тем, что «в особенной степени обладал стремлением к точности исследования» *(Гербарт,* 1895, с. 7). По-видимому, Гербарт прав – стремление к анализу оснований науки, стремление построить настоящую науку имеет истоки в фихтевской философии.

И. Гербарт предпринял первую известную попытку превратить психологию в науку. Напомню, что к тому времени психология была одним из разделов философии, а именно относилась к прикладной ме-

тафизике. Предисловие к первому изданию учебника психологии (1816) Иоганн Фридрих Гербарт начинает такими словами: «Хотя во всей философии психология не является ни самой глубокой, ни самой высшей частью, однако она – первая между тремя частями прикладной метафизики» (*Гербарт,* 1895, с. 94). А. Нечаев, переводчик Гербарта на русский язык, по этому поводу замечает: «Под метафизикой же в тесном смысле, или общей метафизикой, надо разуметь ту часть философии, которая занимается самыми общими понятиями бытия и бывания, без которых мы не можем себе представить ни внешнего, ни внутреннего опыта. Когда же метафизика переходит к рассмотрению более частных понятий, то получает название прикладной метафизики и образует философию природы, психологию и философию религии» (*Гербарт*, 1895, с. 38). О попытке выделения психологии как науки говорит само название важнейшего для понимания позиции Гербарта труда – «Psychologie als Wissenschaft, neu gegrundet auf Erfarung, Metaphysik und Mathematik» («Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике») (1824) (*Гербарт,* 1895). Как определяет сам Гербарт, «цель этого сочинения заключается в том, чтобы представить исследование о душе, которое равнялось бы исследованию о природе, поскольку это последнее повсюду предполагает вполне закономерную связь явлений и отыскивает ее при помощи разбора фактов, осторожных заключений, смелых, испытанных и исправленных гипотез, наконец, где это возможно, при помощи рассмотрения величин и вычисления» (*Гербарт,* 1895, с. 27). Гербарт подчеркивает «давно признанную величайшую важность точной науки о нас самих, о нашем духе и настроении...» (*Гербарт,* 1895, с. 28). Если психология должна стать наукой, то она должна строиться как наука, т. е. иметь основания (принципы) и методы и ориентироваться на научные образцы (такими образцами для Гербарта выступают механика и физика). Психология способностей (напомним, Гербарт вошел в историю психологии как «сокрушитель» психологии способностей) отвергается потому, что произвольность ее оснований очевидна: «я должен уклониться от всех тех, которые думают объяснить внутренние факты, классифицируя их и принимая для каждого класса особую, соответственную ему возможность, а затем перенося эти возможности на равное им число способностей, причем логические подразделения, употребляемые для предварительного обзора феноменов, вопреки всякому праву, выдаются за познание реальной множественности и реального же различия» (*Гербарт*, 1895, с. 28). В другой работе Гербарт определяет свой подход, проводя параллель с

химией: «Хотя душевные способности изгоняются из научной психологии точно так же, как из химии должен был исчезнуть флогистон, потому что природа вещей ясно выставляет на вид негодность обеих гипотез; однако новый способ представления, как бы сильно ни приближался он к истине, получает согласие и благодарность не прежде, чем ученые поупражняются в его применении и достаточно сильно почувствуют бесполезность старого мнения» (*Гербарт*, 1895, с. 96). Хотя психология Гербарта оказала огромное влияние на все последующее развитие психологии (исключением не является даже фрейдовский психоанализ), «согласия и благодарности» не последовало. На этом мы остановимся ниже.

Каковы же основания психологии как науки? Психология способностей основывалась на метафизических допущениях - существовании особых способностей. Гербарт утверждает, что «психология нуждается в других основаниях, где с самого начала обращалось бы внимание на изменяющиеся состояния. Мы наблюдаем в себе непосредственно их (а не способности)» (*Гербарт*, 1895, с. 98). Гербарт вводит различие между принципом (основанием) познания и реальным принципом: принципом познания называет начальный пункт знания, реальным принципом начальный пункт «бытия и бывания» (*Гербарт*, 1895, с. 28). «Я прямо отрицаю все мнимое тожество идеальных и реальных принципов, и всякое утверждение подобного рода считаю шлагбаумом, с самого начала загораживающим дорогу к истине. Все непосредственно данное есть явление; все познание реального основывается на взгляде, что данное не могло бы являться, если бы не было реального. А эти заключения от явления к реальному основываются не на воображаемых формах интуиции и мышления» (*Гербарт*, 1895, с. 28). «Принципы и методы взаимно друг друга определяют. Именно, принцип должен обладать двояким свойством: во-первых, с самого начала иметь собственную достоверность и, во-вторых, производить другую достоверность» (*Гербарт*, 1895, с. 28). Как можно увидеть, И. Гербарт почти буквально воспроизводит методологические рекомендации Фихте. Метод, по Гербарту, тот «вид и способ», которым производится «другая достоверность» (*Гербарт,* 1895, с. 28).

Основания психологии Гербарт видит в фактах сознания: «Принципы психологии суть такие факты сознания, из которых могут быть познаны законы того, что в нас происходит. Факты сознания, без сомнения, служат начальными пунктами всякого психологического размышления...» (*Гербарт,* 1895, с. 28). Было бы не вполне правильно предположить, что Гербарт – раз он имеет дело с сознанием – ограни-

чивается интроспекцией. Как раз и нет! «Внутреннее восприятие, знакомство с людьми, стоящими на разных ступенях образования, наблюдения воспитателей и государственных людей, сочинения путешественников, историков, поэтов и моралистов, наконец, наблюдения над сумасшедшими, больными и животными – все это доставляет материал психологии» (*Гербарт*, 1895, с. 97). Таким образом, сознание может раскрываться и в самонаблюдении, и в наблюдении за другими, и в анализе продуктов деятельности. Нельзя только экспериментировать: «Психология не смеет экспериментировать над людьми и не имеет для этого никаких искусственных приборов» (*Гербарт,* 1895, с. 100). Почему же тогда основной упор делается на непосредственных внутренних восприятиях? Гербарт отвечает: «Те факты, которые не воспринимаются непосредственно, но о которых только заключают из продуктов нашей деятельности, именно вследствие этого удаляются от принципов; они скорее проблемы, которые должны разрешаться наукою при помощи теорем» (*Гербарт,* 1895, с. 31). Непосредственные внутренние восприятия, таким образом, представляют основания, которые будут положены в основу теории. К этому стоит добавить, что сознание Гербартом понимается так, что в него включается и бессознательное («затемненные представления»).

Здесь мы приближаемся, возможно, к самому сложному вопросу, который неизбежно возникает перед любой общей психологической теорией, если она хочет быть научной теорией. Если найдено основание, принцип, то как из этого основания вывести теорию? Основание дано в опыте. Гербарт прекрасно понимает, что путь традиционной психологии способностей для него не подходит. Он отмечает, что вопросы о причинном отношении душевных способностей друг к другу остаются без ответа. Гербарт пишет: «...в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению. Самонаблюдение, уже при самом схватывании фактов сознания, уродует их; оно вырывает эти факты из необходимой связи и предает их беспорядочному обобщению, которое не останавливается до тех пор, пока не дойдет до высших родовых понятий – представления, чувствования и желания; тут при помощи ограничения (т. е. путем обратным тому, который замечается в эмпирической науке), этим понятиям, насколько оно подходит, подчиняется наблюдаемое разнородное. Если теперь к ненаучно образованным понятиям того, что в нас происходит, прибавляется предположение способностей, которыми мы владеем, то психология превращается в ми-

фологию» (*Гербарт,* 1895, с. 98–99). Чтобы психология не превратилась в мифологию, необходимо использовать какую-то объясняющую схему. Откуда она может взяться? Понятно, не из опыта. Посмотрим, что делает Гербарт. Во-первых, он использует «метод отношений». Поскольку опыт дает недостаточное понимание фактов, можно использовать процедуры, способствующие такому пониманию. «Та операция мышления, которою улучшается недостаточность, называется дополнением. И где недостаточность эмпирического наблюдения неизбежна, там должно быть предпринято дополнение умозрительным путем. А это возможно только при помощи указания отношений, т. е. таких реляций, в силу которых одно необходимо предполагает другое, и, что является признаком этого, одно без другого немыслимо» (*Гербарт,* 1895, с. 34–35). В «Главных положениях метафизики» И. Гербарт поясняет, что представляет собой метод отношений: «Метод отношений употребляется для отыскания необходимых дополнительных понятий, если они скрыты. Этого метода нельзя приравнивать к математической формуле, которой можно беспечно вверяться при вычислении. Он только описывает в общем (до известного пункта), какое направление неизбежно примет мыслитель, занявшись данным противоречием. Но без ближайшего знакомства с проблемой его совсем нельзя применять. Прежде всего, при помощи аналитического рассмотрения, проблема должна быть доведена до такой совершенной отчетливости, чтобы можно было ясно мыслить как противоречие то, что только чувствовалось как трудность. Если пункт противоречия в точности найден, то является необходимым его противоречивое отрицание. Обозначив главное понятие через A, различим в нем два члена – M и N, которые оно допускает как тождественные и которые все-таки (по какому-нибудь признаку, хотя бы одному) относятся к другу как да и нет. Противоречие не заключается ни в одном из членов, взятом самим по себе: оно заключается в их воображаемом тождестве. Это тождество и должно быть отрицаемо» (*Гербарт,* 1895, с. 35). Не буду подробно описывать метод, остановлюсь лишь на ближайших следствиях. «Вся психология не может быть ничем иным, кроме дополнения внутренне воспринимаемых фактов» (*Гербарт,* 1895, с. 36). «Данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью. Следовательно, в этом смысле она должна переступить опыт» (*Гербарт,* 1895, с. 36). По-видимому, И. Гербарт был первым, кто фактически поставил вопрос не только об основаниях

психологии как науки, но и о логике развертывания теории. Где эту логику можно позаимствовать? Гербарт анализирует следующие возможности («Полезно будет предварительно сравнить психологию с тремя главными отраслями естествознания» (*Гербарт,* 1895, с. 98): 1) естественная история: «... в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению» (*Гербарт,* 1895, с. 98). «По этой неопределенности низших понятий, сейчас же видно, что восприятие психологических фактов, неопределенное с самого начала, не допускает никакой чисто естественной истории духа» (*Гербарт*, 1895, с. 98); 2) эмпирическая физика: «эмпирическая физика, не знающая собственных сил природы, приходит к известным правилам, с которыми сообразуются явления. При помощи приведения (Zurückführung) к этим правилам, она вносит связь в многообразное содержание явлений. Великими вспомогательными средствами при ее открытиях являются эксперименты с искусственными приборами и вычисление» (*Гербарт,* 1895, с. 99–100). «Психология не смеет экспериментировать над людьми, и не имеет для этого никаких искусственных приборов. Тем старательнее нужно ей пользоваться помощью вычисления. Через него, прежде всего, достигается научная определенность основных понятий; затем начинается дело приведения» (*Гербарт,* 1895, с. 100); 3) физиология: «Физиология, рассматривая животную жизнь, употребляет три главных понятия, именно: живости (Vegetation), раздражительности (Irritabilitat) и чувствительности (Sensibilitat). Если попытаться сравнить способность чувствования с чувствительностью, способность желания с раздражительностью и способность представления с живостью, то окажется, что (насколько, по крайней мере, проливает свет эта аналогия), в то время, когда во сне бывает незаметной чувствительность, продолжается живость, и что раздражительность мускулов получает новые силы...» (*Гербарт*, 1895, с. 100). «...Вся душевная жизнь человека несравненно более переменчива, чем какой бы то ни было предмет физиологии» (*Гербарт,* 1895, с. 100).

Гербарт резюмирует. Хотя психология должна основываться на опыте и эти вопросы развиваются в общей метафизике, однако дальнейшая разработка «требует, сверх того, высшей математики, потому что представления должны быть рассматриваемы как силы, действие которых зависит от их напряженности (Starke), противоположностей и связей, а все это различается по степеням» (*Гербарт,* 1895, с. 101).

Для Гербарта главное – представить механику психической жизни. Недостаток предшествующей психологии Гербарт видит в том, что «оставляют совершенно скрытой сущность психического механизма» (*Гербарт,* 1895, с. 103). Гербарт строит статику и механику духа, опираясь на математические закономерности. Здесь нет возможности останавливаться на психологических теориях Гербарта. Наш краткий анализ касается лишь методологии, причем в той ее части, которая относится к обоснованию возможности существования психологии как науки.

Возможна ли научная психология, подобная гербартовской? По-видимому, возможна. Опыт развития математической психологии в XX столетии это подтверждает. Но, очевидно, что для выделения из философии в качестве самостоятельной науки этого оказалось недостаточно. Собственно говоря, задачи отделения от философии Гербарт и не ставил! Это обстоятельство крайне важно подчеркнуть: вопрос о выделении не стоял – внутренней потребности отделиться пока не существовало. Психология продолжала оставаться философской, но Гербарт пытался сделать ее наукой. Для этого он выполнил, насколько это было возможно, методологические требования, исходящие и от Фихте, и от Канта. А попытка конституировать психологию как науку во многом удалась. Как мы помним, по Канту, психологии не хватало использования математики и эксперимента. Отказавшись от эксперимента, и сосредоточившись на применении математики в психологии, Гербарт сделал шаг к приближению к идеалам научности. В связи с этим, необходимы, на наш взгляд, некоторые уточнения. Известно, к примеру, утверждение Рибо, что Гербарт даже не предчувствовал появления трудов по психофизике, которые показали возможность экспериментального исследования ощущений. Психофизика, как область физиологии и физики ощущений (Вебер, Гельмгольц и др.) или дисциплина, призванная решить глобальные философские вопросы (Фехнер), Гербарта не очень интересовала, т. к. он решал задачу создания психологии как науки, поэтому ориентировался на факты сознания (представления, чувства, волю), а до экспериментов в этой области было еще очень далеко. Гербарт был психологом, работавшим внутри психологии, решавшим внутренние психологические проблемы. Ни Вебер, ни Гельмгольц, ни Фехнер психологами не были. Конечно, справедливо утверждение А.Н. Ждан, что «само применение математики оказалось неудачным. Впервые эту поставленную Гербартом задачу осуществил Г. Фехнер» (*Ждан,* 1990, с. 131). Но не стоит забывать, что у Гербарта математика использовалась в качестве

«теоретического» средства развертывания психологической теории, а у Фехнера как решение специальной задачи, связанной с обработкой эмпирического материала, т. е. речь шла о существенно различающемся использовании математики.

Могла ли гербартовская логика привести к отделению психологии от философии? На наш взгляд, нет. Отделиться от философии означало продемонстрировать несходство науки с философией. Первое отличие, безусловно, эксперимент. Как мы помним, Гербарт экспериментировать «не смел». Второе, Гербарт утверждал, что его психология основана на опыте. Но она так и не стала эмпирической (в современном значении этого слова). По вольфовской классификации, это была бы скорее «теоретическая» психология. (Кстати отметим, что Гербарт выделял в своей концепции и эмпирическую и рациональную психологии). Третье, Гербарт отчетливо осознавал, что для приобретения статуса науки психология должна «уподобиться» какой-то науке, «научность» которой сомнению не подлежит (т. е. естественной науке). Мы видели, что Гербарт рассмотрел эти возможности. С точки зрения современной психологии (да, пожалуй, и науки середины XIX столетия) такой наукой была физиология. Принцип психофизиологического параллелизма позволял «запараллелиться» с «настоящей» наукой, но сохранить свою самостоятельность. Этой возможности для Гербарта еще не существовало (напомним, шел 1816 год, а физиологии органов чувств и нервной системы предстоял этап интенсивнейшего развития; как мы видели, в физиологии «1816 года» такой основы попросту не существовало). И последнее, может быть, самое главное. Психология приступила к обоснованию своей научности. Гербарт свой выбор сделал: психология должна быть естественной наукой по образцу физики. Статика и механика представлений была Гербартом описана. Но задача отделения от философии – другая задача и возникла она, на наш взгляд, позднее. И, как это часто было в истории психологии, под влиянием внешних причин. По нашему мнению, существенное влияние на инициацию процессов отделения психологии от философии оказала положительная философия О. Конта.

Классическая эмпирическая психология

Необходимо, хотя бы в нескольких словах, охарактеризовать эмпирическую психологию, которая представляла доминирующее направление в психологии первой половины XIX столетия. Напомним, что основателем эмпиризма был Д. Локк (1690). Представляется

полезным напомнить современному читателю, что эмпирическая была вовсе не то, что ассоциируется со словом «эмпирический» сегодня. Эмпирическая психология настаивала на том, что идеи возникают в опыте. В этом смысле и использовалось название – эмпирическая, опытная психология. Эмпирическая психология утверждала, что необходим переход от рассуждений о душе к изучению душевных явлений. Но было бы большим заблуждением полагать, будто эмпирическая психология занималась эмпирическим изучением психических явлений. Этого, разумеется, не было. И поэтому чрезвычайно широко распространенное убеждение, согласно которому в эмпирической психологии использовалась интроспекция как метод добывания эмпирических фактов, оказывается мифом. Эмпирическая психология как разновидность психологии философской не нуждалась в опытных исследованиях: данные, полученные с помощью самонаблюдения (эпизодического, бессистемного, неконтролируемого), использовались как подтверждающие примеры, не более того. Это была, повторим, классическая философская психология. На это проницательно указал в блестящем очерке «Развитие экспериментальной психологии» П. Фресс: «Оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем» *(Фресс,* 1966, с. 18). Итак, констатируем, что эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Разумеется, здесь нет возможности дать анализ эмпирической психологии. Остановимся лишь на некоторых моментах, имеющих, на наш взгляд, непосредственное отношение к превращению психологии в науку. «XIX век является веком триумфа ассоцианизма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни. В ассоцианизме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики, морали, воспитания» (*Ждан,* 1990, с. 135). Ассоциативная эмпирическая психология в Англии была представлена такими именами, как Томас Браун, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Александер Бэн. Важно подчеркнуть, что в работах Д.С. Милля и Г. Спенсера произошло соединение ассоциационизма с позитивизмом.

В доктрине ассоциационизма предполагалось, что единственным методом исследования духа (напомним, книга Т. Брауна называлась «Лекции по философии человеческого духа», а главный труд Джеймса Милля «Анализ явлений человеческого духа») полагалось самона-

блюдение. Т. Браун выдвинул аналогию, которая использовалась многими исследователями, разрабатывавшими психологию. В начале XIX столетия бурно развивалась химия. Если в предшествующих исследованиях пытались строить «механику» ассоциаций, то Браун предложил в качестве модели химию. Брауном была предложена идея виртуального анализа в психологии. «Как в химии качества отдельных ингредиентов сложного тела не узнаются нами в качествах самого сложного тела, так и в своеобразной химии духа сложное чувство, происходящее от первичных чувств через ассоциацию, на первый взгляд имеет мало сходства с составными его частями как существующими первоначально в элементарном состоянии, так что требуется напряженная сосредоточенность мысли, чтобы разложить и разделить на части совокупность, которая могла составиться раньше в продолжение нескольких лет. Что делает химик по отношению к материи, то же самое делает интеллектуальный аналитик по отношению к духу. В отличие от анализа в других науках, которые имеют дело с веществом, анализ в отношении духа не может дать реального расчленения психических явлений: самое сложное чувство есть всегда одно чувство, нет половины чувства радости или скорби» (*Ждан,* 1990, с. 137). Джеймс Милль в 1829 году публикует книгу «Анализ явлений человеческого духа», которая оценивается «как наиболее прямолинейная и бескомпромиссная реализация механистического подхода к психике с позиций “жесткого” ассоцианизма» (*Ярошевский,* 1985, с. 181). Дж. Милль, как и Браун, считает интроспекцию единственным средством, позволяющим исследовать сознание. В отличие от Т. Брауна, Дж. Милль строит не умственную химию, а механику. Ментальные образования представляют собой соединения по типу механики. Сын Дж. Милля, Джон Стюарт Милль вернулся к идеям Брауна о ментальной химии (на работах Д.С. Милля мы остановимся особо, т. к. работы Д.С. Милля – в первую очередь «Система логики» – оказали на формирование психологии как науки значительное методологическое влияние.

Отметим, что в английском ассоциационизме сложилось устойчивое представление (а английская эмпирическая психология имела высокий авторитет – Д.С. Милль и Г. Спенсер были «властителями дум» в первой половине девятнадцатого столетия), что психология может развиваться по образцу какой-то из естественных наук: физики, механики, химии. Образец дает общую схему, эскиз, а конкретные данные дает самонаблюдение. Самонаблюдение «контролирует» и «сцепление» психологических понятий (для того, чтобы полученная картина

была достоверной): метод, использованный Вольфом, продолжает работать в психологии.

Обратим внимание на одну особенность ассоциационизма, подмеченную М.Г. Ярошевским. Речь идет об афизиологизме. «Ассоциативное направление, включая примыкавшие к нему концепции Гербарта (и другого немецкого философа – Бенеке), выступило в первой половине прошлого века как афизиологическое. Этим оно существенно отличалось от ассоцианизма XVII–XVIII вв., пафос которого состоял в том, чтобы объяснить связь и смену психических явлений объективной динамикой телесных процессов, понимавшейся сперва по типу механики, затем акустики (учения о вибрациях)» (Ярошевский, 1985, с. 183). Заметим, кстати, что Гербарт анализирует возможность обоснования психологии через физиологию, но поскольку физиология в то время была недостаточно развита, эту возможность отвергает (*Мазилов,* 1998). Ассоциации стали пониматься в психологии первой половины XIX века как имманентный принцип сознания. То, что в английской психологии и у И. Гербарта выступила проблема закономерностей душевной деятельности (которые не могли сводиться к физиологическим, в силу упоминавшейся афизиологичности концепций), явилось важнейшей предпосылкой выделения психологии. Наличие собственных законов – обязательное условие самостоятельности науки. Методологический анализ этого вопроса, как мы увидим, был осуществлен Д.С. Миллем.

Огюст Конт

Огюст Конт (1798–1857), как хорошо известно, не только не был психологом, но и скептически относился к возможностям психологии как науки. Именно контовская критика, как можно полагать, стимулировала выделение психологии в самостоятельную науку. О. Конт сформулировал «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий»: «Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями теологическая, метафизическая и научная... Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение – постепенно привести к третьей; именно на этой последней, един-

ственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным» (*Конт,* 1910, с. 10). Итак, научность в первой половине XIX столетия наполняется новым содержанием. О. Конт едко, остроумно критикует теологическую и метафизическую философию. В качестве основного признака положительной, позитивной стадии развития формулируется «закон постоянного подчинения воображения наблюдению». «Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает, как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был, сверх того, рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую, функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова – простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях... мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования» (*Конт,* 1910, с. 17). О. Конт выступал, что важно подчеркнуть, против абсолютизации роли опыта: «После того, как подчинение воображения наблюдению было единодушно признано, как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая ре-

альную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между этими двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу...» (*Конт*, 1910, с. 19). Наука, согласно Конту, заключается именно в законах: факты, как бы точны и многочисленны они ни были, являются лишь сырым материалом. Предвидение возможно лишь на основе знания законов. Основные положения позитивизма быстро распространились благодаря трудам самого Конта и его сподвижников – Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Остановимся на взглядах Конта на психологию. Во-первых, Конт отвергает возможность интроспекции. Наблюдение человека за своими умственными процессами уподобляется Контом «человеку, который в окно пытается увидеть себя, идущим по улице». Как писал об этом Д.С. Милль, Конт «полагал, что наш ум в состоянии наблюдать все другое, кроме себя самого, что мы не в силах наблюдать свое наблюдение и рассуждение во время самих процессов; и если бы захотели сделать это, то внимание к самому рефлексу уничтожило бы его объект, остановив собою наблюдаемый процесс» (*Милль*, 1857, с. 59). Во-вторых, о психологии Конт везде высказывается с явным пренебрежением. Оно вызвано тем, что, согласно вышеприведенному закону трех стадий, психология явно находится на второй, метафизической стадии. Следовательно, на звание позитивной науки претендовать не может. В-третьих, в классификации наук, разработанной Контом, психологии вообще не находится места. «Изучение умственных явлений или, как он выражается, интеллектуальных и нравственных отправлений, помещено у него под рубрикой биологии, но и то как ветвь физиологии» (*Милль*, 1857, с. 58). Примечательно, на наш взгляд, что для исследования «интеллектуальных и нравственных отправлений» Конт предлагал френологию. Как об этом писал Джон Стюарт Милль: «Стыдно сказать: – френологию!» (*Милль*, 1857, с. 60). Примечательно, собственно говоря, то обстоятельство, что Конт чувствовал: психологии необходима естественнонаучная «привязка». Конт увидел ее в анатомии мозга.

Нам представляется верным вывод Д.С. Милля: «Поэтому, не отрицая той помощи, какую изучение мозга и нервов в состоянии оказать психологии (а оно принесло и принесет еще большую помощь), мы можем утверждать, что Конт не сделал ничего для установки положитель-

ного метода в науке духа» (*Милль*, 1857, с. 61). Вместе с тем, мы можем утверждать, что косвенно Конт повлиял на психологию, причем очень сильно. В первую очередь тем, что, фактически, из контовской критики психологии вытекала задача разработки позитивного метода в психологии. Конт оставил «на долю своих преемников – Бэна и Спенсера, отнесшихся к предмету с двоякой точки зрения: психологической и физиологической – развитие психологической ветви положительного метода, равно как и самой психологии» (*Милль,* 1857, с. 61).

У психологии, «обиженной» О. Контом, должны были найтись защитники. И они, конечно, нашлись.

Джон Стюарт Милль

Джон Стюарт Милль (1806–1873), сын Джеймса Милля, оказал огромное влияние на развитие психологической науки своей «Системой логики». Д.С. Миллем была разработана методология «индуктивных наук», которой так или иначе руководствовались не только современники, но и представители следующего поколения, которым и было суждено сделать психологию самостоятельной наукой.

Знаменитое сочинение Д.С. Милля «Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования» (Первое английское издание 1843) действительно изменило интеллектуальный климат XIX столетия. Как писал Г. Риккерт, «Д.С. Милль первый сделал попытку создать систематическую логику наук о духе» (*Риккерт,* 1904, с. 193). «Изучая приемы исследования в области точных наук, Милль хотел узнать не столько то, как совершались научные открытия в этих областях науки, сколько то, каким образом исследователи сами приходили к убеждению и убеждали других в том, что их заключения правильны. Изучив, в чем видят здесь критерий истинности и каковы принципы доказательства, Милль и задался целью формулировать их так, чтобы они могли прилагаться к положениям политики, этики, истории, психологии... В действительности у Милля обзор научных методов должен был служить всего лишь введением к шестой книге его “Системы логики” – к логике нравственных наук» (*Минто,* 1905, с. 311–312). К сожалению, здесь нет возможности хотя бы обозначить те методологические положения, которые без преувеличения составили «руководство для желающих преуспеть в науках». В качестве примера сошлемся лишь на то, что Г.Т. Фехнер, разработавший в своих «Основах психофизики» специальные психофизические методы (метод истинных и ложных случаев, метод границ, метод минимальных изменений), явно руководствовался миллевским описанием четырех «методов опытного исследования». Можно сказать, что «Система логики» открыла новую эру в науке, когда философские соображения о методах и средствах научного исследования выделились в специальную дисциплину – предшественницу научной методологии.

В шестой книге, о которой уже упоминалось, как нам представляется, сделан еще один необходимый шаг, без совершения которого выделение психологии в качестве самостоятельной науки произойти не могло. Д.С. Милль, полемизируя с Контом, приходит к очень важному выводу: «остается бесспорным, что между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообра-

зия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта» (*Милль,* 1914, с. 774). Милль отмечает, что предметом психологии служат единообразные последовательности – законы духа, одни из которых имеют более общий характер, другие более частный. Милль признает связь психических явлений с нервными, физиологическими состояниями. И делает вывод, имеющий, на наш взгляд, решающее значение: «Таким образом, последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нервной системы; а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то, несомненно, еще долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта. Так как, таким образом, порядок наших психических явлений приходится изучать на них самих, а не выводить из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе» (*Милль*, 1914, с. 774–775).

Необходимо коснуться еще одного важного вопроса. Речь идет о взаимоотношениях нарождающейся психологии и исследований в области физиологии ощущений и психофизики. Часто отмечается, что возникновению психологии как самостоятельной науки предшествовали успехи физиологии органов чувств и психофизики. Действительно, физиология ощущений и психофизика способствовали выделению психологии. Но это влияние было косвенным. Ни Гельмгольц, ни Вебер, ни Фехнер психологией не занимались. Они много сделали для разработки методов и методик в смежных для психологии областях. Каждый из прекрасных ученых и тонких исследователей решал свои научные задачи. Психология позаимствовала, «аннексировала» эти научные проблемы и методы их решения, переосмыслив результаты в свете предмета научной психологии. Психофизика Фехнера находилась «в другой плоскости», нежели психология как наука. Уильям Джемс очень ярко описал отношение фехнеровской психофизики к психологии: «Книга Фехнера была отправной точкой новой литературы, которая по тонкости и доскональности не имеет себе равных, но психологический выход которой, по скромному мнению автора, пишущего эти строки, равен нулю».

Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии (*Фресс,* 1966 и др.), на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как

средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета. Заслуга Фехнера (перед научной психологией) в том, что психофизические методы были использованы как средство измерения определенных психических явлений. Такое использование эксперимента было продолжено Г. Эббингаузом (*Ebbinghaus*, 1885). Традиционно считается, что важнейшим этапом в развитии экспериментальной психологии являются исследования Г. Эббингауза о памяти. Иногда полагают, что Эббингауз даже явился создателем собственно психологического эксперимента, поскольку впервые он оказался примененным для изучения памяти как психической функции (*Ярошевский*, 1985). В значительной степени это так, хотя стоит обратить внимание на то, что сам Эббингауз придавал измерению и эксперименту вспомогательное значение. Эббингауз полагал, что психология как дисциплина создается самонаблюдением и наблюдением, в более поздней работе (*Ebbinghaus*, 1902) изложение экспериментальных результатов попадает в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиции общих представлений о сознании. В исследовании памяти (Ebbinghaus, 1885) метод эксперимента используется для решения конкретного вопроса, а именно выполняет функцию измерения поведенческих характеристик. Таким образом, мы видим, что в данном случае следует различать предмет исследования и предмет науки.

Другим предшественником экспериментальной психологии был Г. Гельмгольц. Гельмгольц также не был психологом, вопросы собственно психологии его мало интересовали (что, на наш взгляд, было основной причиной, объясняющей, почему у Гельмгольца и Вундта не сложились взаимоотношения), но он для решения конкретно-научных физиологических задач использовал технику функционального эксперимента: установление зависимости какого-либо явления от определенного фактора, т. е. выяснение функциональной связи переменных. Изменение восприятий выступало в качестве индикатора. Техника функционального эксперимента в научной психологии также использовалась впоследствии применительно к другому предмету.

Вильгельм Вундт

Вильгельм-Макс Вундт (1832–1920) «был одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины» (*Фресс,* 1966, с. 31). Причем «первым психологом» В. Вундт оказался вполне осознанно. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (*Вундт*, 1880, с. 111).

Вильгельм Вундт предпринял попытку построения физиологической психологии. Хотя Вундт является основателем научной психологии, что практически никем не оспаривается, вокруг имени ученого и его трудов существует много легенд, недоразумений, да и просто неправедных оценок. Безусловно, многочисленные исследования В. Вундта заслуживают специального историко-методологического анализа. Да и сам «отец научной психологии» давно заслуживает русскоязычной научной биографии... Остановимся (с нескрываемым сожалением) лишь на некоторых моментах деятельности Вундта, имеющих методологический характер.

Вундт подчеркивает, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом. «Мы называем нашу науку физиологическою психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (*Вундт*, 1880, с. 2). В этой науке психологическое самонаблюдение идет «рука об руку» с методами экспе-

риментальной физиологии. «Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» (*Вундт*, 1880, с. 2). Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущения, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только самонаблюдением.

Необходимо сказать, что Вильгельм Вундт достаточно противоречивый, эклектический мыслитель. Поэтому легко выстраиваются упрощенные схемы, которые не оправдываются при знакомстве с другими текстами. Сам Вундт был проницательным психологом, отдававшим себе отчет в реальной сложности объекта психологии, поэтому сводить его взгляды к примитивной модели вряд ли правомерно. Да и 53735 страниц вундтовских трудов (по подсчетам Эдвина Боринга (*Boring*, 1950)) к этому не располагают.

Известно, что Вундт окончил медицинский факультет, отказался от карьеры практикующего врача, начал заниматься исследовательской деятельностью в области физиологии в Гейдельберге, где он работал в лаборатории Гельмгольца. Как мы уже отмечали, хотя Вундт и Гельмгольц относились друг к другу с уважением, «тесной дружбы» между ними не было. По нашему мнению, одной из причин такого положения вещей была различная научная мотивация их исследований: Гельмгольца интересовали конкретные научные вопросы физиологии ощущений, а Вундт пытается обосновать новую научную дисциплину – экспериментальную психологию. Уже в ранней вундтовской работе «Beitrage zur Theorie der Sinneswahrnehmung» *(Wundt,* 1862) он рассуждает об экспериментальной психологии, опираясь на результаты собственных экспериментов. Он, ссылаясь на Гербарта, также утверждает, что психология должна быть наукой, но основываясь на эксперименте. Курс лекций Вундта с 1862 года называется «Психология с точки зрения естественных наук». (С этим будут полемизировать многие: от Брентано, чей основной труд назывался «Психология с эмпирической точки зрения», до Уотсона, написавшего «Психологию с точки зрения бихевиориста»). В «Лекциях о душе человека и животных» (*Wundt*, 1863) Вундт излагает свою программу «двух психологий»: экспериментальной (позднее он будет называть ее физиологической), где допустимо экспериментирование, и культурно-исторической (впоследствии он даст ей название «психология наро-

дов»), где экспериментирование невозможно и где используются исторический и описательный методы.

В 1874 году, когда выходит труд Вундта «Основы физиологической психологии» (*Wundt*,1874) (русский перевод 1880 года (*Вундт*, 1880)), объем которого превышает тысячу страниц, становится ясно, что новая психология заявила о себе в полный голос. Каковы ее основные черты?

Вундт отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции. «Последние элементы, из которых самостоятельная психологическая теория выводит все сложные явления в области внутреннего опыта, суть не метафизические предположения относительно сущности души, но лишь непосредственно данные простые факты внутреннего опыта. Так как вся область внутренних явлений представляет характер непосредственности, то элементарные факты этой области тоже должны быть непосредственными. Итак, психология имеет то важное преимущество перед физическими науками, что ее теория совершенно не нуждается в метафизических гипотезах. Психология все более и более будет становиться чисто опытной наукой, тогда как физика, в известном смысле, получает характер гипотетичности» (*Вундт*, 1880, с. 1010–1011). Если психология теперь наука о непосредственном опыте, то, естественно, основным методом является метод внутреннего наблюдения. Эксперимент выполняет роль вспомогательного метода. Предмет и метод находятся в тесной взаимосвязи: раз теперь изучается непосредственный опыт, то самонаблюдение должно направляться на то, чтобы исследовать структуру этого опыта. Вундт указывает, что психология находится еще в зачатке: частично по причине сложности явлений внутреннего опыта и сложности их исследования, частично из за вредного влияния гипотез, перешедших в психологию из метафизики. Поэтому в настоящее время, считает Вундт, психология должна сосредоточиться на предварительной работе: «Путем внимательного анализа сложных фактов сознания, психология должна отыскать основные, элементарные явления внутреннего опыта; указав те соединения, в которые вступают эти элементы, и те изменения, которым они подвергаются, психология приготовит почву для будущего синтеза психологических фактов» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Вундт называет элементы – первичные факты сознания: «На первый взгляд может показаться, что первичными фактами сознания являются различные элементы – ощущение, чувство, воля...» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Заметим, что в нашей психологической литературе часто так и принято считать: Вундт расчленяет сознание на ощущения,

чувства, волю. Между тем, Вундт иного мнения: «...действительным элементом всех душевных явлений мы должны признать ту деятельность, в которой первоначально соединены и ощущение и воля. Эта первичнейшая форма психической деятельности есть... побуждение» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Действительно, мы помним, что Вундт называл себя волюнтаристом. Вундту, как выясняется, не чужды идеи развития. «Итак, путем исследования произвольных действий, мы нашли, что побуждение есть общий исходный пункт развития как для представления, так и для воли; после этого не трудно убедиться, что, в частности, представления и вообще все сложные явления сознания заключают в себе побуждение как первичный элемент» (*Вундт*, 1880, с. 1012). Вероятно, для тех, кто по-прежнему считает, что Вундт – «интроспекционист, изучающий замкнутое в себе сознание», трудно поверить, что он мог так высказываться: «В первичный синтез всегда входит, как содействующий фактор, движение; можно думать, что это движение обусловливается элементарным побуждением...» *(Вундт*, 1880, с. 1012). Иными словами, Вундт многолик, и внутри его системы есть положения, свидетельствующие, что к внутреннему опыту можно подходить по-разному: можно изучать структуру (с этого надо начинать), можно изучать его развитие или, вообще, рассматривать как процесс.

Словно предчувствуя, что его взгляды будут пониматься зачастую не вполне адекватно, Вундт писал: «Но мы нимало не выиграем в науке, если будем насильственно сводить сложные явления к какой-нибудь простой схеме. Единственная задача психологической теории, в которой можно рассчитывать на успех, – заключается в том, чтобы выработать, по синтетическому методу, психическую историю развития» (*Вундт*, 1880, с. 1012).

Итак, автором программы, которая позволила психологии институционализироваться в качестве самостоятельной науки, выступил В. Вундт. Историки психологии, изучавшие этот вопрос, выделили целый комплекс причин, обусловивших эту институационализацию. Среди них и использование специфических методов, и развитие смежных наук, и требования практики, и, разумеется, выделение предмета, позволяющего заявлять о несовпадении с философией, от которой психология и мечтала отделиться. Мощным фактором, стимулировавшим интерес к проблеме автономности психологии, явилась знаменитая работа О. Конта, посвященная классификации наук. По О. Конту, психологии не нашлось места в системе наук на том основании, что психология представляла собой не науку, а метафизику.

Напомним, что согласно Конту, знание проходит следующие ступени: мифология, метафизика, позитивная наука. Таким образом, обязательными требованиями для разработки программ построения психологии как самостоятельной науки явились как отчетливо артикулированный отказ от метафизики, так и объявление психологии наукой опытной, эмпирической, позитивной. В крайнем случае можно было поставить задачу разработки новой «научной метафизики». Итак, благодаря заслугам В. Вундта, психология в последней четверти девятнадцатого века становится самостоятельной научной дисциплиной. Существовали альтернативные программы построения психологии как самостоятельной науки (Ф. Брентано, И.М. Сеченов), но «отцом» научной психологии стал В. Вундт. Физиологическая психология была принята научным сообществом, т.к. все требования были выполнены. Психология была опытной наукой, использующей измерение и эксперимент. Психология имела свои собственные законы, не сводимые ни к физиологическим, ни к каким иным. Вместе с тем, благодаря психофизиологическому параллелизму психология была приближена к естественным наукам. Все вместе настолько отличало физиологическую психологию от философии, что выделение состоялось. Психология стала самостоятельной. А стала ли она наукой?

Вопрос совсем не так прост, как это может показаться. Большинство исследователей вообще предпочитают не останавливаться на этом моменте. Специальное исследование по этому поводу было проведено С.Л. Рубинштейном. В статье «Философские корни экспериментальной психологии», опубликованной в 1940 году, С.Л. Рубинштейн анализирует различия между знанием и наукой: «говоря о науке, мы отличаем ее от совокупности сведений, взглядов или воззрений по вопросам той или иной области знания. Существенным для науки является наличие определенной системы знаний, отражающих специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету методов исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к плановому, систематическому их добыванию» (*Рубинштейн*, 1973, с. 70). Нельзя не согласиться с С.Л. Рубинштейном, подчеркивающим особенное значение выявления обстоятельств рождения науки: «При этом нужно учитывать, что история науки – это история конкретных исследований, приводящая к последовательному накоплению конкретных знаний и методов исследования, преемственно между собою связанных, и теоретических концепций, которые превращают совокупности знаний в систему науки. Лишь в своем единстве, взаимопроникновении и взаимообусловлен-

ности история конкретных исследований и теоретических концепций образует подлинную историю науки» (*Рубинштейн,* 1973, с. 70–71). Этот переход от знания к науке, как известно, в механике происходил в XVII в, в большинстве областей знания – в XVIII в. В психологии он свершился во второй половине XIX столетия. Как замечает С.Л. Рубинштейн, «лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятельную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т.е. специфичной для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний» (*Рубинштейн,* 1973, с. 71).

С.Л. Рубинштейн, на статью которого мы неоднократно ссылались, М.С. Роговин (*Роговин*, 1969)], М.Г. Ярошевский (*Ярошевский,* 1985), А.Н. Ждан *(Ждан*, 1990) и др. справедливо указывают на то, что для отделения психологии должны были сформироваться предпосылки. Среди предпосылок: философско-методологические (концепция сознания Декарта-Локка, картезианское понятие рефлекса); развитие научных областей, на которые психология должна опираться (физиология, биология); развитие экспериментального метода (в физиологии органов чувств). Среди факторов, влиявших на выделение психологии можно назвать еще многие. Среди них и те, которые имеют непосредственное отношение к логике развития знания, заставляющие его переходить на новый уровень.

Итак, по внутренним критериям физиологическая психология, безусловно, становится наукой. Метафизика решительно изгоняется из психологии. Вундт соглашается рассматривать душу лишь как собственно «логический субъект внутреннего опыта» (*Вундт,* 1880, с. 9). Существовавший ранее необходимый «образец» (напомним, им для Вундта была химия) становится уже не так нужен. Вместо того, чтобы утверждать, что психология должна строиться по образцу физики или химии, достаточно заявления, что психология должна изучать структуру опыта. Это важное отличие. Оно означает, что психология начинает руководствоваться собственной логикой. Не статика и механика, но структура, процесс становятся психологическими категориями. К ним добавляются (имеющие совсем иное происхождение история, генезис, уровень. В основу кладутся иные понятия. Вундт говорит, что только тогда можно будет установить истинное значение классификационных понятий, когда «будут разобраны элементарные проявления нашей внутренней жизни» (*Вундт,* 1880, с. 11).

Подведем итоги. Психология стала наукой. История показала, что кантовская критика возымела действие. Психология стала использовать и эксперимент (в физиологической психологии) и математику (это предлагал еще Гербарт, математику внедрил в психофизику Фехнер, а психология Вундта использовала, ассимилировала, «включив» в пространство физиологической психологии).

По канонам позитивизма, психология стала по настоящему опытной позитивной наукой. Она отказалась от метафизики, от априорных концепций и принялась изучать феномены и находить их законы.

Благодаря принципу психофизического параллелизма психология сохранила теснейшую связь с физиологией, которая, несомненно, являлась естественной наукой, но, тем не менее, оказалась несводимой к физиологии, отличной от нее.

Благодаря этим обстоятельствам психология смогла в глазах научной общественности претендовать на самостоятельность и независимость от философии. Это, кстати, объясняет парадоксальный факт – Вундт, окончивший медицинский факультет, и занимавшийся впоследствии физиологией, «выделил» психологию из философии, хотя был противником полного отделения, считая, что психология – философская наука и отрыв от философии повредит в первую очередь самой психологии (к этому вопросу мы еще вернемся). Это, так сказать, «внешняя» история выделения психологии. Внешняя в том смысле, что «решение» о выделении принимает научное сообщество. Официальная институационализация (решения правительств, создания институтов, проведение мероприятий, открытие кафедр и т.д.) в конечном счете зависит от признания научного сообщества. Именно поэтому психологии важно было соблюсти *внешние* признаки научности, сориентироваться на идеал «естественных» наук. Вундт это сделал, хотя он прекрасно понимал, что «естественнонаучной» модели соответствует только часть психологии (физиологическая психология). Таким образом, ценой выделения психологии в самостоятельную науку было ее расчленение на две части: физиологическую психологию и психологию народов. К чести Вундта, нужно сказать, что он сделал все, чтобы сохранить преемственность и взаимодействие между «психологиями». Тем не менее, раскол состоялся.

Однако была и «*внутренняя*» история выделения. На место существовавших представлений о душе или внутреннем опыте Вундт ставит непосредственный опыт. Таким образом, психология приобретает новый предмет. Кстати, по утверждению Вундта, предмет уникален. Только психология имеет дело с непосредственным опытом. В этом

заключается психологизм Вундта. Все остальные науки используют опосредствованный опыт. Уже поэтому психология имеет право на самостоятельность. Вундт прекрасно понимал, что предмет психологии (наука о непосредственном опыте) предполагает определенный метод и этот метод, несомненно, *внутреннее наблюдение.* И Кант, и, позднее, Конт, как известно, весьма скептически отзывались о возможностях этого метода. Поэтому он нуждался в модификациях. Они были осуществлены Вундтом.

Другой важный момент состоял в том, что, в соответствии с позитивистской моделью науки, психология, по утверждению Вундта, должна была становиться все более непосредственной наукой. Первично изучение фактов, из них выводятся законы. Вундт допускает возможность вспомогательных гипотез, как необходимого научного инструмента. Метафизические понятия (изначально) отвергаются. Так, Вундт отказывается использовать понятия «сил» и «способностей». Но глобальных расчленений внутри психологии избежать не удается. Вундт фактически использует классификации, восходящие еще к Платону (познание, чувствование, желание) и Аристотелю (ощущение и мышление), хотя и настаивает на их соответствии данным внутреннего опыта. Как пишет Вундт, «если психология действительно не в состоянии положить в основу своих объяснений и выводов понятие о силе, в том смысле, в каком оно утверждено физическими науками, то лучше воздержаться от преждевременных выводов, чем исходить из понятий, принятых в ложном смысле. Однако мы впоследствии убедимся, что и в области внутреннего опыта понятие о силе получит истинное значение, если мы перестанем видеть в явлениях внутренней жизни проявления метафизической субстанции, или изменения ее под влиянием внешних воздействий, но будем изучать элементарные явления психической жизни в их непосредственном взаимодействии» (*Вундт*, 1880, с. 21). Последнее утверждение, на наш взгляд, чрезвычайно важно, т.к. оно проливает свет на замысел Вундта. Психология, во всяком случае на первых этапах, должна исследовать структуру непосредственного опыта. Здесь может быть прослежена аналогия с химией, но это только аналогия. У психологии теперь своя – если угодно – научная *психологическая* логика. Выявив свой предмет, психология у Вундта формирует строй понятий. Для этого используются те, которые использовались в психологии традиционно, но все они наполняются новым содержанием. По нашему мнению, понятие «структура», выделенное в системе Вундта, играет совершенно особую, конституирующую роль. Если это

так, то аналогичные понятия должны обнаруживаться и в других психологических концепциях. Отказ от метафизических основоположений заставлял искать какую-то иную логику для построения науки. Физиология могла дать это лишь в очень ограниченной области. Физика и химия тоже могли выступать лишь источником аналогий. В пятом издании «Основ физиологической психологии» Вундт попытался осмыслить, каковы действительные основания физиологической психологии. Ограниченность метода была очевидной. Без гипотез не обойтись. И здесь на помощь приходит понятие «структура». Хотя, как мы увидим, Вундт недаром был эклектиком. В его концепции находится место и идее развития, и идее процесса.

Правда, это Вундтовская версия. Были и другие. В частности, Ф. Брентано, создавший свой вариант феноменологической психологии. Естественно, продолжали существовать различные варианты философской психологии. Продолжал существовать психологический ассоцианизм, представленный могучей фигурой Александера Бэна. Эволюционизм Герберта Спенсера по-прежнему был популярен. Но победила новая психология Вильгельма Вундта. И теперь перед нами открывается возможность обратить внимание на методы новой научной психологии и попытаться выявить их взаимосвязь с теорией.

Главный итог все же состоит в том, что психология как наука была признана научным сообществом. Это открыло дорогу для организационных достижений. Задача, соответствующая духу времени: человеческая душа стала предметом научного анализа. Наука охватила ту сферу, которая до этого казалась для нее закрытой. Как ни сетовали многие на то, что каждый психологию понимает по-своему, вундтовская программа имела огромный авторитет, поэтому в продолжение некоторого времени научная психология связывалась исключительно с вундтовской психологией. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда, безусловно, справедливые, уже в восьмидесятые годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» (цит. по *Ланге*, 1893, с. XLV–XLVI). Достижением новой научной психологии было то, что она действительно обрела то, что на какое-то время показалось общим и связующим. Этим общим и связующим,

несомненно, стали действительно эмпирический характер науки (психология, как отмечалось, стала эмпирической наукой) и методы, которые, обретя некую стандартизацию, сделали возможной воспроизведение результатов в других лабораториях.

Итак, психология стала наукой и в этом становлении велика была роль психологических методов. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

В. Вундт, создавая психологию, обратился к химии как ее модели. Как справедливо отмечает Э. Боринг, элементаризм системы дополнялся ассоцианизмом с целью обеспечения задач синтеза. Вундт выделял аналоги атомов (ощущения, простые чувства и образы). Аналогами молекул выступали «представления (Vorstellungen) и более сложные образования (Verbindungen)» (*История психологии*, 1992, с. 24). Центральным моментом в любом психологическом подходе, претендующем на новизну, на создание новой психологии является определение предмета науки. Как известно, В. Вундт объявил предметом психологии непосредственный опыт. Задачу психологии В. Вундт видел в том, чтобы раскрыть *структуру* непосредственного опыта. Вундт различал собственно самонаблюдение (интроспекцию) и внутреннее восприятие. Для того, чтобы заниматься интроспекцией, испытуемый должен пройти предварительную тренировку. Экспериментальные процедуры использовались в вундтовской лаборатории для того, чтобы лучше структурировать самонаблюдение. «Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы. Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» (*Вундт*, 1880, с. 2). Э. Боринг отмечает: «Вундт настаивал на тренировке испытуемых. Даже в экспериментах на время реакции в Лейпцигской лаборатории испытуемые должны были долго тренироваться для выполнения предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т.п., а также сразу сообщать, когда сознание отклоняется от требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории» (*История психологии*, 1992, с. 25) Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое

большое число предварительных испытаний? Ответ, очевидно, чрезвычайно прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, что необходимо (исходя из задачи) – именно структуру опыта. Причем, структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было расщепить содержание опыта «на атомы», надо было найти следы «творческого синтеза». Вот как характеризует его сам В. Вундт: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем "психическими соединениями" в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т. е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (*Вундт*, б/г, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (*Вундт*, б/г, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» (*Вундт*, б/г, с. 118–119). Таким образом, понятно, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблюдения вычленять в непосредственном опыте нужные элементы. Тренировка необходима, она представляет собой своего рода обучающий эксперимент. Понятно, что испытуемые в Лейпциге обнаруживали структуру опыта. В отличие от предшественников (напомним, И.

Тэн говорил, что самонаблюдение открывает «полипняк» образов) В. Вундт хочет создать научную картину: для него научность воплощается в структурности, мы получаем в результате психическую химию. В свете вышеописанного совсем не удивительно, что требования Вундта к интроспекции весьма либеральны. Э. Боринг в этой связи отмечает: «В целом понимание интроспекции Вундтом было гораздо либеральнее, чем обычно думают: в формальной интроспекции он оставил место и для ретроспекции, и для непрямого отчета» (*История психологии*, 1992, с. 25). И это совсем не удивительно. Результаты «творческого синтеза» становятся видны не сразу: для этого и используется ретроспекция. Можно сказать, что сложный состав метода, его неоднородность является результатом двойственности задач выявления структуры опыта по Вундту. Как показала жизнь, испытуемые достаточно легко обучаются структурному интроспективному описанию опыта.

Как уже отмечалось, Вундт широко использовал метод эксперимента, сделав психологию экспериментальной научной дисциплиной. Программа, некогда провозглашенная Френсисом Бэконом, согласно которой природа легче открывает свои тайны, когда ее «пытает наука», оказалась распространена и на человеческую душу. В психологии стал использоваться эксперимент и (вспомним знаменитый кантовский тезис) она все же стала наукой.

В чем видел роль эксперимента в психологии В. Вундт? Напомним, В.Вундт выделил особую область – физиологическую психологию: «Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (*Вундт*, 1880, с. 2). «Проблемы этой науки как ни близко касались они физиологии, раньше большею частью относились к области психологии; средства же к решению этих проблем заимствованы от обеих наук. Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы» (*Вундт*, 1880, с. 2). Вундт указывает, что если подчеркивать самостоятельность метода, то физиологическую психологию можно называть экспериментальной (в отличие от психологии, основанной исключительно на интроспекции). Главная область физиологической психологии - ощущения и произвольное движение. Вундт подчеркивает, что задача физиологической психологии заключается в исследовании элементарных явлений психической жизни. Исходной точкой эта психология

должна иметь физиологические явления, с которыми психологические явления имеют теснейшую связь. Вундт резюмирует: «Таким образом, центр тяжести нашей науки не лежит в собственно в сфере внутреннего опыта, в который она старается проникнуть как бы извне. Именно поэтому-то она и может пользоваться экспериментальным методом, этим могущественным рычагом естествознания. Сущность эксперимента состоит, как известно, в произвольном, и, – поскольку дело идет об открытии закона отношения между причинами и их действиями, – в количественно определенном изменении условий явлений. Но искусственно могут быть изменяемы только внешние, физические условия внутренних явлений, и только они одни доступны внутреннему измерению. Отсюда очевидно, что может быть речь о применении экспериментального метода только собственно к психофизической области» (*Вундт*, 1880, с. 5).

Общий вывод по вопросу о психологическом эксперименте Вундт формулирует так: «Тем не менее, было бы несправедливо оспаривать возможность экспериментальной психологии; действительно, эксперименты, в сущности, могут быть только психофизическими, но не психологическими, если только под психологическими экспериментами понимать такие, в которых внешние условия внутренних явлений не играют никакой роли; но очевидно, что различия, получаемые от искусственного изменения условий явления, зависят не исключительно от характера самих условий, но также и от природы самого явления. Таким образом, путем изменения внешних условий мы можем изменять течение внутренней жизни, что существенно способствует выяснению для нас законов самой душевной жизни. В этом смысле всякий психофизический эксперимент есть в то же время эксперимент психологический» (*Вундт*, 1880, с. 5).

Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

1. Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
2. Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и прослеживать таким вниманием их во время протекания.
3. Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.
4. Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются.

В целом справедливо будет сказать, что метод эксперимента использовался Вундтом как вспомогательный, создающий оптимальные условия для самонаблюдения. Именно самонаблюдение давало информацию о внутреннем опыте. Метод эксперимента имел ограниченное значение еще потому, что распространялся, как мы видели, только на область физиологической психологии. Мышление, по Вундту, не может исследоваться экспериментально. Исследования психологов Вюрцбургской школы, в которых мышление было подвергнуто экспериментальному исследованию, критиковались Вундтом, т. к., по его мнению, в этих экспериментах систематически нарушались вундтовские требования к эксперименту в психологии.

Представляется необходимым, хотя бы очень кратко, затронуть еще один важный вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Речь идет о взаимодействии психологических методов. С самого возникновения научной психологии методы использовались не только изолированно, но и в определенных сочетаниях, что позволяет говорить о взаимодействии методов.

Этот простой вопрос вызывал, как мы могли увидеть, немало недоразумений, т. к. в зависимости от того, роль какого из методов акцентировалась, психологическая концепция квалифицировалась существенно по иному. Скажем, вундтовская психология кем-то именовалась экспериментальной, а кем-то интроспективной. Важным представляется вопрос, можно ли, сравнивая роль методов в той или иной концепции, утверждать, что какой-то является ведущим, а другой – подчиненным? На наш взгляд, можно. Критерием в этом случае, как можно полагать, выступает отношение метода к предмету исследования (и опосредованно к предмету науки – при этом имеется в виду реальный предмет). Ведущий метод обязательно имеет выход на реальный предмет и в значительной степени определяется им. Реальный предмет, таким образом, определяет идею метода. Метод (во всяком случае, в период становления психологии как самостоятельной науки) реализуется в рамках определенной организующей схемы (структура, функция, процесс). Вспомогательный (или дополнительный) метод взаимодействует с основным (ведущим) на уровне организующих схем, но на уровень идеи метода не выходит. Скажем, в вундтовской физиологической психологии эксперимент выполняет,

несомненно, вспомогательную, «ассистирующую» роль. Роль ведущего выполняет интроспекция, обеспечивающая «доступ» к фактам непосредственного опыта (реальный предмет). Взаимодействие между методами достигается за счет структурной организующей схемы, которая оказывается общей для обоих методов. Именно эта общность позволяет экспериментальным процедурам более четко структурировать данные интроспекции.

В исследовании Г. Эббингауза о памяти (*Ebbinghaus*, 1885), к примеру, ведущим методом являлся измеряющий эксперимент (реальным предметом были определенные характеристики поведения), поэтому роль самонаблюдения была сведена к минимуму (обеспечении функции контроля). Аналогичным образом дело обстояло в исследовании «закона перцепции», проведенном Н.Н. Ланге. (Напомним, оба психолога – и Г. Эббингауз и Н.Н. Ланге были испытуемыми в своих экспериментах). Ведущий метод, таким образом, имеет выход на реальный предмет. Показательно, что тот же Эббингауз, характеризуя память в фундаментальных «Основах психологии» (*Ebbinghaus*, 1902), говорит о законах души, явно исходя из представлений о сознании. Не случайно результаты исследований 1885 года попадают в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиций общих представлений о сознании.

Вундт рассматривает физиологическую психологию как чисто эмпирическую науку. Однако на этом основании недальновидно было бы делать вывод о том, что Вундт был сторонником «чистой» эмпирической психологии. Анализируя отношения психологии и философии, Вундт утверждает, что психология должна остаться философской дисциплиной. «Чистая» экспериментальная психология легко вырождается в «ремесленничество», при котором (напомню, что психология преподавалась в университетах с философских кафедр) высказывание известного историка философии, цитируемое Вундтом, становится похожим на правду: «...для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой» (*Вундт,* 1913, с. 97–98). Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку («...мой план принесет не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки» (*Вундт,* 1913, с. 129), но разрыв с философией считает крайне вредным: «...более общие и наиболее важные для психологи-

ческого образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» *(Вундт, 1913,* с. 117). Напомним, что эти строки написаны в 1913 году, когда психология окончательно «завоевала» место под солнцем среди других наук.

Таким образом, точку зрения позднего Вундта можно сформулировать следующим образом: необходимо содружество философии и психологии. Психология как чисто эмпирическая наука невозможна. Существуют некоторые теоретические основания, которые предшествуют эмпирическому исследованию. К ним, согласно Вундту, относится понимание психического (метафизические воззрения).

В заключение настоящей статьи отметим, что за пределами анализа остались методологические основы вундтовская программы построения «Психологии народов». Автор планирует посвятить исследованию этого вопроса специальную работу, хотя нельзя не отметить, что влияние этой части вундтовского наследия на мировую психологическую науку было явно слабее. Сошлемся в этой связи на мнение американских исследователей: «Развитию культурно-исторической психологии Вундт посвятил 10 лет, но она не оказала существенного влияния на американскую психологию. В статьях, опубликованных за 90 лет в «Американском психологическом журнале», во всех выдержках из произведений Вундта на долю «Психологии народов» приходится всего 4 процента цитат.. Для сравнения: на «Основы физиологической психологии» делаются ссылки в 61 проценте случаев» (Шульц, Шульц, 1998, с. 93–94)).

Кантовская «двойная программа» была полностью выполнена Вильгельмом Вундтом: психология стала использовать эксперимент и математику; в сознании с помощью внутреннего восприятия выделялись устойчивые элементы; психология обосновывалась с помощью физиологии. Психология стала наукой о непосредственном опыте, приступила к изучению фактов, как того требовал позитивизм, формулируя общие и частные законы. Поэтому Вундт и декларировал от-

деление психологии от философии и провозгласил психологию самостоятельной наукой.

Несмотря на то, что «ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем» (*Ярошевский*, 1985, с. 225), В. Вундт по праву считается создателем научной психологии, т. к. главная цель была достигнута – психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным сообществом и закреплено институционально.

И, наконец, самый последний момент. Было бы недальновидно полагать, будто рассуждения Вундта о методологических вопросах психологии целиком принадлежат прошлому. Мы уже приводили высказывание М.Г. Ярошевского, согласно которому ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем. В значительной степени это так. Но, как ни парадоксально, идеи Вундта, «конструктивно заложенные» в научную психологию, продолжают жить в виде неявных методологических допущений. И в этом отношении современная научная психология является «наследницей по прямой» вундтовской психологии. Логика обоснования научной психологии и общая направленность ее развития до сих пор в значительной степени определяется вундтовской психологией.

Первой научно-психологической методологией явились вундтовские рассуждения о непосредственном опыте как предмете изучения и самонаблюдении как методе (эксперимент играл вспомогательную роль, обеспечивая оптимальные условия для «внутреннего восприятия», как правильнее было бы называть самонаблюдение по Вундту).[2] Здесь, правда, необходимо отметить, что Вундт постоянно корректировал свою систему, от издания к изданию «Основ физиологической психологии» менялись и его взгляды. Как уже было сказано, одним из условий выделения было провозглашение психологии «опытной» наукой, освобождение ее от метафизики. Одним из результатов выде-

---

[2] Здесь необходимо сделать важное уточнение. Необходимо различать методологию в широком и в узком смысле слова. Методология в широком смысле предполагает указания на то, как будет исследоваться тот или иной предмет. В этом смысле Аристотель, создавший психологию как учение о душе, несомненно, является и первым методологом, поскольку уже второй абзац его знаменитого трактата «О душе», как уже отмечалось, посвящен обсуждению сложностей исследования. Любое сочинение по психологии, таким образом, позволяет выявить в нем «имплицитную методологию» (даже в том случае, если она специально не артикулируется автором). С другой стороны, необходимо различать методологию в узком смысле как совокупность специальных положений, правил, норм, используемых при проведении исследования. Методология в узком смысле представляет собой концептуализацию процесса исследования, когда объектом анализа является сам исследовательский процесс. Характерно, что в творчестве Вундта – создателя научной психологии – можно обнаружить и одну и другую.

ления стало «ликвидирование» проблемы теоретических методов в психологии (в философской психологии, напомним, метод интерпретации был основным, см. об этом (Мазилов, 1998). Создатель научной психологии В. Вундт выразил это очень отчетливо, заявив, что «существует полное согласие между всеми представителями науки, которые не верят, как некоторые философы, в чудодейственную силу специфического метода» (Вундт, б.г., с. 1). Теоретические методы сводятся В.Вундтом к логическим процедурам над данными опыта: «соединение данных содержаний опыта, составляющее сущность научной работы, должно безусловно подчиняться законам логического суждения и умозаключения» (Вундт, б.г., с. 1). Сейчас это выглядит временной (как мы увидим, сам Вундт очень скоро отказался от такой точки зрения) уступкой позитивизму. Во всяком случае опыт последующей философии и психологии науки свидетельствует, что дело, увы, обстоит совсем не так просто: теория не сводится к логическому упорядочиванию эмпирических данных, а теоретические методы (действительно не имеющие чудодейственной силы) все же существуют. В конце жизни вундтовские взгляды на соотношение психологии и философии меняются кардинально. В статье «Психология в борьбе за существование» (1913) Вундт отмечал, что отделение от философии не может быть полным. Сегодня многим В. Вундт представляется ученым, создавшим новую научную дисциплину, основанную на опыте, широко использующую эксперимент, короче, «позитивную» науку, лишенную «всякой метафизики». Подобная картина далека от действительности. В. Вундт был не только эклектиком (напомню, У. Джемс уподоблял систему Вундта дождевому червю, утверждая, что, будучи рассеченной, она будет существовать в виде автономных частей), но и достаточно трезво мыслящим человеком. Он прекрасно понимал, что т.н. «экспериментальная психология» без «соединительной ткани» философии существовать просто не сможет. Поэтому отделение от философии пока может быть только декларативным (на словах, но не на деле). Впрочем, лучше предоставить слово самому В. Вундту: «Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделив-

шиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» (Вундт, 1913, с. 117). Оценивая позицию позднего Вундта из сегодняшнего дня, можно отметить, что создание «скрытых метафизических воззрений» является одной из важнейших задач содержательной методологии психологической науки. Отметим, что аналогичных взглядов придерживались и мудрый американец Уильям Джемс, и непримиримый сторонник научности Эдвард Титченер, который полагал, что изощренная интроспекция, освобожденная от «ошибки стимула», позволит, наконец, раскрыть подлинные законы психологии. Итак, констатируем, что признанные классики психологии полагали, что без философских обоснований развитие психологии невозможно. На первых этапах развития психологии как самостоятельной науки именно философия выполняет методологические функции. Фактически это означало: основу психологической теории задает методология (здесь еще отождествляемая с философией).

В рамках настоящего текста, как уже отмечалось, нет возможности рассмотреть историю и развитие методологических идей в психологии. Поэтому констатируем, что методология психологии в собственном (узком) смысле слова как концепция, трактующая познание психики, появляется тогда, когда психология преодолевает «наивный позитивизм» и переходит к изучению того, что скрыто за непосредственно наблюдаемыми фактами (внешними или внутренними). На этом этапе специальная психологическая методология становится просто необходимой, т. к. неочевидные исследовательские процедуры должны быть специально обозначены и описаны. История свидетельствует, что подобного рода методологическая работа происходит в основных психологических школах. В отечественной психологической науке пионерами такой методологии были Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн. Наиболее известно «методологическое исследование» Выготского (этим вопросам посвящена его книга «Исторический смысл психологического кризиса»). Выготский, как известно, настаивает на необходимости специальной психологической методологии. Рассуждая о методологии, Л.С. Выготский подчеркивает, что разработка методологии – дело будущего. «Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» (*Выготский*, 1982, с. 422–423). По Выготскому, это должна быть «общая психология», совокупность принципов и «опосре-

дующих теорий», «критики» психологии (Выготский, 1982, с. 420–421). «Нужна методология, т.е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» (*Выготский*, 1982, с. 419).

Отметим также, что развитие методологии психологической науки существенно стимулировал так называемый «открытый кризис» в психологии. Необходимость разобраться в причинах, породивших кризис, вызвала к жизни множество методологических работ, посвященных анализу психологического кризиса.

Повторим, здесь нет возможности анализировать ни захватывающую историю развития методологии психологии в целом, ни эволюцию методологических идей. Отметим только, что методологические исследования осуществлялись в отечественной и зарубежной психологии существенно по-разному: в советской (затем российской) психологии использовался термин «методология психологии», в зарубежной чаще всего предпочитали употреблять выражение «философия психологии». (В нашу задачу в настоящей работе не входит анализ различий между этими трактовками методологии, равно как и интереснейшей истории развития методологических идей в отечественной психологической науке – это тема специальной работы).

Методология психологической науки в нашей стране имеет весьма непростую историю. В отечественной психологии методологические традиции были заложены еще работами Н.Н. Ланге и В.Н. Ивановского. Особенно важно подчеркнуть, что это была именно содержательная методология психологии на исторической основе. Признанные классики отечественной психологической методологии Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн явились, в частности, наследниками и этой важной традиции. Двадцатые годы ушедшего века представляли собой настоящий "торжество методологии": можно назвать десятки публикаций, в которых ставились диагнозы и намечались пути выхода из методологического кризиса. Среди этих авторов М.Я. Басов и П.П. Блонский, Л.С. Выготский и В.А. Вагнер, А.Р. Лурия и С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и мн. др. (список легко продолжить, т.к. научная периодика того времени свидетельствует, что методологические проблемы решали едва ли не все активно работающие психологи). Наиболее глубокий методологический анализ состояния тогдашней мировой психологии был проделан, как хорошо известно, Л.С. Выготским (1927, опубл. в 1982) и С.Л. Рубинштейном (1934, 1935). В дальнейшем заниматься методологией психологии становится все сложнее. Отчасти это связано с непростой (а в отдельные периоды и

драматичной, и даже трагичной) историей развития психологии в нашей стране в двадцатые-восьмидесятые годы двадцатого столетия, когда методология оказалась в прямой и непосредственной зависимости от идеологии. Как хорошо известно, такая зависимость должна была хотя бы быть "обозначенной". В этом отношении можно привести в качестве примера глубокие исследования известного советского методолога Э.Г. Юдина. Он (вслед за В.А. Лекторским и В.С. Швыревым) выделяет четыре уровня методологии: философский, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень конкретно-научной методологии и уровень методики и техники исследования. В частности, высший уровень образует философская методология. Ее содержание составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. "Очевидно, что эта сфера методологии представляет собой философское знание и, следовательно, разрабатывается специфическими для философии методами. Вместе с тем она не существует в виде какого-то особого раздела философии: методологические функции выполняет вся система философского знания"(*Юдин*, 1978, с. 41). Как отмечал Э.Г. Юдин, "одной из кардинальных методологических проблем, возникающих в этой связи, является определение специфики различных сфер познания, в особенности специфики гуманитарного познания в сравнении с естественнонаучным. Эта специфика объясняется, в частности, фактом непосредственного участия в гуманитарном познании классовых, партийных установок исследователя, его ценностных ориентаций, а также необходимостью учитывать и давать соответствующую интерпретацию сложной структуре целесообразной человеческой деятельности и ее результатам"(*Юдин*, 1978, с. 41).

Вероятно, одна из причин утраты интереса к методологии в современной отечественной психологии конца XX – начала XXI века кроется в том, что методология для многих ассоциируется именно с философским уровнем, который, как уже упоминалось, в силу известных причин имел "идеологическую" составляющую. "Ликвидация" марксизма-ленинизма как "обязательной" философии привела к фактической "самоликвидации" философской методологии. Конечно, о былой классовости и партийности исследователя никто кроме отставных идеологов особенно жалеть не будет. Но философской методологии, которая бы реально исследовала вопросы, связанные со спецификой познания в области наук гуманитарных и естественных, явно будет не хватать. Ибо почему-то без специального обсуждения полагается, что есть некая единая общенаучная методология, созданная по образцу

естественных наук. И она – эта общенаучная методология – должна прилагаться, в частности, к психологии. А это вовсе не очевидно. Более того, весь недолгий путь развития научной психологии свидетельствует, что психологии необходим свой путь. Она же – научная психология – до сих пор пыталась идти “путем эмбриона”, т.е. воспроизводя логику развития естественных наук (выделившихся из философии раньше всего), а затем пытаясь пойти по пути, указанному историческими науками. Теперь, когда накоплен вековой опыт следования “чужой колее”, не приведший, будем честными, к ожидавшимся результатам, может быть, пора попробовать строить психологию на собственной методологической основе? До сих пор еще не было предпринято масштабных попыток строить психологию как особую отрасль научного знания, имеющую выраженное своеобразие своего предмета. Карл Юнг по этому поводу заметил: “Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно “души”, психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования”(*Юнг*, 1994, с. 12–13). У психологии свой путь, отличный и от пути естественных, и от пути герменевтических дисциплин.

Кроме того достаточно часто встречается упрощенная, примитивная трактовка методологии психологической науки, сводящая методологию к “дежурному набору” из нескольких принципов. Такой подход к пониманию роли методологии психологии, на наш взгляд, совершенно недопустим, поскольку совершенно лишает ее возможности стать рабочим инструментом исследователя, позволяющим анализировать, сопоставлять, соотносить психологические концепции (что является одной из основных задач методологии).

Обратимся к отечественной психологии сегодняшнего дня. Психологическая наука, как и все человечество, вступила в новое тысячелетие. Отзвучали торжественные слова по поводу миллениума, произнесены юбилейные пожелания, озвучены приличествующие случаю надежды. На пороге нового тысячелетия редакция авторитетного журнала «Вопросы психологии» провела круглый стол «Психология XXI века: пророчества и прогнозы», где предполагалось обсудить ряд интересных вопросов: «Станет ли XXI век веком психологии?», «Сбылось ли пророчество В.И. Вернадского о вступлении человечества в психозойскую эру?» и ряд других. В заседаниях круглого стола приняли участие ведущие отечественные психологи. Удивительно, но

праздничное настроение существенно не повлияло на оптимизм высказываний. Немногие из известных психологов ожидают, что их наука будет «наукой XXI века», а новый век соответственно «веком психологии». Такого рода оценки существенно отличаются от известных оптимистических предвидений Ж. Пиаже, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева и других выдающихся психологов, согласно которым психология займет центральное место в структуре научного знания, станет ведущей научной дисциплиной и т.д. В чем причина такого рода расхождений во взглядах? Реальные процессы и тенденции в психологии, либо осознание кардинальных трудностей, возникших на пути развития этой науки?

Очевидно, впрочем, что на получение оптимистических ответов редакция особенно и не рассчитывала, т.к. последний восьмой вопрос направлен на выяснение того, в чем состоит смысл кризиса в психологии на рубеже XX и XXI веков. Если в науке кризис, то полезно выявить, в чем он состоит и проявляется. Тем более, если это кризис методологический. Представляется, что это одна из актуальных задач современной методологии психологической науки.

4. ПСИХОЛОГИЯ: КРИЗИС В НАУКЕ

Жан Пиаже, характеризуя развитие психологической науки, отмечал: “Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой” (*Пиаже*, 1966, с. 189). О том, что кризисы плодотворны, писали и другие известные психологи. По мнению, разделяемому ныне многими, современная отечественная психология пребывает сейчас в состоянии глубокого кризиса. В третьем номере журнала “Вопросы психологии” за 1997 год помещена статья Е.Д. Хомской “О методологических проблемах современной психологии”, в которой констатируется “наличие методологических трудностей в различных областях психологии” (Хомская, 1997, с. 113). В заметке от редакционной коллегии фиксируется “ситуация методологического кризиса, сложившаяся в отечественной психологии за последние годы” (От редколлегии, 1997, с. 125). Н.И. Чуприкова отмечает, что “приходится согласиться не только в целом с диагнозом, поставленным Е.Д. Хомской, но и с квалификацией его как очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии в связи с новой социальной и внутрипсихологической ситуацией (в частности, вследствие широкого

распространения психоанализа, психотерапевтической практики и идей гуманистической психологии)” (*Чуприкова*, 1997, с. 126). С тем, что в современной психологии существуют “острые теоретические и методологические трудности и противоречия”, был согласен и В.В. Давыдов (*Давыдов*, 1997, с. 127).

О наличии кризиса или серьезных методологических трудностей писали в последние годы В.П. Зинченко, О.К. Тихомиров, А.В. Брушлинский, И.П. Волков и др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами: Л.Гараи, М. Кечке (1997), М. Коул (1997) и др. Складывается определенное и устойчивое впечатление, что факт кризиса – явно методологического – налицо. Сразу вспоминается знаменитый “открытый кризис” в психологии, описанный и проанализированный К. Бюлером (1927) и Л.С. Выготским (1982), К. Левином (1931) и С.Л. Рубинштейном (1935, 1940). Есть ли связь этого кризиса с современным? Когда впервые возникли кризисные явления в психологии?

Удивительно, но датировка возникновения кризиса совпадает с датой возникновения научной психологии. Вот что писал об этом в книге, изданной в 1914 году знаток психологии и прекрасный методолог Н.Н. Ланге: “Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, мы думаем, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ” (*Ланге,* 1996, с. 69). Н.Н. Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий “огромного расхождения” (“отсутствия общепринятой системы в науке”) – если оно существует, то психология не имеет “основы”, “фундамента”, позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Видимо, Н.Н. Ланге в датировке кризиса был точен. Франц Брентано в “Психологии с эмпирической точки зрения” (1874) писал: “Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы долж-

ны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию” (*Брентано*, 1996, с. 11). Мы думаем, под этими словами в конце второго тысячелетия могли бы подписаться многие современные научные психологи.

Эта работа не ставит задачи специального историко-психологического исследования возникновения и развития методологии психологической науки, поэтому ограничимся прослеживанием лишь отдельных моментов. Методологические вопросы вынуждены были затрагивать очень многие психологи. Традиционное для психологии обилие школ и подходов к изучению той или иной конкретной проблемы стимулировало обращение внимания на собственно методологические вопросы науки. На наш взгляд, особое внимание методологическим вопросам уделялось в России (а затем в СССР). Возможно, это связано с некоторыми особенностями российской ментальности – стремлением непременно “дойти до самой сути”, а не довольствоваться прагматическими следствиями. В силу известных обстоятельств после Октябрьского переворота 1917 года для российской психологии актуальной стала разработка методологии на определенных философских основах. Повышению внимания к методологическим вопросам способствовало обострение кризиса в мировой психологической науке.

Книга Н.Н. Ланге “Психология” (1914), в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода “сигналом”: свои “диагнозы” начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М. Бехтерева Н. Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием “Кризис экспериментальной психологии” (*Kostyleff*, 1911). Еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии (Willy, 1899). В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф. Брентано: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Сколь ни интересен анализ кризиса в психологии, данный Н.Н. Ланге, не будем на нем останавливаться. Его работа была очень популярна (во всяком случае, в России) и, в известной степени, стимулировала появление новых "диагнозов". Действительно, кризис вступил в открытую фазу. Особенно остро он переживался в отечественной психологической науке в двадцатые годы, поскольку на мировой психологический кризис "наложилась" специфика социокультурной ситуации: произошедшие в стране радикальные изменения требовали "революций", "реформ" и "перестроек" в науке и, в частности, в психологии. А любую перестройку, как известно, куда проще начинать, если известно, чем обусловлен кризис, вызвавший ее к жизни.

В двадцатые годы было принято ставить диагноз кризисному состоянию психологии. Известны "диагнозы" М.Я. Басова (1924, 1928), П.П. Блонского (1925), Л.С. Выготского (1927), В.А. Вагнера (1923), А.Р. Лурии (1932), С.Л. Рубинштейна (1934, 1935), Б.Г. Ананьева (1931) и др. Даже одно перечисление впечатляет, хотя приведенный список заведомо неполон. Каждый из названных авторов имел свой взгляд на причины сложившейся кризисной ситуации, ее динамику и пути выхода из кризиса. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов. Например, может быть прослежена эволюция взглядов на причины психологического кризиса и способах его преодоления у Л.С. Выготского (1925, 1927, 1931, 1934), у А.Р. Лурии (1925, 1928, 1930, 1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их "разнонаправленность". В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Несомненный факт кризисного состояния заставил психологов многократно анализировать его ближайшие причины, его источники и движущие силы, факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном – они утверждали, что новая психология еще только должна родиться) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории.

Безусловно, самым глубоким и основательным методологическим сочинением той эпохи была рукопись Л.С. Выготского "Исторический смысл психологического кризиса", написанная в 1927 году и опубликованная лишь в 1982 году. Поражает многообразие затронутых автором проблем и их аспектов. Бесспорно, Л.С. Выготский – классик оте-

чественной, да, пожалуй, и мировой психологической науки. Но классик “живой”. Если верно определение, по которому “классик – это тот, кого почитают, но не читают”, то с Выготским все обстоит иначе. Нельзя не согласиться с американским психологом Джорджем Верчем, написавшим о неисчерпаемости идей Выготского так: “Я читаю Выготского уже почти четверть века и это более, чем что-либо другое, только подкрепляло мою уверенность, что мне никогда не удастся до конца извлечь все предлагаемое...” (*Верч*, 1996, с. 6). Безусловно, Выготский один из тех интеллектуалов, “чьи работы могут служить системой мышления с нескончаемой продуктивностью”(*Верч*, 1996, с. 6). Сказанное Верчем справедливо для методологического исследования Выготского (“Исторический смысл психологического кризиса”) в абсолютной степени. В этой книге, в частности, представлена “объяснительная схема психологии” – взаимодействие понятия и объяснительного принципа, выделены и описаны этапы эволюции психологической теории в области психологии и многое другое. В “Историческом смысле...” едва ли не впервые в мировой психологической науке выявлено методологическое значение практики для психологии как науки, проанализирована определяющая роль практики в ее развитии. Как это ни печально, и сегодня – в начале XXI века – приходится соглашаться с мнением известного советского методолога науки Э.Г. Юдина, еще в семидесятых годах отмечавшего, что со времени Выготского многие важные вопросы, поставленные им, так и не были исследованы.

Однако вернемся к анализу психологического кризиса. Было бы очень интересно сопоставить сходства и различия в диагнозах ученых, которые впоследствии стали ведущими психологами СССР. К сожалению, здесь нет такой возможности, поэтому ограничимся упоминанием работ Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна. Принято считать, что методологические позиции Л.С. Выготского наиболее отчетливо сформулированы в книге “Исторический смысл психологического кризиса”. В значительной мере это так. Но правда и то, что Выготский был прежде всего и “до конца последовательным методологом” (если воспользоваться его собственным выражением по другому поводу). Поэтому целесообразно рассмотреть методологические поиски Выготского более широко. Представляется полезным соотнести его методологические рассуждения 1924 г. (Предисловие к книге А.Ф. Лазурского), анализ психологического кризиса в рукописи “Исторический смысл психологического кризиса” (1927) и методологические изыскания 1931 г. (Предисловие к книге А.Н. Леонтьева).

Не имея возможности анализировать творчество Выготского в целом, отметим лишь, что важной представляется точка отсчета. Есть основания полагать, что в своих ранних работах (рукопись о Гамлете) Выготский исходил из мистической концепции души, хотя совсем "не был занят вопросами психологии..." Кратко остановимся на "диагнозах" Выготского. 1) 1924 г.: предисловие к книге Лазурского. Оценивая позитивно естественнонаучный подход Лазурского, Выготский отвергает идею "души", выбрасывая (как редактор) этот фрагмент из нового издания книги. "С одной стороны, успехи физиологической мысли, проникшей методами точного естествознания в самые сложные и трудные области высшей нервной деятельности, с другой, всевозрастающая оппозиция внутри самой психологической науки по отношению к традиционным системам эмпирической психологии обусловили и определили собой этот кризис" (*Выготский*, 1982, с. 63). К этому добавляется требование – пока еще в мягкой форме – психология должна стать марксистской. Выход из кризиса Выготский видит в создании научной системы. "Такая система еще не создана. Можно с уверенностью сказать, что она и не возникнет ни на развалинах эмпирической психологии, ни в лабораториях рефлексологов. Она придет как широкий биосоциальный синтез учения о поведении животного и общественного человека. Эта новая психология будет ветвью общей биологии и вместе основой всех социологических наук" (*Выготский,* 1982, с. 76). Итак, средство – синтез достижений в разных направлениях науки. 2) 1927 г.: "Исторический смысл психологического кризиса". "Существуют две психологии – естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса..." (*Выготский*, 1982, с. 381). Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии психологии ("диалектики психологии"). Психологии нужен свой "Капитал". "Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии". "...психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" (*Выготский*, 1982, с. 422–423). Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, "общей психологии". В качестве средства предлагался аналитический метод ("Весь "Капитал" написан этим методом..."), предполагающий выделение "клеточки" и исходящий из того, что "развитое тело легче изучить, чем клеточку"(Выготский, 1982, с. 407). 3) 1931: предисловие к книге А.Н. Леонтьева. "Свое выражение этот кризис нашел в ложной идее двух психологий: естественнонаучная, каузальная, объяснительная психология и телеологи-

ческая, описательная, понимающая психология, как две самостоятельные и совершенно независимые друг от друга дисциплины"(*Выготский*, 1931, с. 7). "...Психологии предстоит кардинальный поворот на пути ее развития, связанный с коренным отказом от этих двух тенденций..." (*Выготский*, 1931, с. 7). Поворот состоит в использовании историко-генетического подхода: "Историческое происхождение и развитие высших психологических функций...является...ключом ко всей проблеме психологии человека..." (*Выготский*, 1931, с. 12).

Попытаемся проанализировать изменение позиций Выготского по вопросу психологического кризиса. Первый "диагноз" несет печать "методологической наивности". В качестве средства выхода из кризиса Выготский предлагает использовать "синтез". По тем временам (1925) синтез был "универсальным" методом, позволяющим объединить все, что угодно (субъективную психологию и объективную, марксизм и психоанализ и т. д.). Практически осуществлять эту программу – действовать "a la Корнилов" или "a la Челпанов". Так Выготский просто не мог. Поэтому он предпринимает новый анализ. Здесь уже прослеживается "методологическая зрелость". Ясно, что "синтез" разнородных подходов невозможен. Л.С. Выготский подробно анализирует такие "методологические достижения" коллег. Разработка методологии психологии – первоочередная задача. Поскольку в готовом виде взять ее неоткуда ("даже у классиков марксизма ее нет"), то создавать ее надо по образцу метода Маркса. Таким образом, используя метод восхождения от абстрактного к конкретному, можно создать новую психологию. Как известно, эта программа Л.С. Выготским также не была осуществлена. На наш взгляд, причина в том, что из исходной "клеточки" под названием "реакция" ("Кто разгадал бы клеточку психологии – механизм одной реакции, нашел бы ключ ко всей психологии" (*Выготский*, 1982, с. 407) психологию получить не удается. "Развитое тело изучить легче, чем клеточку", но это оказывается именно "тело", а не "душа"(т.е. не "вся психология"). Выготского интересует именно психология – сознание. А метод теперь не логический, а исторический (генетический). Но проблема специфики психологического подхода остается. Поэтому давая третий "диагноз", Л.С. Выготский специально подчеркивает, что история происхождения и развития психологических функций является "ключом ко всей проблеме психологии человека" (*Выготский*, 1931, с. 12). И далее: "Вместе с этим внесением исторической точки зрения в психологию выдвигается на первый план и специально психологическая трактовка

изучаемых явлений...” (*Выготский*, 1931, с. 12). Использование этого подхода, как известно, принесло Выготскому и его ученикам заслуженную славу и позволило сформулировать знаменитую концепцию. Как теоретик, Выготский, получив результаты, мог быть доволен. Как методолог, он не был удовлетворен...

Поскольку здесь нет возможности анализировать эволюцию взглядов “моцарта психологии”, отметим лишь то, что во всех приведенных диагнозах на первый план выходит методология. Существенно, что в этих трех текстах Л.С. Выготского методология понималась по-разному. Напомним также и то, что обещание перейти к позитивному изложению “общей психологии” (“Исторический смысл психологического кризиса”) осталось невыполненным. Вероятно, это одна из причин неопубликования рукописи – она, фактически, осталась неоконченной. Другую можно обнаружить в том обстоятельстве, что, само отношение к методологии как к тому, что должно быть построено, разработано исходя из специфики психологии все более приходило в противоречие с учением, претендовавшим и на “всесилие” и на “верность”. В-третьих, требовались все большие переделки текста: цитаты (скрытые) из Л.Д. Троцкого уже были невозможны. Да, мы думаем, и самому Льву Семеновичу от идей о “переплавке человека” и “искусственном создании нового биологического типа” (*Выготский*, 1982, с. 436) становилось слегка не по себе. Пророчество Л.С. Выготского с последней страницы рукописи – “Новое общество создаст нового человека” (*Выготский*, 1982, с. 436) – сбывалось “на глазах”. Но главное, конечно, в другом. Менялись представления Л.С. Выготского о методологии. Потому и не оставил он развернутого изложения “общей психологии” (методологии), что взгляды на нее постоянно менялись. Л.С. Выготский писал в 1927 году, что к разработке методологии психологию толкают, с одной стороны, философия, с другой стороны, практика. Через десять лет ситуация радикально изменилась: место философии прочно занял “диалектический и исторический материализм”, принципиально решивший все философские вопросы, начиная с основного; в 1936 году стало ясно, что психологии нужно держаться подальше от практики социалистического строительства – судьба педологии и психотехники этот тезис убедительно доказала...

Кризис в психологии был предметом раздумий выдающегося отечественного психолога и философа С.Л. Рубинштейна (1934, 1940). В своей знаменитой статье “Проблемы психологии в трудах Карла Маркса” (*Рубинштейн*, 1934) С.Л. Рубинштейн пишет о кризисе зарубежной психологии: “Современная зарубежная психология, как из-

вестно, переживает кризис (...). В психологии этот кризис привел к тому, что психология распалась на психологии, а психологи разбились на школы друг с другом враждующие. Кризис в психологии принял, таким образом, настолько острую и открытую форму, что он не мог не быть осознан крупнейшими представителями психологической науки" (*Рубинштейн*, 1934, с. 19–20). С.Л. Рубинштейн подвергает критике анализ К. Бюлера, который заключался в попытке "синтеза" различных психологий как "друг друга дополняющих аспектов". "Бюлер попытался объединить подход к предмету психологии интроспективной, психологии бихевиоризма и психологии духа, рассматривая их как три аспекта единого предмета психологии. Этот путь заранее был обречен на неудачу. Он приводит лишь к объединению субъективной идеалистической концепции сознания с механистической концепцией человеческой деятельности" (*Рубинштейн*, 1934, с. 23). К анализу кризиса в психологии С.Л. Рубинштейн возвращается в работе "Философские корни экспериментальной психологии", опубликованной в 1940 году. Характерно, что в этой работе С.Л. Рубинштейн ведет отсчет кризиса с вундтовской психологии: "Однако у Вундта вместе с тем уже определенно намечаются все основные элементы, которые раскрылись затем в кризисе психологии. Само сведение экспериментальной психологии к психологии физиологической и противопоставление ей исторической психологии (психологии народов), отнесение к первой элементарных психофизических функций, а высших духовных проявлений ко второй, уже заключают в себе в зародыше то разложение психологии на ряд "психологий", которое получило особенно заостренное выражение у Шпрангера, противопоставившего "психологию духа" как подлинную психологию, физиологической психологии, как собственно физиологической дисциплине. Этот распад единой психологии на ряд психологий, особенно показательный для кризиса, начинается уже у Вундта" (Рубинштейн, 1940, с. 77). С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что решающим для понимания кризиса является то, что и поведенческая психология и интроспективная исходят из одного понимания психики, сознания. Таким образом, кризис психологии это кризис декартовско-локковской концепции сознания. Выход из кризиса С.Л. Рубинштейн видит в разработке принципа единства сознания и деятельности – "проблемы сознания в его отношении к деятельности" (Рубинштейн, 1940, с. 45).

Сформулированные С.Л. Рубинштейном и другими психологами положения составили методологическую программу советской психологии. В советской психологии были реализованы исследовательские

программы, принесшие достижения и результаты, которыми по праву гордится отечественная психологическая наука. Объективную историю советской психологии еще предстоит написать: в ней переплелось многое – наверное, можно говорить о “триумфе и трагедии” советской психологии. Ясно, что в “самосознании” отечественной психологии никакого кризиса не было и быть не могло. В течение многих лет можно было говорить лишь о кризисе зарубежной – “буржуазной” – психологии. В советской все было замечательно: у советской психологии были достижения, все методологические вопросы “в принципе” были решены, оставались лишь чисто рабочие моменты, связанные с расширением сферы исследований, обобщением результатов. Кризисы происходили лишь в буржуазной психологии.

К сожалению, активные методологические изыскания двадцатых годов в советской психологии к существенным прорывам в методологии не привели. А уже с конца двадцатых путь формирования методологии психологии в СССР был предопределен союзом с марксизмом-ленинизмом. (Хотим заметить в скобках, что полностью за пределами данной работы остался потрясающе интересный вопрос о сравнительной оценке влияния на психологию марксистских положений (“Капитал” и “Тезисы о Фейербахе” влияли в разных направлениях!), ленинские, плехановские, сталинские, бухаринские и, конечно же, троцкистские. Публикация работ Энгельса, других архивных материалов во второй половине двадцатых существенно повлияла на направление поисков). Почему же исследования середины двадцатых годов (пока идеологическое давление было еще выносимым) не дали развернутой содержательной психологической методологии?

Во-первых, методологические изыскания двадцатых годов, по-видимому, и не могли дать верной теоретической картины развития психологии как науки. Дело в том, что в предшествующие годы научная психология находилась под сильным влиянием позитивизма. Наиболее распространенным было представление о непосредственности психологического знания. Считалось, что самонаблюдение (интроспекция) или объективное наблюдение непосредственно дают материал, который наука интерпретирует. Таким образом, психология не была еще теоретической дисциплиной в полном смысле слова. Конечно, в исследованиях психологов разных направлений (в первую очередь, в работах психоаналитиков – З. Фрейда и К. Юнга, а также вюрцбуржцев, изучавших процесс мышления) постепенно формируется представление о том, что метод психологии не имеет непосредственного характера, и, следовательно, готовятся предпосылки для то-

го, чтобы психология стала действительно теоретической наукой. Но пока это всего лишь предпосылки. Работа по превращению психологии в теоретическую дисциплину происходила в основных психологических школах: гештальтпсихологии, психоанализе, бихевиоризме (особенно преуспела в этом гештальтпсихология). В отечественной науке превращению психологии в полноценную теоретическую дисциплину способствовал культурно-исторический подход Л.С. Выготского, психологический анализ поведения М.Я. Басова, принцип единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна. В начале двадцатых годов, когда интенсифицировались методологические поиски, ситуация была существенно иной. Взгляды на психологию как "непосредственную" науку справедливо критиковались Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном. Последний, в частности, обосновав принцип единства сознания и деятельности, по сути, доказал, что методы психологии имеют опосредствованный характер. Опосредованные методы только начинают возникать в советской психологии в двадцатые годы. В отечественной психологии в разработке таких методов велика заслуга Л.С. Выготского и его учеников. Без опосредствованных методов не может возникнуть психологическая теория в полном смысле слова. И она возникает, эта современная по типу теория. В силу особенностей социокультурного и идеологического плана она оформляется как деятельностная теория. В течение многих лет в советской психологии методология и деятельностный подход оказались связанными чрезвычайно тесно.

Во-вторых, постоянно увеличивающееся идеологическое давление. Современному читателю уже трудно представить себе ту степень идеологического контроля, которая существовала в нашей стране. Впрочем, об этом говорить здесь не будем... Энтузиазм обновления первых послереволюционных лет, когда психологи мечтали создать новую науку (см. воспоминания А.Р. Лурии (Лурия, 1982, с. 130–131), проходит. Глубоких и искренних попыток использовать марксистские положения для решения психологических вопросов уже недостаточно. Для примера можно привести эпизод из научной биографии того же А.Р. Лурии.

Как известно, в 1929 году А.Р. Лурия участвовал в работе IX Международного конгресса психологов в США. По материалам этого конгресса А.Р. Лурия пишет статью "Пути современной психологии". Содержательная работа А.Р. Лурии с интересом читается через шестьдесят пять лет со времени написания, содержит интересные выводы и оценки, справедливость которых подтверждена временем. Ста-

тья опубликована в журнале “Естествознание и марксизм” № 2–3 за 1930 год. Публикация предваряется сообщением “От редакции”, в котором отмечается, что “статья дает совершенно извращенное, немарксистское толкование и методологическую оценку отдельных направлений в науке о поведении “ (От редакции, 1930, с. 62–63). Редакция отмечает “антимарксистское, по существу” объяснение автором корней современного американского прагматизма. Цитирование этого характерного документа эпохи полезно потому, что дает исчерпывающее представление о “методологических” взглядах редакционной коллегии. Редколлегия дает “открытый урок”, наглядно демонстрируя, какая нужна “методология”: “Вместо того, чтобы показать сущность капиталистической рационализации и системы организации труда, направленных к усиленной эксплуатации рабочего класса, превращения его в автомат или придаток к машине, вместо того, чтобы раскрыть, каким образом вся эта практика современного американского капитализма находит свое отражение в психоневрологии, автор ограничивается политически “болотными” рассуждениями...” (От редакции, 1930, с. 62–63). В любом журнале той эпохи можно найти аналогичные пассажи. Роль методологии сводится к идеологическому и политическому. Кстати, редакционная статья, открывающая этот номер, имеет символическое название: “За партийность в философии и естествознании”. Изменения происходили настолько стремительно, что даже “технические обстоятельства” становились значимыми (“Редакция журнала оговаривает, что настоящий номер, подготовленный и отредактированный редакцией старого состава... задержался в выходе по техническим обстоятельствам и в своем содержании не отражает того поворота, о котором говорит передовая статья” (За партийность…, 1930, с. VIII). Но продолжим цитирование заметки: “Редакция считает необходимым в одном из ближайших номеров дать развернутую критику псевдомарксистских взглядов А.Р. Лурия и других психоневрологов, капитулирующих перед достижениями современной буржуазной психоневрологии, некритически усваивающих их и пропагандирующих их у нас под флагом марксизма” (От редакции, 1930, с. 62–63). И последний штрих:”...необходимо перед партийной и научной общественностью со всей серьезностью поставить вопрос о более тщательном подборе людей, отправляемых за границу. От них наша страна должна получать не поверхностную обывательскую информацию, а серьезную и политически верную ориентировку в вопросах современной буржуазной науки” (От редакции, 1930, с. 62–63). Краткая редакционная заметка очень точно характеризует смысл

наступившей эпохи. Наступила эпоха идеологизации. Вместо глубины анализа теперь требуется верный классовый подход. Теперь методологическое пространство сужено чрезвычайно. Любой выход за пределы дозволенного требует не только мужества, но и изобретательности в подборе цитат из классиков, могущих "защитить" "крамольный" ход мысли. В условиях тотальной идеологизации дискуссии утратили свое позитивное, стимулирующее развитие науки значение.

В-третьих, сама идея развития применительно к психологии как науке стала излишней. Это звучит парадоксально, но в то время, когда идея развития становится ведущей в психологии, она "уходит" из методологии. Уйти совсем, однако, она не может – это было бы совершенным анахронизмом, поэтому она "подменяется". Идея развития применительно к психологии как науке была подменена ожесточенной критикой различных концепций зарубежной психологии. Пролетарская наука – верная, передовая. Буржуазная же может в лучшем случае иметь только отдельные положительные тенденции, имеющие ограниченное значение. Короче говоря, советская психология должна быть "вершиной" развития психологии. В этом смысле вся советская психология была "вершинной". Диалектика, берущаяся на вооружение, неизбежно требует "остановить мгновение". Как прусское государство у Гегеля должно было символизировать высший "синтез", так и наука нового общества просто обязана была быть более передовой. Не то, чтобы развитие науки отрицалось. Совсем нет. Советская психология каждое десятилетие отмечала очередные достижения: проблемы разрабатывались, вопросы изучались, концепции формулировались, в зависимости от постановлений того или иного съезда партии решались особенно актуальные задачи, поставленные последней перед советскими психологами. При этом предполагалось (хотя и не формулировалось), что главные вопросы решены окончательно. Если позволительно в данном случае воспользоваться известным термином Томаса Куна, то психологии в СССР представляла собой вполне парадигмальную науку. Оставалось решать задачи-головоломки и выполнять все предусмотренные виды работ в пределах парадигмы.

Наконец, в-четвертых, к этому времени не сложилась еще психологическая практика, на ее методологическое значение указывал Л.С. Выготский (см. об этом подробнее в статье Ф.Е. Василюка (1996). На этом моменте здесь мы останавливаться не будем.

Важно отметить, что в течение долгих лет (тридцатые – пятидесятые годы двадцатого столетия) в отечественной психологии теория развития психологии практически не разрабатывалась. Пробуждение

интереса к данной проблематике было связано с историко-психологическими исследованиями. В работах М.Г. Ярошевского, А.В. Петровского и др. были сформулированы задачи осуществления теоретического подхода к истории психологии. Вновь стала актуальной задача, провозглашавшаяся еще Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном о необходимости разработки методологии на исторической основе. В последующие годы Б.Г. Ананьевым, А.Н. Леонтьевым, А.В. Петровским, А.А. Смирновым, Л.И. Анцыферовой, К.А. Абульхановой, П.И. Зинченко, А.В. Брушлинским, П.Я. Гальпериным, В.В. Давыдовым, Б.Ф. Ломовым, Е.В. Шороховой, К.К. Платоновым и др. были разработаны основы методологии советской психологии. Особенно важными для возрождения интереса к этим вопросам были многочисленные исследования М.Г. Ярошевского, в которых была сформулирована концепция детерминации развития психологической науки, сделан вывод о необходимости концептуального анализа в историко-психологических исследованиях. Мысль о том, что развитие психологии может быть рассмотрено как развитие понятий, составляющих каркас науки, явилась основой для проведения фундаментальных историко-психологических исследований.

Но вернемся в тридцатые годы. Наступила эпоха, когда методология психологии стала “дочерью марксизма-ленинизма”. На многие годы закрепилось клише – “марксистско-ленинская философия – методологическая основа советской психологии”. Кстати, это вовсе не означает, что методология психологии совсем исчезла. В значительной степени она продолжала разрабатываться, маскируясь цитатами “классиков”. Во-первых, марксизм (не вульгаризированный, не сведенный к набору штампов) не самая беспомощная философия. Многое туда удалось “вписать”: теория отражения и деятельностный подход могут служить хорошими примерами. Во-вторых, существовали свободно мыслящие люди, которые в сложных условиях идеологического (и не только!) давления пытались выражать свои идеи, виртуозно используя в качестве “прикрытия” цитаты... К счастью, у марксизма, как известно, были “источники”, поэтому под марксизмом иногда обнаруживалось нечто иное... В советской психологии успешно “работали” схемы И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, Б. Спинозы и... Впрочем, это отдельная тема.

Нам кажется, Выготский был прав, утверждая первоочередность методологических вопросов. Действительно, “возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего” (*Выготский*, 1982, с. 417) и “...психология не двинется дальше, пока не

создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно” (*Выготский*, 1982, с. 423). Ситуация в психологической науке в очередной раз “воспроизводится”: спустя много лет и философия, и практика вновь настоятельно требуют от психологии в первую очередь разработки ее методологии...

В семидесятые годы в книге “Деятельность. Сознание. Личность” (1975) А.Н. Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: “Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественнонаучную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии” (*Леонтьев,* 1975, с. 3). Понятно, что речь идет о мировой психологии – отечественная имеет свою судьбу: “По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека” (*Леонтьев*, 1975, с. 4). Как писал А.Н. Леонтьев, “мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться” (*Леонтьев*, 1975, с. 5). Прошло десять лет, началась “перестройка”, ситуация стала стремительно меняться. В первое время казалось, что только падут “оковы тяжкие” и все нормализуется. Если в начале “перестройки” основные причины кризиса психологи видели в идеологических деформациях, которым подвергалась наука, в “застойных” явлениях в обществе в целом и в управлении наукой, в частности, то сейчас большинство авторов склонны связывать кризис с неудачами естественнонаучного подхода, доминировавшего в отечественной психологической науке.

В.Н. Дружинин еще в 1989 году отмечал, что “отечественная психология оказалась в ряду наук, наиболее отставших от мирового уровня и требований практики” (*Дружинин*, 1989, с. 3). “Особенность нынешнего состояния психологической науки обусловлена следующими важными обстоятельствами:

– Пренебрежение человеком, характерное для периода бюрократического извращения социализма, привело к пренебрежитель-

ному отношению к наукам, исследующим проблемы человека, и в первую очередь психологии. Психология влачила существование на “голодном пайке”.

– Бюрократическая система управления наукой зачислила психологию в разряд общественных наук, которые в наибольшей степени поразил догматизм и застой; велось систематическое истребление творческой мысли (общественные науки отчасти превратились в служанку идеологии, обосновывающей благотворность бюрократического извращения социализма для общества). Но психология – экспериментальная наука, и это ее отличие от большинства общественных наук породило отношение к ней как к “золушке”, которую нельзя допускать ко двору” (*Дружинин*, 1989, с. 3–4).

Еще одно обстоятельство отставания психологии, по мнению этого автора, – “психологическая неграмотность общества” (*Дружинин,* 1989, с. 4).

Проходит немного времени и акценты существенно меняются. Приведем выдержки из выступлений участников “круглого стола” “Психология и новые идеалы научности”.

А.П. Огурцов: “Во-первых, мне кажется явным кризис или неблагополучие советской психологии. Это выражается в том, что отсутствуют широкие теории в рамках психологии. Кроме того, отсутствуют научные школы в психологии, подобные тем, которые существовали в 30-е годы. Может быть, это объясняется тем, что психология вступила в период “нормальной науки”, если употребить термин Т. Куна.

Но, увы, нет теоретической парадигмы в психологии. Во-вторых, в психологии уже давно существует естественнонаучная парадигма. Складывается или нет в психологии альтернативная естественнонаучной гуманитарная парадигма? В социологии существует явное противоборство двух методологических ориентаций – естественнонаучной и гуманитарной. Гуманитарная парадигма связана прежде всего с методами понимания, с интерпретацией смысла человеческих действий и т.п. “(Психология…, 1993, с. 3–4).

В.П. Зинченко: “Сегодня ситуация в нашей отечественной психологии нуждается в более сильных определениях, чем кризис. Дело в том, что в советский период она развивалась не по нормальной логике кризисов, а по безумной логике катастроф, происходивших с наукой не реже, чем раз в 10-15 лет. И сейчас на состоянии психологии сказывается их суммарное действие” (Психология…, 1993, с. 4).

В.М. Розин: "Кризис психологии, идущий перманентно (еще в 20-х годах Л.С. Выготский писал о кризисе в психологии, о том же в 70-х говорил А.Н. Леонтьев), сегодня может быть уверенно квалифицирован как кризис построения психологии по образцу (или идеалу) естественной науки." (Психология…, 1993, с. 12).

Итак, кризисная ситуация налицо. Подчеркну, что наличествующий кризис носит преимущественно методологический характер. Действительно отечественная психологическая наука переживает сейчас трудный этап, связанный с радикальным пересмотром методологических посылок. Нельзя не согласиться с мнением О.К. Тихомирова, отмечающего, что "методологический плюрализм не должен рассматриваться как негативное явление" (*Тихомиров*, 1992), в то же время методологический плюрализм не должен переходить в методологическую растерянность, в действия по принципу "все наоборот". А.В. Брушлинский характеризует такие действия следующим образом: "то, что раньше отвергалось, теперь лишь поэтому превозносится, а то, что считалось хорошим, ныне просто отбрасывается с порога" (*Брушлинский*, 1994, с. 14–15).

Важно отметить, что кризис, по-видимому, интернационален. Поль Фресс, президент XXI Международного конгресса, в 1976 году открыл заседание знаменательной фразой: "Психология находится в состоянии кризиса!" (International…, 1978, p. 49). Просто в России он переживается острее в силу целого ряда обстоятельств.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф. Брентано, существует уже в течение века. Преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н. Ланге, по прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л. Гараи и М. Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода: "Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова При-

брама: “Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука” (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 87). Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия – чисто “социальные” феномены поддаются “естественным” методам. Л. Гараи и М. Кечке в статье с символическим названием “Еще один кризис в психологии!” вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х. Дельгадо, где описывалось изменение “социального” поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса (“Мы сведем когда – нибудь...”). “Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности изменения таким способом социального порядка целых сообществ и необязательно только у животных” (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 87).

“На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: “Психология находится в состоянии кризиса!” Президент утверждал: “Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову”. Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (geisteswissenschaftliche) психологию естественнонаучной (naturwissenschaftliche). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: “Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит” (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 87).

Итак, XXI Международный конгресс устами П. Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем – XXII Международном конгрессе тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В. Вундта разделение психологии на естественнонаучноориентированную и культурноориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: “Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования” (*Фресс*, 1981, с. 51). Он поясняет, почему является сторонником “единства психологии”: “потому что ее объект – человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением” (*Фресс*, 1981, с. 53). “Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет натыкаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 90–91). “Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с од-

ной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой” (*Гараи, Кечке,* 1997, с. 90–91).

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С. Выготского: “В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского” (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 91). Крупный американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р. Лурии (*Cole*, 1997). Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в фундамент психологии. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Итак, в психологии по-прежнему раскол. О той же болезни говорит и Ф.Е. Василюк (*Василюк*, 1996). В своей статье он говорит о симптомах “схизиса” – расщепления психологии на научную и практическую. Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране (подробнее об этом см. в главе 6 настоящей книги). В качестве выхода из кризиса (преодоления схизиса) предлагается реализация психотехнического подхода как средства выработки общепсихологической методологии. При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим: мы не против подхода, но против абсолютизации его *методологического значения* для *общей психологии*), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей.

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети нашего века, с кризисом нынешним. Возникает впечатление, что кризис начавшийся, по уверению Н.Н. Ланге, в семидесятые годы прошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А.Н. Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология “вернулась” в мировую психологию, кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение, согласно которому перио-

дически происходят “обострения” этого кризиса. И с таким очередным обострением мы имеем дело сейчас. По-видимому, существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в семидесятые годы прошлого столетия. Он не преодолен, с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого общего существуют более локальные кризисы развития, являющиеся естественной фазой нормального процесса развития. Их “наложение” воспринимается как “обострение” или как возникновение “нового” кризиса (это зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит? Уже приводилось достаточное количество мнений на этот счет. Причем их число легко умножить. К примеру, К. Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к галилеевскому (*Lewin*, 1931). П.Я. Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – toto genere – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” (История…, 1992, с. 3).

П.Я. Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” (История…, 1992, с. 3). К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» (*Шульц, Шульц*, 1998, с. 33). «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» (*Шульц, Шульц*, 1998, с. 33). «Психология… представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (*Шульц, Шульц*, 1998, с. 33).

«Американская психология разделена на враждующие фракции» (*Шульц, Шульц*, 1998, с. 33).

Таким образом, нынешний кризис в психологии это кризис мировой психологической науки. В России он переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации. Кризис психологии в конце второго тысячелетия глобален, объемен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные проявления кризиса на пороге XXI века? В чем его причины на современном этапе развития психологии?

Глубокий и интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А.В. Юревич, статья которого называется «Системный кризис психологии» (*Юревич*, 1999) и посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, т. к. это одно из немногих *специальных* исследований по данной проблеме в современной науке.

А.В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. Анализируя современное состояние психологической науки, А.В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т. д.» (*Юревич*, 1999, с. 4).

А.В. Юревич справедливо указывает, что в 70-е годы XX века возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Автор цитируемой работы несомненно прав, когда утверждает, что неудачные попытки походить на естественные науки вызвали стремление обосновать исключительное положение психологии. Самоопределение психологии чаще всего осуществляется при помощи куновского понятия «парадигма». А.В. Юревич анализирует различные позиции относительно методологического статуса психологии и приходит к выводу о том, что их можно представить следующим образом: 1) психология представляет собой *допарадигмальную* область знания; 2) психология является *мультипарадигмальной* наукой; 3) психология – *внепарадигмальная* область знания.

А.В. Юревич справедливо указывает, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции позволяет психологии преодолеть комплекс непохожести на на точные науки.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» (*Юревич*, 1999, с. 9).

Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метадигмы» (см. Таблицу 1 «Общие типы когнитивных систем»). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же *различными сообществами*, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» (*Юревич*, 1999, с. 7). Метадигмы связаны с выделением таких систем отношения к миру как западная наука, традиционная восточная наука, религия и т. д. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать *метадигмами*, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» (*Юревич*, 1999, с. 9). Водораздел между различными метадигмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Таблица 1. Общие типы когнитивных систем (А.В. Юревич, 1999)

Когнитивные системы	**Примеры**	**Конституирующие признаки**

Метатеории	Когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ	Объяснение психологической реальности, способы ее исследования
Парадигмы	Позитивистская и гуманистическая психология	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Исследовательская и практическая психология	Различные внутридисциплинарные сообщества
Метадигмы	Западная наука, восточная наука, паранаука, религия	Типы рациональности

Наука, согласно А.В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метадигмами и распространенные в обществе представления.

«Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько *системы ее взаимоотношений с обществом,* и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» (*Юревич*, 1999, с. 10).

Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться.

Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только *целенаправленной совместной работой психологического сообщества,* т. е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Положение психологии на пороге третьего тысячелетия, как мы видели, никак нельзя признать благополучным. Ее современное состояние можно определить как глубокую диссоциацию (букв.: «разъединение», «разделение»). Этот термин (широко использующийся ныне в разных школах психиатрии и психотерапии) точнее всего, как представляется, описывает происходящее в этой области человеческого знания. В чем проявляется эта диссоциация в современной психологии (и в мировой, и в российской)?

Во-первых, в традиционной для психологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала. «Психологий много, нет психологии». Впервые о кризисе начали говорить в семидесятые годы XIX столетия. В первой трети XX века кризис вступил в открытую фазу, выдающиеся психологи посвятили его анализу свои труды (Л.С. Выготский, К. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К. Левин и др.). Кризис в истории психологии имел много «ликов»: борьба между объективной и субъективной психологией, между объяснительной и понимающей, между психологией материалистической и спиритуалистической, между поведенческой и психологией сознания и т. д. В настоящий момент кризис выражается наиболее ярко в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подробнее *Гараи, Кечке,* 1997).

Во-вторых, в противопоставлении научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подробнее *Василюк*, 1996). Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в двадцатые годы (о нем писал Л.С. Выготский в 1927 году), ныне углубился, превратился в глубокую пропасть – в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, в разрыве между научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной

психологии и т. п.). Действительно, человеку, интересующемуся познанием «Я», ищущему свой духовный путь лучше обращаться не к научной психологической литературе. Эта «ниша» прочно оккупирована специалистами, далекими от научной психологии. В крайнем случае, литература, поэзия и философия дадут в этом отношении существенно больше, чем научные психологические труды. Критика В. Дильтеем (1894) научной психологии («в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых»), увы, по-прежнему актуальна.

В-четвертых, в разрыве между психологией западной и восточной. Верно, что восточные учения в XX столетии стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни цивилизации. Но на научную, академическую психологию они, практически, влияния не оказали. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология сама до сих пор остается фактически непризнанной официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень можно продолжить, существуют и другие диссоциации) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, т.к. происходит постепенное сужение пространства науки: проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология идет по пути обратному, указанному некогда создателем гуманистической психологии А. Маслоу, который предлагал психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии. Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это превращение просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К.Д. Ушинского, то в этом случае психология вообще перестанет быть наукой и превратится в искусство. Все же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения, является наукой.

В конце XX столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Как отмечают Л. Гараи и М. Кечке, экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование все чаще «будет натыкаться на несуразности» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 90). «Не подает больше надежды также и об-

ратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 91).

Другой возможный ход, который представляется естественным в сложившейся ситуации, также не внушает оптимизма: если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции. Но, как это убедительно показали еще Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществляется: для этого необходимы особые условия. К таким условиям, на наш взгляд, в первую очередь необходимо отнести пересмотр понимания предмета психологической науки. Все отмеченные выше диссоциации имеют одну причину – слишком узкое, ограниченное понимание предмета психологии.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый – относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Брентано и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). Вероятно, утверждение о противопоставлении физиологии кому-то покажется неверным: ведь сам Вундт был физиологом, а его психология именовалась физиологической. Тем не менее, разрыв оформился и дуалистичность нашей научной психологии очевидна и на пороге третьего тысячелетия. К тому же провозглашение психологии эмпирической наукой способствовало фактическому прекращению теоретических исследований по проблеме предмета психологии (это казалось возвращением к метафизике, рациональной психологии). Результатом такого положения вещей явилось то, что, фактически, психология разрабатывалась в значительной степени за счет логики других наук (биологических, либо социальных), т. к. предмет психологии реально раскрывался в рамках концепций, тяготеющих к биологии, либо социологии. На наш взгляд, глубинный смысл кризиса в психологии как раз и состоит в неадекватном определении предмета, в результате чего подлинный предмет подменяется «частичными», «одномерными» и редукция становится неизбежной: психе сводится к адаптации, к регуляции, к отражению, к ориентировке и т. д. Таким образом, выход из кризиса может быть найден только в том случае, если трактовка предмета научной психологии будет пересмотрена. В качестве показательного примера уместно обратиться к опыту юнговской аналитической психологии и осознать, насколько непохож метод амплификации, который, как известно, является частью метода интерпретации, на расчленяющий аналитический метод научной психологии (см. подробно об этом *Мазилов,* 1997, 1998).

Главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно», процессы на поверхностных уровнях практи-

чески ничего не решают. Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии является выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета (при желании их можно усмотреть в традициях, унаследованных еще от средневековой философии, рассматривавшей душу как простую по своей природе, а затем в трудах Р. Декарта, Д. Локка и особенно И. Канта).

Справедливости ради необходимо отметить, что на ограниченность такого подхода указывали и Дильтей и Шпрангер, но их влияние на магистральные тенденции развития научной психологии не было значительным (вспомним, что еще в 1914 году Н.Н. Ланге характеризовал Дильтея как мыслителя «редкой оригинальности», «оставшегося малоизвестным»). Напомним, Дильтей критически относился к «конструктивному» характеру научной психологии. Узкое понимание предмета психологии создает основу для разного рода редукционистских подходов и препятствует интегративным тенденциям.

Представляется, что сейчас вряд ли найдется более актуальная и насущная проблема: кризис, который в настоящее время охватил нашу психологию, вряд ли исчезнет сам по себе. Для этого требуется методологическая работа. И «первым пунктом» в этой работе должно быть уточнение понимания предмета психологической науки.

Сейчас, когда отечественная психология стремительно меняется, пытаясь ассимилировать достижения зарубежной науки, от которых по известным причинам в течение многих лет была изолирована, важно обратить внимание на то обстоятельство, что предмет психологии как науки неоднороден и многоступенчат.

Обратим внимание на то обстоятельство, что практически все авторы, писавшие про кризис, подчеркивали его методологический характер. Как говорил Выготский, “возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего”. А самая первая методологическая проблема – проблема предмета. Представляется, что смысл кризиса в том, что неадекватно определен и понят предмет психологии. Нетрудно увидеть, что естественнонаучный и гуманистический подход различаются в первую очередь тем, что психическое в этих подходах выступает существенно по-разному. В одном определяется в логике естественных наук, в другом в логике гуманитарных. А это свидетельствует лишь о том, что психология устранилась от самостоятельного определения собственного предмета. Хотя это, по-видимому, первая задача содержательной психологической методоло-

гии (по Л.С. Выготскому и С.Л. Рубинштейну). Таким образом, ясно, что преодолеть кризис за счет переориентации с одного подхода на другой, очевидно, не удастся: и один, и другой являются, очевидно, "частичными", поэтому не могут дать "основы", того "операционного стола" (М. Фуко), который является необходимым условием разработки новой психологической парадигмы.

Нужна серьезная методологическая работа по теоретическому анализу предмета психологии. То время, когда казалось, что эту работу можно выполнить чужими (т. е. других наук) средствами, прошло. Ясно, что кроме психологии эту работу никто выполнить не сможет. "Отец научной психологии" Вильгельм Вундт не только выступил в качестве создателя научной программы, реализация которой позволила психологии, наконец, выделиться из философии, но и оформил разделение психологической науки на физиологическую, экспериментальную и психологию народов (социальную, культурно-историческую). Попытки объединить, "синтезировать" эти две психологии предпринимались неоднократно, но, как и следовало ожидать, оказались безуспешными. Л.С. Выготский в своем методологическом исследовании достаточно подробно проанализировал и способы, и результаты такого "синтеза".

Нам кажется, что ситуация в психологии в очередной раз повторяется. Не может оказаться продуктивным переход от естественнонаучной ориентации к ориентации герменевтической. Тем более невозможно их простое объединение: никакой системный подход не в состоянии выполнить эту работу. Причина, на наш взгляд, в том, что не проделана содержательная методологическая работа. Предмет психологической науки должен быть осмыслен таким образом, чтобы психическая реальность, становясь психологической, не утрачивала своей многомерности.

Если психология хочет найти выход из кризиса, то она должна предпринимать для этого определенные шаги, должна проделать определенную методологическую работу по осмыслению своего предмета. Причем, что особенно важно подчеркнуть, должна выполнить сама, самостоятельно. Никакая философия этой работы не проделает, поскольку не имеет для этого адекватных средств. Это – внутреннее дело самой психологии и ее самая актуальная задача.

Вообще-то, стоит вспомнить об основаниях. Ведь еще А.Ф. Лосев предупреждал: "Чтобы вообще рассуждать о вещи, надо знать, что такое она есть. И уже это-то знание должно быть адекватным. Если же вы боитесь, как бы ваше знание не оказалось неадекватным, то это

значит, что вы боитесь, как бы не оставить рассматриваемый вами предмет совсем в стороне и не перейти к другому” (*Лосев*, 1990, с. 191). Если использовать терминологию А.Ф. Лосева, психологии предстоит еще работа “в эйдосе”. Напомним слова А.Ф. Лосева: “Феноменология – там, где предмет осмысливается независимо от своих частичных проявлений, где смысл предмета самотождествен во всех своих проявлениях” (Лосев, 1990, с. 191). Чтобы рассуждать о вещи, надо знать, что она есть. “Но феноменология – лишь установление области и границ исследования. Она – лишь намечание разных направлений, в которых должна двигаться мысль, чтобы создать науку об интересующем ее предмете. Наука, логос – не феноменология. Феноменология рассматривает предмет не в логосе, а в эйдосе” (*Лосев,* 1990, с. 191).

Впрочем, проблемы научной психологии сегодня еще явно на уровне феноменологии. Может быть, наступает пора изменить свой взгляд на предмет психологии.

5. ПРОБЛЕМА ПАРАДИГМАЛЬНОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИИ

В последние годы как отечественные, так и зарубежные психологи уделяют повышенное внимание осмыслению оснований психологической науки. При этом большинство авторов предпочитает квалифицировать ситуацию в психологии как кризисную. Для этого вполне достаточно оснований. Не будем сейчас останавливаться на диагнозах кризиса. Существует богатая традиция диагностики: начиная с Брентано (1874) многими авторами (включая Н.Н. Ланге, Л.С. Выготского, К. Бюлера, С.Л. Рубинштейна, К. Левина и мн. др.) предпринимались попытки поставить диагноз аномалиям в психологической науке. Об этом подробно говорилось выше в третьей главе, поэтому не станем здесь на этих вопросах останавливаться и ограничимся обсуждением лишь одного аспекта проблемы.

Многими авторами, анализирующими методологические основания психологии, давно и охотно используется понятие «парадигма». Введенное в философию науки Томасом Куном, понятие парадигма приобрело чрезвычайно широкую популярность в психологии. Хотя, нужно признать, разные авторы используют этот термин существенно по-разному. В недавно опубликованной (и, заметим, очень интересной) работе А.В. Юревича «Системный кризис психологии» дается анализ использования термина парадигма современными психологами. А.В. Юревич выделяет три основные позиции, отмечая, что мето-

дологическое самоопределение психологии «как правило, строится на использовании куновского понятия «парадигма», получившего в ней куда более широкое распространение, чем все прочие методологические категории, такие как исследовательская программа (И. Лакатос), тема (Дж. Холтон), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др. В результате применения к психологии соответствующего понятийного аппарата сформировались три позиции относительно ее методологического статуса, порождающие три различных видения ее состояния и перспектив» (*Юревич*, 1999, с. 4). Заметим, что столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, легко объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии – не удивительно, что психологи обращаются в первую очередь к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой?

Итак, могут быть выделены три позиции (*Юревич*, 1999, с. 4). Согласно первой, психология — допарадигмальная область знания, т.к. настоящая парадигма в психологии еще не сформировалась. В соответствии со второй, психология мультипарадигмальная наука, т.к. в ней сложилось несколько парадигм (бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и т. д.). И, наконец, согласно третьей позиции, психология является внепарадигмальной областью знания, т. к. понятие парадигма, сформированное на основе анализа истории естествознания, вообще неприменимо к психологии. Отметим, что, по А.В. Юревичу, необходимо различать метатеории, парадигмы, социодигмы, метадигмы. В соответствии с таким различением, автором выделяются как собственно парадигмы позитивистская и гуманистическая. Не анализируя здесь интересную концепцию А.В. Юревича в целом, отметим, что, вероятно, более перспективным подходом является выделение естественнонаучной и герменевтической парадигм (о двух «полупсихологиях» пишут Л. Гараи и М. Кечке). Внутри естественнонаучной парадигмы могут быть выделены различные ориентации (механические, физические, химические, биологические, генетические, биогенетические и т. д.). Разделение всей психологии на позитивистскую и гуманистическую представляется не вполне оправданным, т.к. в этом случае придется отнести к позитивистской психологии и те направления в психологической науке, которые имели явную антипозитивистскую направленность (хотя нельзя не признать, что «позитивистско-

гуманистическая» и «естественнонаучно-герменевтическая» оппозиции во многом совпадают).

Парадигма в современной философии науки обозначает совокупность убеждений, ценностей и технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции. «В связи с критикой неопределенности термина парадигма Кун в дальнейшем эксплицировал его значение посредством дисциплинарной матрицы, учитывающего, во-первых принадлежность ученого к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил их научной деятельности. Наборы предписаний парадигмы состоят из символических обобщений (законов и определения некоторых терминов теории); метафизических элементов, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования, и, наконец, «общепринятых образцов» — схем решения конкретных задач («головоломок»), обеспечивающих функционирование «нормальной науки» (*Черняк*, 1991, с. 227).

Согласно Л. Гараи и М. Кечке, для современной психологии характерно противостояние двух основных полупсихологий: естественнонаучной и герменевтической. «Психология находится в уникальном положении, так как линия раскола проходит как раз по ее корпусу, рассекая его на две полунауки: считающая себя одной из естественных наук, применяющая их позитивистскую методологию «объясняющая психология» – и помещаемая среди исторических наук, орудующая их герменевтической методологией «понимающая психология» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 92).

Венгерские авторы отмечают: «А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (geisteswissenschaftliche) психологию естественнонаучной (naturwissenschaftliche). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: «Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю идентичен тому, кто ее творит»… Мы приписываем этому соображению фундаментальное значение, потому что, например, Гадамер… сделал из него вывод, согласно которому опыт о социальном мире не может быть превращен в науку посредством индуктивного метода естественных наук» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 87). Знаменателен вывод, к которому приходят венгерские психоло-

ги: «но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет натыкаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии» (*Гараи, Кечке,* 1997, с. 90–91). «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 91).

Итак, на протяжении длительного времени конфликт между парадигмами выступал в разных обличьях. Дело в том, что одна и та же парадигма в истории психологии могла воплощаться (точнее, могла порождать, т.к. это основная функция парадигмы – продуцировать концепции) в разные концепции. Достаточно обратиться к учебнику по истории психологии, чтобы обнаружить противоречия между психологией материалистической и спиритуалистической, объективной и субъективной, объясняющей и понимающей, психологией сознания и психологией поведения и т. п.

В конце XX столетия отчетливо представляется, что в качестве основных парадигм, определяющих сегодня лицо психологической науки все же выступают две – естественнонаучная и герменевтическая.

Основные черты естественнонаучной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут

быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т. е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественнонаучного подхода в психологии – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность с психофизиологическим объяснениям и т.п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Поэтому целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям. Подробный анализ герменевтической парадигмы потребовал бы значительного увеличения объема книги, поэтому не будем его здесь предпринимать. Отметим лишь, что такого рода методологический анализ – актуальнейшая задача современной психологической науки.

Как же соотносятся эти парадигмы? На самых ранних этапах имела место прямая конфронтация – открытое противопоставление по принципу «или-или» (хотя, нужно заметить, что такие авторы как В. Дильтей, Г. Мюнстерберг имели достаточно «мягкие» позиции, признавая право на существование и «другой» психологии. Экстремистами, как это часто бывает, были последователи). Затем наступает период «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) – попытки распространить логику одной из «полупсихологий» на всю психологию. К большим успехам это не привело (по образному выражению Л. Гараи и М. Кечке, это приводит к многочисленным «несуразностям»). Попытки прямого «синтеза» успеха также не имели, поскольку в этом случае объединение может быть лишь декларативным. Напомним, что

различие между парадигмами чисто методологическое, поэтому поделить «сферы влияния» (скажем, низшие функции – одной, высшие – другой) не представляется возможным. В этом случае предпринимается более тонкий, более «современный» способ. Для исследования выбирается такая единица, которая непосредственно не относится ни к одной, ни к другой сфере. Примером может послужить цитированная выше работа венгерских психологов. «Производство истолковывалось будапештской исследовательской группой как интегративный принцип, без которого гуманитарные науки были бы обречены на вечные попытки выводить либо культуру из природы человека, либо образцы повседневного поведения из человеческого духа. А это увековечило бы раскол между объясняющей и понимающей гуманитарными науками» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 91).

Сами Л. Гараи и М. Кечке видят выход из сложившейся ситуации, которую именуют «шизофренией психологии», в обращении к работам Л.С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 91). Согласно венгерским авторам, «сама деятельность имеет два в одинаковой степени важных аспекта: объект, на который она направлена, и субъект этой деятельности. Объект деятельности трактуется в рамках логики естественных наук, субъект деятельности определяется в таких интеракциях, о которых… было показано, что они определяются в логике исторических наук» (*Гараи, Кечке*, 1997, с. 94).

Другие авторы (например, М. Коул) видят выход в соединении в рамках одного исследования идиографических и номотетических методов. Примером, согласно Коулу, может служить романтическая психология А.Р. Лурии (*Cole*, 1997). Сходную точку зрения, в которой подчеркивалась первичность целостного описания, формулировал в свое время А. Маслоу (1997).

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественнонаучной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического (см. об этом предыдущую главу).

В последнее время появляются попытки преобразовать психологию на новой основе. Появляются иные парадигмы. В юбилейном номере журнала «Вопросы психологии» (посвященном 100-летию со дня

рождения Л.С. Выготского) помещена чрезвычайно интересная статья Ф.Е. Василюка. Название этой статьи – «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности…» (*Василюк*, 1996, с. 26). Ф.Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (*Василюк*, 1996, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» (*Василюк*, 1996, с. 27).

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отметим, что с последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. Если схизис будет ликвидирован такой ценой, то, право, это будет просто заменой на более привычное русскому уху звучание (ср. «схизо» в названии известной болезни, где речь так же идет о расщеплении). Никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с общепсихологически методологическим значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой», в принципе, не является новым. Об этом более двадцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л.С. Выготского обнаруживал, как известно, А.А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза»

и т. д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического как оно есть. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. Поэтому в данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но в этом случае всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного (см. известный этюд классика о стакане). Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Ф.Е. Василюк пишет: «В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория формирования, т. е. теория работы с психикой, а не самой психики» (*Василюк*, 1996, с. 32). Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Впрочем, еще в прошлом столетии К.Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в «Педагогической антропологии»: «Ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям». Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука – и в этом ее сила – предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически

ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). И консультативная работа – это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л.С. Выготский в 1927 году иронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна (как например, в НЛП) и может быть объектом специального анализа (*Мазилов,* 1998). Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это очень важно – об явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание предмета научной психологией.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является синергетика. В.Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой (*Крылов*, 1998). Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 70-х гг. текущего столетия. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И.Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика — т.н. теория диссипативных (неравновесных) структур. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации

сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» (*Князева*, 1995, с. 4). Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Не имея возможности здесь обсуждать специфику синергетического подхода к решению собственно психологических проблем (что, несомненно, представляет значительный интерес), остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В.Ю. Крылов отмечал: «…нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» (*Крылов*, 1998, с. 60). Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой). К. Поппер писал о диалектике: «интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» (Поппер, 1995, с. 120). Эти слова К. Поппера сказанные в адрес диалектики полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В.Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» (*Крылов*, 1998, с. 61). Нельзя также не согласиться с другим тезисом В.Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии.

Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» (*Крылов,* 1998, с. 60).

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В.Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно, система должна помещаться в те или иные естественные для не внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» (*Крылов,* 1998, с. 61). Важность этого положения трудно переоценить, т.к. такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоцианизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX века распространение получили структурно-уровневые концепции (см. об этом *Роговин*, 1977). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т. д., которые пытается ввести синергетический подход. Как отмечают сами сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных процессов, как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» (*Князева*, 1995, с. 218).

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Для этого, на наш взгляд, необходимы внутренние преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого предмета психологии.

6. СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Современная российская психология, как хорошо известно, находится в состоянии методологического кризиса. Остро необходима разработка методологии научной психологии, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Как представляется, методология психологической науки должна выполнять и *коммуникативную* функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Иными словами, современной психологии остро требуется *коммуникативная методология*. Таким образом, одна из первоочередных методологических проблем современной психологии – разработка *аппарата коммуникативной методологии.* Это тот случай, когда одной идеи и доброй воли принципиально мало: требуется конкретная технология, позволяющая такого рода работу осуществлять. Без решения этой проблемы принципиально невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно неразработанность этой проблемы не позволяет находить взаимопонимание между различными подходами и направлениями в психологии. Без решения этой проблемы, естественно, невозможна интеграция психологического знания, накопленного в разных психологических традициях, школах и подходах, что является, на наш взгляд, первоочередной и важнейшей задачей психологической науки в наступившем XXI столетии.

В наших работах было показано, что одной из центральных методологических проблем психологии является проблема соотношения теории и метода в психологии (*Мазилов*, 1998, 2001). В настоящем пособии мы постараемся показать, как решение традиционной методологической проблемы (проблемы соотношения теории и метода) непосредственно приводит к выводу о необходимости разработки коммуникативной методологии и, более того, открывает многообещающие перспективы создания аппарата коммуникативной методологии.

М.Г. Ярошевский, известный отечественный историк психологии, предупреждал, что “всегда следует различать два уровня движения

мысли ученого: уровень его представлений о своих задачах, об отношении к другим теориям, о факторах, которые препятствуют и способствуют успеху, – словом уровень рефлексии о собственной деятельности и другой, "глубинный" уровень, где идет реальная "категориальная" работа" (*Ярошевский*, 1974, с. 57). Это, бесспорно, справедливо и для интересующей нас проблемы – отношения теории и метода в психологии. Проблема теории и метода в психологии имеет два аспекта. Первый связан с методологической рефлексией психологов. В специальных теоретических исследованиях или в методологических замечаниях в текстах своих работ психологи часто высказывают свои соображения о том, как соотносятся (или должны соотноситься) теория и метод в психологическом исследовании. Этот аспект обычно получает достаточное освещение в историко-психологических исследованиях. Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как реально соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса существует только один путь: требуется специальное историко-методологическое исследование. Анализ литературы показал, что, если первый аспект неоднократно был предметом научного рассмотрения, то второй практически специальному исследованию не подвергался. Между тем, стоит отметить, что важность подобного рода исследований очевидна. Дело в том, что между первым и вторым аспектами могут возникать "разночтения", связанные с тем, что не всегда декларации и реальная исследовательская практика совпадают. Психология знает множество примеров, когда сформулированные принципы на деле нарушались. Поэтому "в теории" может быть одно, "на практике" – другое. В этом случае важно иметь представление о том, каково реальное соотношение "на самом деле". Таким образом, изучение вопроса о соотношении теории и метода распадается на две составляющие: историко-психологическое рассмотрение методологических высказываний психологов и историко-методологическое исследование реальных соотношений между предметом и методом в психологической науке.

Сначала рассмотрим некоторые данные, соответствующие первому аспекту – "уровню рефлексии". Этому вопросу будет посвящен первый параграф данного раздела (4.1.) Изложению некоторых результатов исследования второго, "глубинного" уровня будет посвящен второй параграф этого раздела (4.2.).

6.1. Соотношение теории и метода: немного истории

Как только психология стала самостоятельной наукой, возникла проблема соотношения теории и метода. Или, если быть совсем точным, перешла "на новый уровень", став на некоторое время одной из центральных, и поэтому интенсивно обсуждаемых в научной психологии. В течение продолжительного времени (от возникновения научной психологии в семидесятые годы XIX века до конца двадцатых годов XX столетия) обсуждение метода психологии было практически обязательной частью любого, сколь-нибудь крупного сочинения по психологии. Затем ситуация начала меняться, проблема метода постепенно уходит на второй план, заменяясь проблемой методов, под которыми имеются в виду преимущественно методы эмпирические, методы "добывания фактов". Но вернемся к рождающейся "новой" научной психологии. В философской психологии, которая предшествовала научной психологии, такая проблема тоже существовала. Поскольку философская психология была в то время, в сущности, разделом философии, вопрос о соотношении теории и метода решался вполне определенно: теоретической, спекулятивной дисциплине "соответствовал" философский метод. М.С. Роговин в качестве такого называл метод интерпретации (*Роговин*, 1969). Не будем здесь вдаваться в дискуссии по поводу метода интерпретации. Нас интересует положение дел в научной психологии, возникающей во второй половине XIX столетия.

Напомним, что выделяющаяся из философии психология заявила о себе как об опытной науке. Психология, поскольку выделялась она именно из философии, должна была убедительно продемонстрировать свою новизну, принципиальную отличность от философии. Такие отличия были найдены: в первую очередь психология декларировала новый предмет науки, во-вторых она заявила об использовании специальных методов. Вопрос о методах вовсе не так прост, как это может показаться на первый взгляд. В продолжение достаточно длительного времени основным методом психологии продолжала оставаться интроспекция. Она существенно модифицировалась и успешно "работала" внутри научной психологии. Поэтому титул "экспериментальная", данный психологии Вильгельмом Вундтом, достаточно долгое время был двусмысленным, что вытекало из "нейтральности" самого эксперимента: он мог использоваться в субъективной психологии и тогда сочетался с внутренним наблюдением, самонаблюдением (Selbstbeobachtung) или внутренним восприятием (innere Wahrnehmung), либо в объективной психологии сопрягался с внеш-

ним наблюдением (либо с внешним самонаблюдением – как это ни удивительно, может быть и такое). Впрочем, к анализу методов, эксплуатируемых "новорожденной" психологией мы еще вернемся. А пока отметим третье важное обстоятельство: новая психология должна была стать наукой. Во второй половине прошлого столетия это означало стать позитивной наукой, то есть не быть спекулятивной и метафизической (как философия), а стать похожей на физику, химию, биологию. Различные идеалы и образцы научности во многом определяли направление поисков в первых программах построения психологии как науки. Отметим, к слову, что институциональные успехи психологии (открытие лабораторий, получение права преподавания психологии в университетах на философских кафедрах, проведение съездов, издание журналов и т. д.) не заслоняли внутренних проблем. Тот же В. Вундт – "отец научной психологии" весьма опасался за будущее психологии. В статье "Психология в борьбе за существование" (*Вундт*, 1913) Вундт отмечал, что отделение от философии не может быть полным. Факт, который современному читателю может показаться удивительным: в сознании психолога конца XX столетия В. Вундт представляется гигантом, создавшим новую научную дисциплину, основанную на опыте, широко использующую эксперимент, короче, "позитивную" науку, лишенную "всякой метафизики". Подобная картина далека от действительности. В. Вундт был не только эклектиком (напомню, У. Джемс уподоблял систему Вундта дождевому червю, утверждая, что, будучи рассеченной, она будет существовать в виде автономных частей, но и достаточно трезво мыслящим человеком. Он прекрасно понимал, что т.н. экспериментальная психология без "соединительной ткани" философии существовать просто не сможет. Поэтому отделение от философии пока может быть только декларативным (на словах, но не на деле). Впрочем, лучше предоставить слово самому В. Вундту: "Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому

это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии" (*Вундт*, 1913, с. 117). Но не будем отвлекаться, вернемся к психологии экспериментальной или, как ее чаще именовал сам Вундт, психологии физиологической.

Итак, поскольку психология – наука, то в ней должна быть теория и должны быть факты. Факты обычно добываются эмпирическими методами. Отметим, что в психологии возникло устойчивое представление, что методы – это методы добывания фактов, методы эмпирические. "Другие" методы – например, теоретические, это "наследие" философии. У психологии, поскольку она наука, теоретических методов быть не должно, так как теория создается путем упорядочивания фактов с помощью логики. Но предоставим слово самому "создателю научной психологии". В пятом издании "Основ физиологической психологии" Вундт пишет: "Всякая наука в конечном счете заключается в логическом соединении данных содержаний опыта" (*Вундт*, б.г., с. 1). Вундт осмотрительно отмечает, что пути к этой цели могут различаться, возможны дискуссии по поводу того, "насколько нужны и вообще нужны ли для этого предпосылки, лежащие вне опыта" (*Вундт*, б.г., с. 1). "Всеобщее согласие можно встретить не только в определении задачи науки. И по отношению к другому, – методологическому требованию, существует полное согласие между всеми представителями науки, которые не верят, как некоторые философы, в чудодейственную силу специфического метода. Требование это заключается в том, что соединение данных содержаний опыта, составляющее сущность научной работы, должно безусловно подчиняться законам логического суждения и умозаключения" (Вундт, б.г., с. 1). Сложилось представление о психологии как опытной науке, в которой теория представляет собой "упорядоченное соединение данных содержаний опыта". Собственно, так и должно было случиться, поскольку психология рассматривалась как непосредственная наука: интроспекция давала непосредственное знание о внутреннем опыте. Возможность такого интуитивного познания была провозглашена Р. Декартом. Как известно, Декарт не использовал термин "сознание", предпочитая говорить о духе (mens). Но поскольку он определял его как "все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою" (*Декарт*, 1950, с. 429), интроспективное понимание сознания было "налицо". Декарт отчетливо формулирует идею интроспекции и обосновывает интроспективное понимание сознания, которое легло в основу эмпирической психологии.

В первых программах построения психологии как самостоятельной науки (и в вундтовской, и в альтернативной, предложенной Ф. Брентано) отчетливо артикулировалось, что психология должна быть опытной наукой. И физиологическая (экспериментальная) психология Вундта, и "психология с эмпирической точки зрения" Брентано предполагали использование различных вариантов метода интроспекции. Варианты существенно различались: в вундтовской лаборатории с помощью интроспекции необходимо было получить описание структуры опыта, тогда как, по Брентано, интроспекция (внутреннее восприятие) должна была выявить акты сознания в их целостности. Ясно, что требовалось обучение испытуемых (тренировка интроспекции) для решения столь сложных аналитически-интроспективных задач. Особые стандарты существовали в других психологических школах, культивирующих интроспекцию (в вюрцбургской школе, в Корнелле у Эдвара Титченера). Более того, стало очевидно, что интроспекция, несмотря на все попытки стандартизировать ее, сделать более строгой, остается процедурой весьма произвольной. Н.И. Пирогов очень проницательно заметил: "Еще гораздо труднее, ненормальнее и сомнительнее дело, когда мы беремся судить о нашем Я, другими словами – о нашем лично сознательном ощущении бытия, мысли и, вообще о присутствии в нас субъективного начала со всеми его (психическими) свойствами. В этом случае, – если правильно мое сравнение нашего Я с музыкантом, играющим одновременно на нескольких инструментах, – оно, наше Я, начинает играть не быв виртуозом, на одном из них исключительно и делает, конечно, fiasco" (*Пирогов*, 1887, с. 86–87). Даже длительная тренировка (напомним, что в вундтовской лаборатории, где требования к интроспекции, кстати, были не самыми строгими, испытуемый, выполнивший менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не мог служить источником информации (*Boring*, 1953) не делала "виртуозом" хотя бы потому, что "заставляла играть на одном инструменте" (требовалось либо описывать "структуру опыта", либо "акты сознания", либо "качества ощущений", ни в коем случае не допуская "ошибки стимула"). Впрочем, не будем здесь перечислять варианты интроспективного метода, использовавшиеся в той или иной психологической школе. Отметим, что вышеприведенное "методологическое требование" В. Вундта, самим же Вундтом регулярно нарушалось. На этапе логического упорядочивания данных опыта в качестве "упорядочивающих" вводились гипотезы ad hoc. Про допустимость гипотез в объяснении, кстати, говорил сам Вундт: "Но

абсолютно свободной от гипотез науки никогда не существовало и не может существовать: в тот момент, когда было бы закончено такое освобождение, наука, как таковая, исчезла бы, а на ее месте осталось бы лишенное связи перечисление фактов" (*Вундт*, б.г., с. 3). Но поскольку в качестве гипотез вводились объяснительные концепты – такие как творческий синтез, апперцепция, становилось ясно, что "теоретический план" не просто логическая организация опыта, а нечто большее.

Г.И. Челпанов развел теоретический и экспериментальный уровни. В статье "Задачи современной психологии", опубликованной в 1909 году, Г.И. Челпанов отмечает, что "все вопросы, касающиеся общих свойств сознания: внимания, апперцепции, воли и т.п., определений сознательного и бессознательного и т.п. решаются в области именно теоретической психологии... Это есть та часть психологии, без которой не могут существовать никакие вообще психологические исследования, в том числе и экспериментальные" (*Челпанов*, 1909, с. 295). К этому времени уже появились первые варианты опосредованного метода. Это означает, что добытые эмпирические факты не были просто материалом для упорядочивания средствами логики, но были объектом интерпретации с помощью психологической теории. Важную роль в превращении психологии в полноценную науку, имеющую свою теорию, сыграли Вюрцбургская школа и психоанализ, поскольку ими были обнаружены неосознаваемые тенденции. Но психология в целом в значительной мере продолжала оставаться непосредственной наукой. Таким образом, можно констатировать, что уже на ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки были отчетливо выражены две тенденции: первая была сформулирована Вундтом и состояла в том, что теория является производной от данных опыта, вторая, артикулированная Челпановым, заключалась в том, что теория психологии в известном смысле предшествует эмпирическому исследованию, в частности экспериментальному.

Взвешенную позицию по вопросу соотношения теории и метода занимал Н.Н. Ланге. В своей известной работе "Психология" Н.Н. Ланге выдвинул идею о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности теоретического и эмпирического, теории и факта. "Можно сказать, не боясь преувеличения, что описание любого психического процесса получает иной вид, будем ли мы его характеризовать и изучать в категориях психологической системы Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джемса или Г. Мюллера. Конечно, чисто фактическая сторона должна остаться при этом

той же; однако в науке, по крайней мере в психологии, разграничить описываемый факт от его теории, то есть от тех научных категорий, при помощи которых делается это описание, часто очень трудно и даже невозможно, ибо в психологии (как, впрочем, и в физике, по мнению П. Дюгема) всякое описание есть всегда уже и некоторая теория" (*Ланге*, 1996, с. 73). Н.Н. Ланге развивает свою мысль о взаимосвязи теории и факта в психологии: "Специальные психологические журналы приносят нам ежемесячно десятки, по-видимому, чисто фактических исследований, особенно экспериментального характера, которые кажутся для поверхностного наблюдателя независимыми от этих принципиальных разногласий в основных научных категориях, разделяющих разные психологические школы. Однако, внимательно приглядываясь к этим исследованиям, легко убедиться, что уже в самой постановке вопросов и в том или ином употреблении психологических терминов (как то: память, ассоциация, ощущение, внимание и др.) содержится всегда то или иное понимание их, соответствующее той или иной теории, а следовательно, и весь фактический результат исследования сохраняется или отпадает вместе с правильностью или ложностью этой психологической системы. Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут, таким образом, оказаться при изменении в смысле основных психологических понятий ложными, или, во всяком случае, утратившими свое значение" (*Ланге*, 1996, с. 73–74). Эти идеи Н.Н. Ланге получили развитие в отечественной психологической науке.

Специальное историко-психологическое исследование, в котором была рассмотрена история вопроса о соотношении теории и метода в психологии (*Ждан*, 1990), было проведено А.Н. Ждан. Автор отмечает "глубокую связь и преемственность разных этапов векового пути, пройденного отечественной наукой, и современных проблем экспериментального психологического исследования" (*Ждан*, 1990, с. 30). "В трудах ее выдающихся представителей прошлого – В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, Н.Н. Ланге, А.П. Нечаева и других накапливались факты и складывались теоретические принципы, которые обусловили большие успехи отечественной науки. Эти принципы были затем эксплицированы и углублены с позиций марксистско-ленинской философии в советской психологии" (*Ждан*, 1990, с. 30). А.Н. Ждан подробно анализирует взгляды на соотношение теории и метода в психологии Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурского, А.П. Нечаева. В данной работе дается интересный анализ "важнейших направлений в развитии теории", составляющих "бесспорное дости-

жение советской психологической науки, в которых построение теоретических основ осуществлялось в диалектическом единстве с разработкой новых методов исследования" (*Ждан*, 1990, с. 35). А.Н. Ждан прослеживает взаимосвязь между теоретическими положениями психолога – автора концепции и используемыми им (или разрабатываемыми специально) методами. Проанализировав концепции М.Я. Басова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, автор статьи приходит к выводу, что "наиболее благоприятные условия для развития научного психологического познания возникают при соблюдении требования диалектического единства теории и метода" (*Ждан*, 1990, с. 41). "Таким образом, обращение к истории дает нам поучительные уроки, анализ и учет которых предостерегает от опасности как позитивистских тенденций в науке, так и от абстрактного теоретизирования" (*Ждан*, 1990, с. 40–41). Принимая во внимание традиции отечественной психологии, требующие единства теории и метода, остановимся на некоторых собственно методологических моментах. Если воспользоваться удачным выражением М.Я. Басова, "для нас в настоящее время в психологических воззрениях прошлого их методологическая сторона важнее, чем самое их содержание" (*Басов,* 1931, с. 243). Одним из первых советских психологов, анализировавших соотношение теории и метода был М.Я. Басов. В фундаментальных "Общих основах педологии" М.Я. Басов посвящает целый "отдел" ("Отдел третий. Основание психологии") обсуждению методологических вопросов. М.Я. Басов сочувственно цитирует Х. Инженьероса, утверждавшего, что "взгляд на явления, которого придерживается ученый, работающий в какой-нибудь специальной научной области, определяет и его методы. Если "душа" рассматривается как какая-то особая сущность, существующая до всякого опыта и над организмом, то необходимо согласиться с классическим утверждением: "Сознательные состояния доступны только сознанию и должны быть интуитивно изучены интроспективным путем". Если же "психические функции" рассматриваются как естественное приобретение живых существ в ходе биологического развития и как результат органической деятельности, то условия наблюдения их становятся все более объективными и экстероспективными" (*Басов*, 1931, с. 254–255). Вывод, к которому приходит М.Я. Басов, формулируется следующим образом: "Необходимо твердо усвоить простую истину, что установление метода исследования в области данной науки зависит от нашего понимания предмета этой науки. Поэтому, если ранее мы констатировали, что выясняемая сейчас установка психологии характеризуется

пониманием предмета, противоположным тому, из которого исходила психология до сих пор, то из этого наперед можно сделать вывод, что и в отношении методов исследования эволюция данной науки приведет к соответственным результатам. В действительности так оно и получается" (*Басов*, 1931, с. 255). В конечном счете, по М.Я. Басову, и понимание предмета, и новая методология являются производными от представления о мире: "Антропологический субъективизм есть противоположность объективно-причинного мышления и такого же представления о мире. Из этого последнего рождаются одновременно и новое понимание предмета психологического изучения и его новая методология. (...) Что же касается методологии, вернее тех методов, какими располагает данная наука для исследования своего предмета, то они определяются этим предметом" (*Басов*, 1931, с. 255). Таким образом, согласно М.Я. Басову, детерминистическое представление о мире лежит в основе понимания предмета, а тот, в свою очередь, определяет, каковы будут методы.

Методологические вопросы психологии были предметом постоянных размышлений Л.С. Выготского. Как показали историко-психологические исследования, методологические представления Выготского неоднократно менялись (*Ярошевский*, 1993). Можно описать эволюцию методологических взглядов Л.С. Выготского. При этом несомненно, что главным, наиболее развернутым, является "методологическое исследование" – "Исторический смысл психологического кризиса". Кратко остановимся лишь на некоторых положениях. Л.С. Выготский подчеркивает значение категории предмета науки для психологии: "Эту стадию поисков и попытки применения общего всем психологическим дисциплинам абстрактного понятия, составляющего предмет всех их и определяющего, что следует выделять в хаосе отдельных явлений, что имеет для психологии познавательную ценность в явлении, – эту стадию мы видим ярко выраженной в нашем анализе и можем судить, какое значение эти поиски и искомое понятие предмета психологии, искомый ответ на вопрос, что изучает психология, могут иметь для нашей науки в данный исторический момент ее развития" (*Выготский*, 1982, с. 298). Анализируя отношение "между материалом и обработкой, т.е. между предметом и методом науки", Л.С. Выготский указывает, что "здесь спор может идти только о том, что определено чем: предмет методом или наоборот. Одни, как К. Штумпф, полагают, что всякие различия в методах коренятся в различии между предметами. Другие, как Риккерт, держатся того мнения, что разные предметы, как физические, так и психические, требуют

одного и того же метода” (*Выготский*, 1982, с. 320). Л.С. Выготский вводит чрезвычайно важное понятие – объяснительный принцип науки: “Но фундаментальное понятие, так сказать, первичная абстракция, лежащая в основе науки, определяет не только содержание, но и предопределяет характер единства отдельных дисциплин, а через это – способ объяснения фактов, главный объяснительный принцип науки” (*Выготский*, 1982, с. 300). “Мы видим, что тенденция к обобщению и объединению знания переходит, перерастает в тенденцию к объяснению знания. Единство обобщающего понятия перерастает в единство объяснительного принципа, потому что объяснять значит устанавливать связь между одним фактом или группой фактов и другой группой, ссылаться на другой ряд явлений, объяснять – значит для науки – причинно объяснять. Пока объединение производится внутри одной дисциплины, такое объяснение устанавливается путем причинной связи явлений, лежащих внутри одной области. Но как только мы переходим к обобщению отдельных дисциплин, к сведению в единство разных областей фактов, к обобщениям второго порядка, так сейчас же мы должны искать и объяснения более высокого порядка, т.е. связи всех областей данного знания с фактами, лежащими вне их. Так поиски объяснительного принципа выводят нас за пределы данной науки и заставляют находить место данной области явлений в более обширном кругу явлений” (*Выготский*, 1982, с. 300–301). Л.С. Выготский подчеркивает, что “обобщение понятия и объяснительный принцип только в соединении друг с другом, только то и другое вместе определяют общую науку” (*Выготский*, 1982, с. 301). Л.С. Выготский выделяет пять этапов в развитии объяснительных идей, тем самым формулируя концепцию развития психологической теории. Чрезвычайно важными представляются рассуждения Л.С. Выготского об аналитическом методе, об опосредствованном (косвенном, по выражению Выготского) характере психологического метода. В другой работе Л.С. Выготский описывает отношение психологической теории и эксперимента следующим образом: “Методика современного психологического эксперимента тесными нитями связана с общими принципиальными вопросами психологической теории и всегда являлась в конечном счете лишь отражением того, как решались важнейшие проблемы психологии” (*Выготский*, 1984, с. 75).

Методологическим проблемам психологии большое внимание уделял С.Л. Рубинштейн. В “Основах общей психологии” он отмечал, что “характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т.е. пути познания, –

это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик. Под методом науки – в единственном числе – можно разуметь систему ее методов в их единстве. Основные методы науки – не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую – рациональной, характеризуя таким образом предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией" (*Рубинштейн*, 1946, с. 27). С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что исследователь может и не осознавать, что его научная работа реализует ту или иную методологию. В книге "Принципы и пути развития психологии" С.Л. Рубинштейн возвращается к анализу вопроса о психологической теории. Автор отмечает, что "главная задача всякой теории, в том числе психологической, вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений. Каждая теория строится на том или ином понимании детерминации явлений. Теоретическим фундаментом нашего подхода к построению психологической теории является принцип детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании" (*Рубинштейн*, 1959, с. 23–24). С.Л. Рубинштейн подчеркивает: "Пути психологического, как и всякого вообще научного исследования, всегда более или менее осознанно определяются той теоретической концепцией, которая лежит в его основе. Эта теоретическая концепция определяет построение исследования. Каковы должны быть построение и пути психологического исследования? Решающим здесь должно явиться диалектико-материалистическое понимание детерминизма. Прямым выражением этого понимания является положение, что внешние причины действуют через внутренние условия" (*Рубинштейн*, 1959, с. 33).

Практически все авторы, которые занимались исследованием методологических проблем психологии, отмечали наличие тесной связи теории и методов. И.И. Иванова и В.Г. Асеев констатируют: "Ни в одной из научных областей результаты конкретного исследования не зависят в такой степени прямо и непосредственно от исходных методологических посылок и используемых методических приемов как в психологии" (*Иванова, Асеев*, 1969, с. 218). Авторы подчеркивают

необходимость различения эмпирического факта и факта научного. “Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется” (*Иванова, Асеев*, 1969, с. 220). И.И. Иванова и В.Г. Асеев акцентируют “сложность логики психологического исследования: от исследований поискового, ориентировочного уровня к эмпирическим гипотезам и предварительным теоретическим представлениям; от более организованного направленного исследования к более разработанной теории и более обоснованной гипотезе дальнейшего исследования” (*Иванова, Асеев*, 1969, с. 245). Авторами подчеркивается, что “методологические принципы и теоретические положения являются критерием самого выбора и формулировки проблемы исследования, разработки гипотезы, эффективной процедурной организации исследования и интерпретации психологических данных. Без такой методологической и теоретической основы психологические исследования неизбежно превращаются в слепой эмпирический поиск. В связи с этим важно подчеркнуть опасность позитивистской абсолютизации “точного” эмпирического факта. Актуальной задачей психологических исследований является не обеспечение их эмпирической “объективности”, “непредвзятости”, в смысле независимости от методологического и теоретического багажа, а наоборот – максимальное использование теоретических положений и опора на основные достижения методологии. Без постоянной параллельно осуществляющейся теоретической и методологической работы и постоянного взаимного обогащения конкретных исследований и теории действительный прогресс психологии невозможен” (*Иванова, Асеев*, 1969, с. 245).

Методологические вопросы психологии исследовались К.А. Абульхановой-Славской. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, “роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в определении предмета исследования науки, в данном случае психологии” (*Абульханова-Славская*, 1969, с. 318). Ме-

тодология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К.А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: “В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования” (*Абульханова-Славская*, 1969, с. 320). “Общий анализ объекта психологии с позиции философии отмечает двойственность психических явлений, которая заключается в том, что они одновременно принадлежат к явлениям сознания и бытия (не только в его природных, но и в его общественных формах). Выполняя общую функцию объединения отдельных методологических принципов психологии, принцип детерминизма ликвидирует пропасть между областью сознания, вообще психического, и областью бытия, обнаруживая на разных уровнях общий принцип взаимодействия внешних и внутренних условий” (*Абульханова-Славская*, 1969, с. 331).

Важный вклад в исследование проблемы соотношения теории и методов внес Б.Г. Ананьев. Проанализировав классификацию методов психологического исследования, разработанную болгарским ученым Г.Д. Пирьовым, Б.Г. Ананьев предложил свою классификацию. Согласно Г.Д. Пирьову, могут быть выделены следующие методы психологического исследования: 1) наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение, 2) эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический, 3) метод моделирования, 4) метод психологических характеристик, 5) вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т.д.), 6) специальные методические подходы (*Пирьов*, 1968). Как отмечал Б.Г. Ананьев, классификация Г.Д. Пирьова “во многом соответствует современному состоянию научного аппарата современной психологии” (*Ананьев,* 1996, с.296). Вместе с тем, она имеет очевидные недостатки, что побудило Б.Г. Ананьева к разработке собственной классификации методов психологического исследования. По Б.Г. Ананьеву, “необходима такая рабочая квалификация методов исследования, которая соответствовала бы порядку операций в научном исследовании, определенному целостному циклу современного психологического исследования. Планирование и программирование исследования не ограничиваются определением проблемы и реализацией ее совокуп-

ности тем. Планируются и программируются система методов и порядок их применения, связанные с гипотезами и концепциями исследования, основанными на критическом анализе истории и состояния вопроса, обобщении итогов предшествующего исследования” (*Ананьев*, 1996, с. 301). Б.Г. Ананьевым выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят обсервационные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов). Классификация Б.Г. Ананьева позволила представить систему методов, отвечающую требованиям современной психологии. Отметим, что предложенная классификация стимулировала исследования по проблеме, что привело впоследствии с появлению альтернативных классификаций психологических методов. Классификация Б.Г. Ананьева предполагает определенное отношение теории и метода. В классификации не выделяются и не упоминаются вообще собственно теоретические методы. Теория, согласно классификации, выступает одним из конечных результатов исследования. Характеризуя организационные методы, Б.Г. Ананьев отмечает: “Они действуют на протяжении всего исследования, и их эффективность определяется по конечным результатам исследования (теоретическим – в виде известных концепций, практическим в виде определенных рекомендаций...)” (*Ананьев*, 1996, с. 301–302). Может создаться впечатление, что концепция Б.Г. Ананьева вообще не предполагает выделения теоретических методов в психологии. Некоторые основания для этого есть: в приведенной классификации выделение теоретических методов не предусмотрено. Однако, в другом месте Б.Г. Ананьев отмечает, что “диалектика перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике обеспечивает взаимосвязь эмпирических и рациональных методов исследования, сочетание различных модификаций обоих видов средств научного познания и прогрессирующее их проникновение в глубинные процессы и механизмы. В отношении рациональных (логических) методов исследования возникли новые возможности их усиления в связи с эвристикой и перспективами научного прогнозирования” (*Ананьев*, 1996, с. 290–291). Чрезвычайно важным является сформулированное Б.Г. Ананьевым положение, согласно которому методы являются не только инструментом познания, но и представляют “гносеологические объекты” для психологии: ме-

тоды “функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки (*Ананьев*, 1996, с. 282). Иными словами, необходимы психологические исследования самих методов, их структуры, возможностей и т.д. Таким образом, ананьевские работы не только раскрывают новую методологию психологического исследования, но и имеют эвристическое значение, стимулируют дальнейшие исследования по проблеме методов. Характеризуя интерпретационные методы, Б.Г. Ананьев делает важное замечание: “В сущности говоря, на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определяет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания” (*Ананьев*, 1976, с. 31). Связь метода и теории в психологической концепции Б.Г. Ананьева, таким образом, не подлежит сомнению.

Классификация методов альтернативная ананьевской была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским (*Роговин, Залевский*, 1988). Авторы рассматривают метод “как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания” (*Роговин, Залевский*, 1988, с. 72). Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый – самонаблюдение. На основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (*Роговин, Залевский*,

1988, с. 72–73). Отметим, что классификация М.С. Роговина и Г.В. Залевского так же, как и предложенная Б.Г. Ананьевым, не предусматривает выделения теоретических методов. В плане интересующей нас проблемы данная работа М.С. Роговина и Г.В. Залевского выделяется тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось (и что можно увидеть из приведенного выше краткого обзора), а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии “теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования” (*Роговин, Залевский*, 1988, с. 16). М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что “сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обусловливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода” (*Роговин, Залевский*, 1988, с. 16).

Другая альтернативная ананьевской классификация методов предложена В.Н. Дружининым. В.Н. Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) эмпирических, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) теоретических, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методов интерпретации и описания, при которых субъект “внешне” взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особенного внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматического и гипотетико-дедуктивного), иначе – восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивного – обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования – конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго – индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего – модели объекта, процесса, состояния (*Дружинин*, 1993). От теоретических методов В.Н. Дружинин предлагает отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. “Умозрительный психолог, как философ, порождает приемлемые с личной точки зрения модели психической реальности, либо ее отдельных составляющих (теории личности, общения, мышления, творчества, восприятия и т.

д.) Продуктом умозрения является учение, то есть некоторый целостный мыслительный продукт, объединяющий в себе черты рационального и иррационального знания, претендующий на полноту и единственность объяснения некоторой реальности и не предусматривающий своей фальсификации (опровержения) при эмпирическом исследовании" (*Дружинин*, 1993, с. 9). По мнению В.Н. Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. "В первом случае исследователь хочет выявить структуру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) – другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведений позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественнонаучном психологическом исследовании. В другом случае, по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр." (*Дружинин*, 1993, с. 9). Важным представляется описание иерархии исследовательских приемов. В.Н. Дружинин предлагает выделять в этой иерархии пять уровней: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода. В.Н. Дружининым предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу автором берется система "субъект-инструмент-объект". В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из этих оснований (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно – производным. Согласно В.Н. Дружинину, все методы делятся на: деятельностные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделены восемь "чистых" исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью). Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но

не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение.

Важные аспекты интересующей нас проблемы обсуждаются в книге В.П. Зинченко и С.Д. Смирнова (*Зинченко, Смирнов*, 1983). Данная работа интересна тем, что в ней содержится попытка применить к психологии методологические схемы, созданные отечественными методологами науки (Э.Г. Юдин и др.). С.Д. Смирнов, анализируя структуру и функции методологии науки, выделяет четыре ее уровня: уровень философской методологии, уровень конкретно-научной методологии, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень методики и техники исследования. С.Д. Смирнов отмечает, что "предмет исследования является одной из центральных категорий методологического анализа. Зарождение и развитие науки связано с формированием и изменением предмета науки. Радикальное изменение предмета исследования ведет к революции в самой науке. В предмет исследования входят объект изучения, исследовательская задача, система методологических средств, и последовательность их применения. Предметы исследования могут быть разной степени общности, наиболее масштабным является предмет данной науки в целом, который выполняет по отношению к предмету частного исследования методологическую функцию" (*Зинченко, Смирнов,* 1983, с. 25). Вслед за методологами науки, С.Д. Смирнов отмечает, что могут быть выделены последовательные этапы исследовательского движения: постановка проблемы, построение и обоснование предмета исследования, построение теории и проверка полученных результатов. Согласно С.Д. Смирнову, "постановка проблемы опирается не только на обнаружение неполноты имеющегося знания, но и на некоторое "предзнание" о способе преодоления этой неполноты. Именно критическая рефлексия, ведущая к обнаружению пробелов в системе знания или ложности его неявных предпосылок играет здесь ведущую роль. Сама работа по формулировке проблемы носит принципиально методологический характер, независимо от того, опирается ли исследователь сознательно на те или иные методологические положения или они определяют ход его мыслей неявным образом" (*Зинченко, Смирнов,* 1983, с. 26). Важно отметить, что "работа по построению и обоснованию предмета исследования также является преимущественно методологической, в ходе которой осуществляется развертывание проблемы, включение ее в систему существующего знания. (...) На

стадии построения предмета исследования чаще всего и вводятся новые понятия, методы обработки данных и другие средства, пригодные для выполнения поставленной задачи” *(Зинченко, Смирнов*, 1983, с. 26).

Вопросы соотношения теории, эксперимента, практики специально исследовались в работе Б.Ф. Ломова, посвященной анализу методологических и теоретических проблем психологии. Б.Ф. Ломовым ставится проблема “конструктивности” теории, возможности ее эффективного применения, формулируется ряд требований, эту конструктивность обеспечивающих. По мнению Б.Ф. Ломова, важным является “вопрос о мере обобщения, которая должна соответствовать качественной специфике изучаемых явлений – не только раскрывать их общие основания, но и давать возможность исследовать общее и единичное” (*Ломов*, 1984, с. 37). В данной работе ставится чрезвычайно важный вопрос о постулатах, на которых строится теория. Б.Ф. Ломов отмечает, что “далеко не всегда в теоретических работах по психологии исходные постулаты формулируются достаточно четко, что затрудняет проверку предлагаемых гипотез, переход от гипотез к теориям и использование их в практике” (*Ломов*, 1984, с. 38). В качестве других требований к психологической теории Б.Ф. Ломов называет прогностическую ценность, проверяемость, соответствие фактам. “Психологии нужна такая теория, которая могла бы объяснить источники реальных противоречий, основания качественных преобразований в психическом развитии человека, системный характер психических явлений и их детерминант, рассмотреть психическое в его сложной динамике” (*Ломов*, 1984, с. 44). В рассматриваемой работе ставится актуальный для современной психологической науки вопрос об уровнях психологической теории: “Теоретическое здание психологической науки – это сложное многоэтажное сооружение. Неверно представлять себе дело таким образом, будто теория психологии является просто набором общих идей и принципов, расположенных как бы в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам психического, другие к специальным областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы и т.д. Можно, по-видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений, а соответственно и о разных уровнях теоретических обобщений и синтеза” (*Ломов*, 1984, с. 49). Отмечая, что современная психология располагает богатым арсеналом методов, Б.Ф. Ломов формулирует как одну из важнейших задач психологии на современном этапе развития “рас-

смотреть все разнообразные используемые ею методы как единую систему, раскрыть "разрешающую способность" и ограничения каждого из них, а также условия и возможности взаимопереходов между ними в зависимости от логики проводимого исследования" (*Ломов*, 1984, с. 42). Завершая рассмотрение проблемы соотношения теории, эксперимента и практики в психологии, Б.Ф. Ломов приходит к выводу, что "диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук" (*Ломов*, 1984, с. 51). "Психологическая теория развивается на базе тех данных, которые накапливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях. Являясь для теории неиссякаемым источником информации они служат и средством проверки ее истинности. Вместе с тем развивающаяся теория направляет поиски решения задач, возникающих в эксперименте и практике. Диалектическое единство теории, эксперимента и практики – это важнейший принцип перспективного планирования развития психологической науки и профессиональной деятельности психологов" (*Ломов*, 1984, с. 51).

Исследование специфики психологического эксперимента было проведено Ю.М. Забродиным (*Забродин*, 1990). В частности, Ю.М. Забродин обращает внимание на связь эксперимента и гипотезы: "Мы крайне редко замечаем тесную связь между экспериментом и гипотезой: если гипотеза формулируется неконструктивно, недостаточно правильно, неточно или нечетко, то экспериментирование может превратиться в нецеленаправленную, нерегулярную (хаотическую) активность исследователя, так как он не знает точно, для чего и почему он проводит эксперимент" (*Забродин*, 1990, с. 24). "Гипотеза, следовательно, вполне определенным образом формирует условия и структуру эксперимента. Тогда смысл экспериментирования состоит в "переводе", отображении теоретических условий гипотезы на ситуации контролируемой реальности и замене идеального объекта гипотезы на реальный (испытуемого). Эксперимент, как и любая другая практика, есть контакт исследователя с реальностью, но с реальностью ограниченной, созданной искусственно и специально для ответа на соответствующий теоретический вопрос" (*Забродин*, 1990, с. 24–25). Ю.М. Забродин подчеркивает: "Смысл и конечная цель представленной нами работы состоит в том, чтобы исследователь-психолог начал думать над экспериментом и создавать свои оригинальные экспериментальные методики, опираясь на суть своего теоретического замысла. Если мы как психологи-исследователи будем делать это хорошо, то научимся и внедрять психологическое знание в научную практику, в

нашу собственно научную деятельность. Накопив этот опыт, нам будет значительно легче применять психологические знания в реальной жизни, решая реальные практические задачи. С этой точки зрения представляет интерес дальнейший анализ взаимосвязи теории и эксперимента. Важно понять, каким образом оформляется сама экспериментальная проблема, формируется гипотеза, организуется структура соответствующего эксперимента, и наконец, как связан результат эксперимента с постановкой теоретического вопроса" (*Забродин*, 1990, с. 29). В концепции Ю.М. Забродина мы видим иную модель отношения теории и эксперимента: "Крайне важно увидеть, что в различных формах экспериментирования, безотносительно к тому, насколько близко или далеко оно отстоит от реальности, мы можем усмотреть взаимосвязь между спецификой конкретного эксперимента и полнотой реализации в данной экспериментальной модели теоретического (или мысленного) замысла. Чем слабее теория, тем ближе к реальности должен быть эксперимент, чем глубже, тоньше и деликатнее теоретические вопросы, тем экзотичнее и искусственнее может выглядеть экспериментальная ситуация" (*Забродин*, 1990, с. 29).

Завершая краткий обзор исследований соотношения теории и метода в психологии, отметим, что нельзя не согласиться с оценкой, данной А.Н. Ждан: "Таким образом, история отечественной науки дает яркие примеры действительно диалектического единства теории и метода, в частности, эксперимента, когда экспериментальные методы являются результатом большой теоретической работы, а их применение способствует развитию теории. Обращение к истории отечественной, в частности, советской психологии позволяет утверждать, что именно на путях органического единства психологической теории и метода нашими учеными были сделаны наиболее важные теоретические открытия, обеспечено практическое применение результатов психологического исследования" (*Ждан*, 1990, с. 40). Проведенный обзор исследований по проблеме соотношения теории и метода позволяет подвести некоторые итоги. Представляется несомненной связь между теорией и методом. Практически всеми авторами, анализировавшими данную проблему, наличие такой связи подтверждается. Важно подчеркнуть, что теория при этом выступает как определяющая методы, детерминирующая их выбор. Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд вопросов, имеющих отношение к данной проблеме, в отечественной психологии не получил достаточного освещения. В первую очередь это касается самого единства теории и метода. Здесь можно увидеть некоторое противоречие. Действитель-

но, с одной стороны теория обусловливает выбор метода, в этом смысле она “первична”. С другой стороны, не менее хорошо известно, что теория является результатом научного исследования и, следовательно, результатом использования тех или иных методов. Можно предположить, что причина такого парадокса в том, что связь теории и метода в нашей психологии рассматривается почти исключительно в статике, вне контекста развития, возникновения и становления научной теории. Приходится констатировать, что данный вопрос в нашей психологии специально практически не исследовался. Введение принципа “развития” теории заставляет предположить, что к выбору метода (или его конструированию) имеет отношение не “готовая” теория, являющаяся результатом научного исследования, а или ее отдельные компоненты, либо некоторое “предвосхищение”, “предтеория”. В свете этих соображений становятся понятны указания некоторых авторов, полагавших, что выбор методов определяется не теорией как таковой, а предметом науки, ее объектом и т. д. Есть, кроме того, ряд вопросов, не получивших специального исследования, но имеющих для психологии исключительное значение. Это представляется удивительным, но тем не менее – факт, что практически все психологи, писавшие о теории, о методе, об их соотношении предпочитают обсуждать именно эмпирические методы. В.Н. Дружинин – один из немногих авторов, отмечавших существование теоретических методов психологии, предложивший их классификацию. В существующей методолого-психологической литературе нам не удалось найти указаний на то, использует психология общенаучные теоретические методы или же теоретические методы психологии имеют свою специфику. Открытым остается вопрос о связи теоретических и эмпирических методов в психологической науке: специальных исследований по этой проблеме до сих пор не проводилось. Нам не известны также историко-методологические работы, в которых была бы поставлена специальная задача исследовать проблему реального соотношения теории и метода в научной психологии.

6.2. Соотношение теории и метода в психологии: теоретическая модель

Было проведено специальное исследование, посвященное проблеме соотношения теории и метода в психологической науке (*Мазилов,* 1998, 2001). Изначально представлялось совершенно ясным, что между теорией и методом должно существовать отношение достаточно тесное. Ведь еще в прошлом столетии Гегель говорил о том, что теория

на известном этапе может становиться методом исследования. Метод, согласно Гегелю, «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет вперед себя содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе» (*Гегель*, 1937, с. 34). На это указывала и этимология самих слов «теория» и «метод».

Метод (греч. путь исследования или познания, теория, учение) – способ построения и обоснования философского и научного знания; совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Хотелось бы обратить внимание на то, что этимология слова свидетельствует о близости метода и теории: одно из значений слова «метод» указывает на теорию, учение, что, на наш взгляд, знаменательно. В данной работе целесообразно различать метод как способ построения и обоснования научного знания и метод как совокупность приемов и операций практического «освоения действительности» (т. е. эмпирический метод, метод «добывания» эмпирических фактов).

Теория (греч., от рассматриваю, исследую), в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории. Хотим и в этом случае обратить особое внимание на то, что этимология указывает на познавательные действия, которые предполагают определенные способы. Связь между методами и теорией «в языке» несомненна.

Обращение к работам психологов, однако, выявило чрезвычайно странную (и достаточно неожиданную) картину. С одной стороны, наличие такой связи, по-видимому, было хорошо известно психологам разных поколений: упоминаний о том, что теория и метод связаны между собой, обнаружилось предостаточно – фактически, каждым крупным психологом такая констатация (в той или иной форме) была сделана (см. обзор в предыдущем параграфе этого раздела). Но далее общих утверждений дело почему-то не шло. Более того – и это удивляет более всего – специальных работ, в которых бы раскрывались механизмы такого соотношения, вообще обнаружить не удалось. Налицо парадокс: проблема теории и метода в психологии является одной из центральных среди методологических проблем современной психологической науки, от разрешения этой проблемы зависит решение многих других методологических вопросов. Во всяком случае со-

вершенно очевидно, что разработка проблемы теории и метода является необходимым условием для методологического соотнесения различных психологических теорий, подходов, направлений. Парадокс состоит в том, что, этот вопрос, насколько можно судить по литературе, психологов, кажется, совершенно не волнует: кроме общих констатаций наличия тесной связи (или даже единства) о реальном взаимодействии теории и метода в психологии, сказать, фактически, нечего. Ситуация с исследованием проблемы соотношения теории и метода в психологии очень напоминает некогда описанную еще Блаженным Августином: мы думаем, что знаем о вещи, пока нас никто о ней не спрашивает, но если кто-то начинает спрашивать, то мы ощущаем бессилие что-либо сказать.

М.Г. Ярошевским, как уже указывалось, было введено важное различение. Согласно М.Г. Ярошевскому, в историко-психологическом анализе выделяются два уровня. Первый уровень — уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Второй уровень — глубинный, где идет реальная «категориальная» работа. Реалии второго, глубинного уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов и теорий. Важно отметить, что между этими уровнями возможны расхождения: рефлексия исследователя часто бывает неполной, вследствие чего важные моменты не получают отражения в сознании. Кроме того, существует феномен «гетерогонии целей», как его называл Вундт: намерения исследователя (отражающиеся в методологических высказываниях) не всегда реализуются, иногда по ходу исследования вносятся существенные коррективы, являющиеся результатом проведенной работы (не всегда осознаваемые автором). В итоге исследование реально решает не те задачи, которые ставились изначально (сам исследователь зачастую не отдает себе отчета в произошедших изменениях). Наконец, использование определенных методов относится к той стороне деятельности, которая, будучи «технической», далеко не всегда осознается самим исследователем. Тем более это относится к осознанию связи, существующей между теориями и используемыми в исследовании методами. Можно привести высказывания многих психологов о том, как соотносятся или должны соотноситься теория и метод в психологическом исследовании (что соответствует первому аспекту проблемы, который, напомним, подробно обсуждался в предыдущем

параграфе).

Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как реально соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса требуется *специальное историко-методологическое исследование.* Если первый аспект, как мы видели, неоднократно был предметом рассмотрения, то второй практически специальному исследованию не подвергался.

Распространенное представление, согласно которому теория детерминирует выбор метода, нуждается, по меньшей мере, в конкретизации или уточнении. Многими авторами подчеркивалась определяющая роль теории в этом соотношении. Но теория выступает результатом научного исследования, тогда как методы являются средством получения этого результата и их использование явно предшествует формулировке теории. Другим чрезвычайно актуальным вопросом является проблема методов психологии. Существуют или нет специальные теоретические методы психологии? Как ни удивительно, на столь естественный вопрос достаточно определенного ответа, в общем-то, нет. И, что удивительнее всего (автора настоящих строк это поражает до глубины души!), создается стойкое впечатление, что современную психологию это вроде бы и не особенно интересует. Во всяком случае, очень немногие авторы эту проблему упоминают (до исследования этой проблемы дело, как правило, не доходит).

В чем же состоит причина отмеченного выше парадокса? Известно, что наука может рассматриваться как концептуальная система и как деятельность. Г. Гаттинг – известный методолог науки – полагает, что наиболее сложная проблема в методологии – синтез представлений о науке как концептуальной структуре и человеческой деятельности. Обычно теория и метод рассматриваются в различных контекстах: теория анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. Возникает задача планирования такого исследования, в котором проблема соотношения теории и метода анализировалась бы в рамках одного «контекста». Целесообразно начинать с анализа в контексте науки как концептуальной системы. Возможно, это позволит получить новые данные об отношении между теорией и методом в психологии и на основе этих данных разработать модель соотношения теории и метода.

Было бы очень заманчиво окунуться в «гущу событий», обратившись к анализу самого последнего этапа кризиса в психологической науке, либо к анализу современных психологических концепций. Но

такой ход оказывается невозможным, поскольку в этом случае мы оказываемся лишенными каких бы то ни было рабочих схем (кроме интуитивных, что, разумеется, неплохо, но в других случаях: здесь, когда исследование должно выявить, по сути, «работу» таких же недостаточно хорошо осознаваемых – очень похожих на интуитивные – «оснований», такой метод вряд ли может считаться приемлемым). Поэтому мы вынуждены начать «с начала», даже если маркировка очевидно условна. Поскольку нас интересует научная психология, то необходимо проанализировать основные, существенные в методологическом отношении этапы формирования психологии как научной дисциплины, по возможности рассмотрев как внутренние изменения, по всей вероятности, связанные с теорией и методами, так и «внешние» (ведь, для того, чтобы «выделиться» в качестве самостоятельной науки, надо «стать таковой» в глазах научного сообщества: следовательно, возможны – да и просто необходимы – декларации, соответствующие этим ожиданиям).

В статье «Экспериментальный метод исследования» В.Д. Шадриков анализирует два возможных пути построения психологической науки: аксиоматический и экспериментальный (*Шадриков*, 1974). В.Д. Шадриков анализирует достоинства и недостатки этих методологических стратегий построения науки. Несомненно существование экспериментальной психологии. Возможно ли существование «чисто экспериментальной» науки? Автора настоящих строк давно не покидает ощущение того, что даже «самая эмпирическая» наука имеет некоторые априорные предпосылки.

Сказанное выше о невнимании психологов к вопросу о соотношении теории и метода может показаться сильным преувеличением. Тем не менее, такое невнимание налицо. Механизм связи теории и метода изучен, раскрыт и объяснен совершенно недостаточно. Исследование этого вопроса тем более важно, что многими авторами вопрос как бы «выносится за скобки», поэтому выпадает из поля внимания. Примером может служить уже упоминавшаяся известная работа классика мировой психологической науки Жана Пиаже (1963, рус. пер. 1966). Если начинать с эмпирического исследования, использующего тот или иной метод (в случае, который анализирует Пиаже, эксперимента, направленного на выявление причин иллюзий восприятия), обнаруживающего факты и законы, создается устойчивое впечатление, что основной задачей науки является объяснение. При этом интересующий нас вопрос, почему используется именно такой метод (именно такой вариант эксперимента), оказывается неправомерным, поскольку

метод был «задан» изначально. Возникает впечатление, что объяснение «с помощью гипотез» охватывает всю методологию психологического исследования. Никоим образом не умаляя важности проблемы объяснения, заметим, что к ней нельзя свести всю «методолого-психологическую» проблематику. Более того, ясно, что проблема объяснения может быть разрешена лишь тогда, когда будет раскрыто реальное место объяснения в структуре психологического исследования, т.е. выявлены существующие отношения между всеми его составляющими. Таким образом, при подходе, аналогичном использованному Ж. Пиаже, проблема «закрывается». Исследователь фактически лишается возможности выяснить, почему используется такой вариант эксперимента, а не какой-либо другой. Мы, напротив, полагаем, что это один из наиболее важных методологических вопросов психологического исследования. И то, что исследователь каким-то удивительным образом из всех возможных выбирает тот вариант метода, который соответствует его экспектациям, нуждается в специальном исследовании и объяснении.

Многие авторы высказывают соображения, что в абсолютно «чистом» виде в жизни ни эмпирический, ни аксиоматический подходы неосуществим. Реально мы имеем дело с достаточно сложными гибридами. Собственно говоря, об этом пишут и писатели, и философы. Так, к примеру, выглядит эта проблема в восприятии известного швейцарского писателя: «Разум путем логического умозаключения может спокойно вывести одну правду из другой, что обычно и делают, извлекая ее в свою очередь из предыдущей и так далее, пока не доберутся до истины — полной и непреложной, что означает — полученной методом дедукции или, напротив, индукции, опирающейся на вымысел, чувственный опыт, гипотезу или версию. Разум и дедукция делают ставку на безошибочность и надежность, индукция отваживается на риск. Поэтому дедукция — метод богов: правду знают одни они и в своих суждениях всегда следуют от общего к частному. Однако человеческая жизнь редко складывается по законам дедукции, чаще ее носит по своим волнам индукция, во власти которой эта жизнь находится, поскольку полна неожиданностей, заведомо не поддающихся расчету, но именно все то непрогнозируемое, что мы называем «случай» и что сваливается нам на голову, как метеор, обычно превращается, едва успев шмякнуться на нас и раздавить в лепешку, в нечто такое, что тут же учитывается и прекрасно укладывается в статистику» (*Дюрренматт*, 1998, с. 70). Известно, что в своем знаменитом произведении «О душе» Великий Стагирит говорил о психологии, как

о дисциплине причастной к «наиболее возвышенному и удивительному». Поэтому весьма логично предположить, что сама психологическая наука включает в себя хотя бы отдельные элементы «науки богов». Впрочем, если говорить серьезно, в самой-что-ни-на-есть эмпирической психологии должны найтись некие априорные «предвосхищения». Возможно, что наука в действительности «устроена» сложнее, чем иногда представляется. «Остается фактом, что платоновская речь, восхваляющая науку, ненаучна, и это тем более верно, что ей удается достичь легитимации науки. Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оного оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку. Но не скатывается ли оно точно так же, позволяя себе этот рассказ?» (*Лиотар*, 1998, с. 74).

Однако, вернемся к научной психологии. Все же: является психология аксиоматической или эмпирической?

Историко-методологическое исследование (*Мазилов*, 1998) показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Брентано, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об уровневом строении метода.

Необходимо различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема.* Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение предмета исследования. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой предмета психологии в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть

именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями* (Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин). К примеру, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т. д. Опредмеченность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе базовой категории. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, на ранних этапах развития научной психологии, выступают понятия структура, функция, акт, процесс. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (Исследование показало, что в рассматриваемый период существовали возможности уровневого и генетического анализа, но реализованы, фактически, не были).

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода

можно представить следующим образом (рис. 2).

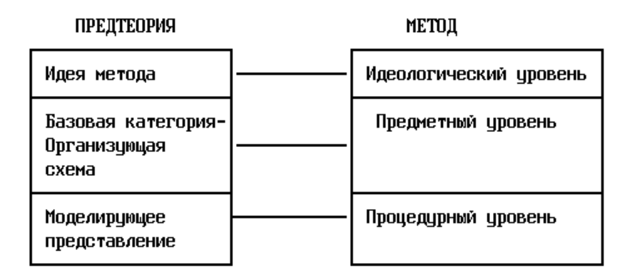

Рис. 2. Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как *идеологический*, т. е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как *предметный.* На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется такими компонентами предтеории как «базовая категория» — «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как *процедурный*, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т. п).

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 3).

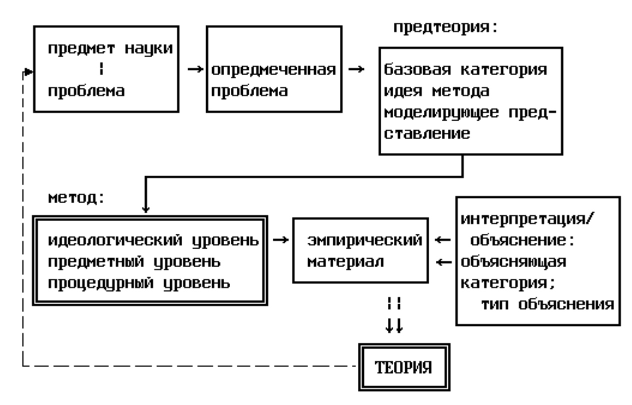

Рис. 3. Модель соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирую-

щая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (*Ach*, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Необходимо отметить, что в этом случае структура цикла существенно меняется: сформулированная теория ведет к изменению понимания предмета и схема, приведенная на *рис. 3*, фактически становится «замкнутой», чего реально не наблюдалось на первых этапах

развития научной психологии. Для исследований более позднего периода это становится типичным. Соотношение теории и метода, таким образом, становится двунаправленным и «диалектичным»: теория определяет метод, но и метод в свою очередь определяет теорию. Отношение между теорией и методом в психологии, характерное для начального периода ее развития как самостоятельной науки, как мы видели, в дальнейшем существенно изменяется. (К обсуждению вопроса об универсальности «замкнутой» модели придется вернуться ниже в связи с результатами исследования соотношения теории и метода в психологических концепциях XX столетия). Характеризуя эти отношения в указанный период в целом, необходимо признать, что психология в значительный степени продолжала сохранять субъективизм, свойственный философской психологии. Более того, можно сказать, что несмотря на проникновение эксперимента, психология по характеру обобщений в значительной степени сохраняла черты философской психологии. Сама процедура эмпирического исследования была достаточно произвольной: предтеорией, фактически, задавались основные результаты. В этом объяснение известного феномена, согласно которому очень часто психологи, использовавшие субъективный метод получали результаты, совпадавшие с их теоретическими представлениями. Иными словами, на этом этапе своего развития психология оказалась куда более «аксиоматической» (в том смысле, что при построении теории играли важную роль априорные положения), чем можно было ожидать от чисто опытной науки. Независимой от «метафизики» психологии не получилось. Важно подчеркнуть, что путь, пройденный к этому времени психологией был еще «путем эмбриона». Психология «примеряла» на себя возможности других наук. Начинала она как настоящая естественная наука. Это был путь, «указанный» еще Кантом (о «двойной» программе И. Канта см. *Мазилов,* 1998, с. 147–151). Научная психология продолжала идти по этому пути. Но еще в прошлом столетии наметились другие «линии развития». Во французской психологической школе продуктивно разрабатывался подход, основывавшийся на патологическом методе. Как писал об этом П. Фресс, французская психология отпочковалась от психопатологии, интерпретируемой философами. В. Дильтей (1894) был одним из первых критиков научной психологии. «Понимающая» психология должна была строиться, по мысли Дильтея, на совсем иных основаниях. Двадцатый век проходит в полемике между ориентациями, реализующими естественнонаучный, либо, напротив, герменевтический, гуманистический подходы. В конце столетия стало совершенно ясно,

что разрешить этот конфликт между естественнонаучной и герменевтической ориентациями в психологии путем «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) невозможно.

В дальнейшем нами было проведено дополнительное исследование, касающееся соотношения теории и метода в психологии более позднего периода (с целью проверки универсальности разработанной модели). К сожалению, здесь нет возможности представить его результаты сколь-нибудь подробно, поэтому ограничимся формулированием лишь некоторых общих выводов.

Итак, на первых этапах развития научной психологии, когда происходило конституирование этой дисциплины как самостоятельной науки, независимой от философии, методы использовались в основном как средство добывания эмпирического материала, фактов (эмпирический метод), и как средство описания (объяснения) (зачаточная форма теоретического метода).

Но уже очень скоро появляются эмпирические методы с несколько иными функциями. Продолжает интенсивно использоваться та форма эксперимента, который восходит еще к временам Хр. Вольфа, — измерительный эксперимент. Напомним, он использовался в психофизических исследованиях. В научной психологии он был переосмыслен и «приспособлен» к решению чисто психологических задач.

По прежнему наиболее часто используется метод в своей «чистой» функции, как источник получения новых фактов: исследователь вносит изменения и фиксирует, каковы будут следствия. Таким образом, в этом случае эксперимент носит откровенно «поисковый» характер.

Наибольший интерес представляет та разновидность метода, где метод (к примеру, эксперимент) имеет четко направленный характер и посвящен проверке той или иной гипотезы. Примером может служить классическое исследование Н.Н. Ланге, посвященное изучению «закона перцепции». Основой для выдвижения гипотезы в данном случае служит теория, а измерительный эксперимент выступает в новом качестве: он не столько измеряет время реакции самой по себе, сколько позволяет заключить, подтверждается или нет гипотеза, что реакции испытуемого в разных опытах соответствуют различным стадиям перцептивного процесса. Это начало той «линии» в экспериментальной психологии, которая так ярко проявилась в психологии XX столетия (достаточно вспомнить классические эксперименты в школе Курта Левина).

Важно, что проведенное исследование позволило существенно уточнить чрезвычайно важный момент, связанный с выяснением ме-

ханизма выдвижения гипотез, подлежащих проверке. Очевидно, что для того, чтобы оказалось возможным выдвижение гипотезы, должно существовать некое исходное знание. На этапе развитой психологии исходное знание является результатом предыдущих исследовательских актов. Механизм выдвижения гипотезы, предположения, есть не что иное, как использование метода (теоретического), направленного на мысленное изменение материала. Как следствие, при реальном проведении эмпирического исследования экспериментатор или наблюдатель направлен на фиксацию ожидаемых изменений в поведении испытуемого: их отсутствие заставляет поставить вопрос о причинах происшедших «отклонений». Собственно говоря, на более «продвинутых» этапах развития психологии происходит нечто похожее на то, что уже наблюдалось на более ранних этапах (отличие состоит в том, что гипотезы на более поздних этапах развития психологии носят более конкретный характер, что «выдает» большую роль предметного и операционального уровней метода; на более ранних этапах гипотезы тоже существовали, но поскольку они носили чрезвычайно общий «формальный» характер, они, фактически, «сливались» с предметным уровнем эмпирического метода: исследователь просто «предполагал» наличие у испытуемого определенной функции или процесса). Этот результат особенно важен, т.к. является примером того, как более развитые формы позволяют понять реальное функционирование менее развитых, где существенные компоненты находятся еще в зачатке. На этих более развитых этапах характер предположений необходимо более частный, специфичный, конкретный, что необходимо ведет к использованию более дифференцированного понятийного аппарата.

Использование «замкнутого» цикла, когда проведенное исследование является основой для осуществления следующего, позволяет выявить интересную динамику, объясняющую логику развития научной школы. Хорошим примером может послужить Берлинская школа гештальтпсихологии, одним из основных объектов изучения в которой было мышление. В развитии этой школы могут быть выделены следующие этапы: 1) «классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 20-е годы); 2) «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная книга М. Вертгеймера «Продуктивное мышление» (30–40-е гг.); 3) «постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др.) (50–70-е гг.). Если на первом этапе большинство

исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход (под влиянием проведенных исследований) от целого ряда принципиальных положений. Третий этап чрезвычайно интересен тем, что представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, за счет использования достижений, полученных не только в собственной школе, но и в других (в частности, в психоанализе, у Жана Пиаже и его последователей, Джерома Брунера и др.). Соответствующим образом изменяются и методы психологического исследования. (Подробнее об этом см. в наших работах *Мазилов* (1990, 1999)). Отметим, что, как показали наши исследования, метод везде сохраняет свою трехуровневую структуру, что свидетельствует об универсальности этой характеристики научного метода.

Заслуживает быть отмеченным важный факт, обнаружившийся в исследовании. В развитых научных школах имеет место особый вид эксперимента, использующийся для верификации предмета исследования. Его цель доказать существование особого предмета, характеризующего подход данной научной школы. Примером может служить известный эксперимент Макса Вертгеймера, где наличие «фи-феномена» обосновывает наличие феноменального поля, или условный рефлекс И.П. Павлова, позволяющий убедиться, что в реакции слюнной железы на раздражитель скрыто «все богатство психического мира».

Другим важным выводом явилась демонстрация возможности реализации такого исследовательского подхода, при котором соотношение теории и метода может рассматриваться в рамках «деятельностного» подхода. Соответственно, в этом случае генезис научной концепции может рассматриваться как своего рода деятельность исследователя, направленная на решение определенных мыслительных задач. Это позволило подтвердить исходную гипотезу о том, что основной трудностью решения исследовательской задачи является не собственно формулирование новой идеи, гипотезы, но наличие заблуждения, причина которого кроется в неадекватных структурах субъективного опыта исследователя. Разработана классификация трудностей исследовательского процесса, основанная на выделении степени неадекватности структур субъективного опыта исследователя решаемой научной задаче.

Важным представляется результат, согласно которому после «верификации» предмета исследования работа ученого идет в двух различных направлениях: 1) происходят постановка и последующая про-

верка новых гипотез, что ведет к углублению и детализации исследования (*интенсификация* поиска); 2) происходит расширение «пространства исследования», т.к. ученый пытается обобщить результаты и распространить их на возможно более широкий круг явлений (*экстенсификация* поиска).

Проведенное исследование показало, что предложенная схема соотношения теории и метода в психологии (см. *рис. 3*) сохраняет свою универсальность и может быть использована для характеристики психологических концепций не только периода становления психологии как самостоятельной науки, но и более позднего периода. Следует отметить, что она не только применима для исследования соотношения теории и метода в контексте «науки как деятельности», но и оказывается чрезвычайно полезной, поскольку позволяет выявить важные нюансы.

В целом можно констатировать, что:

– развитие психологической науки идет от использования изолированных схем, ориентированных на какую-то отдельную базовую (объясняющую) категорию, к ориентации на их сочетание, совмещение, что ведет к возникновению «комплексных» подходов (структурно-функционального, функционально-структурного, структурно-уровневого и т. п.);
– развитие психологической науки идет от использования «простых», формальных схем, связанных с «чистыми» базовыми категориями, к применению схем более содержательных, что ведет к развитию психологических понятий и дальнейшей дифференциации понятийной структуры;
– в конце XIX столетия в психологию проникает идея развития, психология все в большей степени становится генетической наукой. Это, в частности, приводит к изменению исследовательских ориентаций: если на ранних этапах развития научной психологии в большей степени классифицировали, выделяли разновидности психических феноменов, то в развитых психологических концепциях наблюдаются попытки перехода от изолированных отдельных феноменов к их «увязке». Объединение достигается за счет категорий «развитие» и «уровень»: феномены рассматриваются как различные стадии, этапы или уровни функционирования единой системы. В качестве наиболее яркого идеолога подобного перехода можно назвать Курта Левина, проанализировавшего в своей известной работе переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому;

– применительно к самому развитию можно констатировать усложнение его объяснения: на ранних этапах наблюдались попытки объяснения через «изолированные» факторы, на следующем использовались конвергентные модели, впоследствии исследователи строили более сложные модели, предполагающие, в частности, активность самого субъекта;
– во всех рассмотренных подходах и школах метод сохраняет свою общую инвариантную структуру, включая три уровня (идеологический, предметный, операциональный);
– развитие психологии связано со все большей интеграцией различных подходов, вначале рассматривавшихся как противоречащие, несовместимые, но впоследствии оказавшиеся вполне дополнительными. Во многом этому способствовало все более широкое использование категории «уровень», что, в частности, привело к возникновению системного подхода в психологии;
– развитие психологии приводит к все большей популярности концепций, ориентированных на целостный подход. Первоначально идею целостности психического в противовес атомизму В. Вундта отстаивал Ф. Брентано. На наш взгляд, Брентано одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т. д. Эта линия нашла продолжение в психологии XX века, самыми яркими представителями ее были, на наш взгляд (разумеется, каждый по своему) Карл Юнг и С.Л. Рубинштейн (впрочем, эта тема заслуживает отдельного обсуждения);
– развитие психологии привело к появлению «нового психологизма». «Новый психологизм» связывается нами с работами Шпрангера, в которых было обосновано известное положение «Psychologica-psychological», т.е. требование объяснять психическое через психическое же. На наш взгляд, это одно из важнейших положений, имеющих огромное значение для совре-

менной психологии;
– развитие психологии привело к появлению нового метода амплификации (К. Юнг), который существенно отличен от метода естественных наук.

Может быть сформулирован еще целый ряд положений, касающихся особенностей теории и методов в психологии XX столетия. Не станем здесь этого делать. Констатируем лишь, что на рубеже веков становится отчетливо ясно, что для осмысления пути пройденного научной психологией за почти полтора столетия ее существования, необходим некоторый «метавзгляд». По нашему мнению, обеспечить такую «метапозицию» может новая область психологического знания – философия психологии.

Завершая раздел, заметим, что сформулированные выше положения это всего лишь соображения, имеющие «эскизный», предварительный характер. Коммуникативную методологию еще только делает первые шаги. Предложенная схема соотношения теории и метода в психологии может послужить основой для одного из вариантов. Она имеет достаточно универсальный характер, она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Это дает возможность рассматривать ее как некоторый структурный инвариант, что вселяет некоторый оптимизм. Во всяком случае, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций.

7. СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Мы живем в эпоху перемен. Стремительно меняются реалии жизни, общественный строй, идеология. Столь же стремительно меняется и психологическая наука. В настоящей работе мы не станем обсуждать изменения, происходящие в психологии в целом. Остановимся лишь на положении дел в методологии психологической науки. Еще пять лет назад мы констатировали, что методологии психологии не уделяется должного внимания. Были попытки ликвидировать методологию или существенно ограничить ее роль. Приведем соответствующую выдержку из работы 2001 года: «Традиционно рассмотрением этих в высшей степени сложных вопросов занималась методология психологии. Как уже отмечалось, в последние годы она явно не «в чести» у научных психологов. Возможно, кто-то из них привычно рас-

суждает по принципу «не говорите мне, что я должен делать, и мне не придется объяснять, куда вам следует пойти», т. е. в полном соответствии с известной теорией реактивного сопротивления личности протестует против «предписывающего», претендующего на аподиктичность характера прежней методологии, существовавшей в нашей стране в предшествующие годы. Дело доходит до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология отождествляется с ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования (Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин). Есть попытки ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру проблемой объяснения в психологии (Ж. Пиаже, Х. Сворт, Д. Фодор, Р. Камминс и др.). Наконец, часто высказывается мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна» (*Мазилов*, 2001, с. 75). За прошедшие годы ситуация в корне изменилась. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей (см. например, «Труды Ярославского методологического семинара», Т. 1, Т. 2, Т. 3. Ярославль, 2003–2005, где опубликованы работы, рассматривающие наиболее актуальные вопросы методологии психологической науки и практики). Нельзя не отметить вышедшие в последние годы работы, получившие широкую известность. В эти годы появились работы А.В. Юревича, посвященные проблеме кризиса в психологии, принципу методологического либерализма, структуре психологических теорий (*Юревич*, 1999, 2001 и др.), интересные методологические исследования В.М. Аллахвердова (*Аллахвердов,* 2000, 2003) и др. Повышение интереса психологов к разработке методологических вопросов налицо. В связи с этим возникает важнейший вопрос: что собой представляет (и какой должна быть) методология современной психологии.

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. В

советской психологии работали замечательные ученые, которые несмотря на идеологический прессинг разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее см. об этом *Мазилов*, 1998, 2003). В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

Было распространенным уровневое представление о методологии. Чаще всего выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровень. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала преимущественно результаты таких разработок. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно. Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить всю психологию на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (*Гараи, Кечке,* 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии подобная конфронтация привести и не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной раз-

работка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес (для психологов), естественно, вызывала собственно психологическая методология (соответствующая конкретно-научному уровню). Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т. д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какова должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы было высказано несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как радикальную. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И.П. Волкова. По И.П. Волкову, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практи-ческой, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (*Волков*, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она пока находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоятельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию, ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как консервативную. Она состоит в том, что методологические функции вполне успешно выполняла традиционная методология. О наличии такой позиции можно су-

дить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении автора. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника (*Тютюнник,* 2002). «Методология – область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (*Тютюнник,* 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня (уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частных научных методов; уровень конкретной методики и процедуры исследования (*Тютюнник,* 2002, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, т. к. в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть характеризована как умеренная. Состоит она в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии необходимо учитывать и использовать накопленные наработки. Здесь (впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии В.П. Зинченко. Обращаясь к анализу методологии отечественной психологии, В.П. Зин-

ченко отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» (*Зинченко*, 2003, с. 98). Автор замечает, что в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлексированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, – пишет В.П. Зинченко – что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (*Зинченко,* 2003, с. 98–99). Автор предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). В.П. Зинченко приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность, так называемых, методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая «самозванцами мысли» идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя, что такое нужное направление никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» (*Зинченко,* 2003, с. 114). В.П. Зинченко заключает: «Жизнь сложна. И мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая к несчастью претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпирию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (*Зинченко,* 2003, с. 115). Нельзя не согласиться с суждением классика отечественной психологии: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния,

выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (*Зинченко,* 2003, с. 100).

Важным также представляется вопрос, касающийся соотношения понятий «методология психологии» и «теория психологии». В недавней работе этих вопросов касался один из старейших отечественных психологов Г.В. Телятников (*Телятников,* 2004). Остановимся на этом исследовании более подробно.

Г.В. Телятников подчеркивает, что разработка теоретических проблем психологии неразрывно связана с соотношением методологии и теории. «Объясняется это целым рядом обстоятельств. В последнее время в отечественной психологической науке идет процесс демонополизации марксистской методологии. В то же время имеет место отставание теоретической психологии от экспериментальной и практической психологии. Продолжающееся в литературе смешение методологии и теории, методологических и теоретических проблем науки мешает их решению» (*Телятников*, 2004, с. 5). Автор отмечает, что сегодня необходимо усиление внимания к методологии.

Согласно Г.В. Телятникову, методология как учение о методах познания и практики, как теоретическое обоснование методов и их применения существует не сама по себе (это относится и к методу). «Она является методологией по отношению к какой-либо или каким-либо наукам, теориям. Она живет в процессе познания, практики. В качестве методологии выступает наука, теория, положениями которой руководствуются в этом процессе. Нельзя абстрактно сказать: «Это – методология, а это – не методология». Говоря, что это – методология, важно видеть, что это методология по отношению к каким-то определенным наукам» (*Телятников,* 2004, с. 5).

Автор формулирует критерии выполнения наукой, теорией роли методологии, т. е. методологической функции:

«Во-первых, большая степень обобщения по отношению к другим наукам: всем или региону (группе) наук.

Во-вторых, возможность использования законов и принципов данной науки, теории как более общих и действующих в других науках.

В-третьих, применение ее понятий путем наложения ограничений, обусловленных спецификой других наук.

В-четвертых, включение с соответствующей трансформацией ее методов в систему методов других наук» (*Телятников*, 2004, с. 5).

Г.В. Телятников формулирует свое представление об уровнях методологии:

I. Общая методология.

1. Мировоззренческая, общефилософская методология, включающая в себя мировоззренческие, общефилософские положения.
2. Общенаучная методология, включающая в себя общую теорию систем, информациологию, семиотику.

II. Региональная методология.

1. Специально-философская методология (теория познания, социальная философия).
2. Специально-региональная методология (социология, кибернетика).

III. Частная методология.

1. Общая психология – методология для всех психологических наук.
2. Социальная психология – методология для таких психологических наук, как экономическая, политическая психология, этнопсихология, психология управления. Психология развития и возрастная психология – методология для таких психологических наук, как психология детского возраста, психология пожилого возраста. Психология труда – методология для таких психологических наук, как психология педагогического труда, психология управленческого труда.
3. Некоторые концепции, имеющие методологическое значение и выполняющие методологическую функцию для ряда психологических наук. Здесь можно было назвать концепции культурно-исторической детерминации психики, единства сознания и деятельности (*Телятников*, 2004, с. 6).

«С помощью методологии решается целый ряд методологических проблем психологии. К ним можно отнести такие, как природа законов и принципов психологии, способы построения системы понятий, системы применяемых в психологии методов, определения внешней и внутренней структуры психологии, разработки концепций, имеющих методологическое значение (структурализм, функционализм, психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, гуманистическая психология, рефлексология, реактология, культурно-исторический и знаковый подходы, деятельностный подход)» (*Телятников,* 2004, с. 7). При всем значении методологии она не может заменить теорию, она выступает по отношению к теории как нечто внешнее, хотя и включается в теорию ее положениями в модифицированном виде как определенные

узловые пункты. Методология не поучает теорию, а дает ей определенный подход, направление (Телятников, 2004). «Представляется, что самопознанием психологии занимается методология психологии, общая психологическая теория и теоретическая часть каждой психологической науки. Какими проблемами самопознания психологии занимается ее методология, мы уже говорили выше. Что же касается общей психологической теории (общей психологии) и теоретической части каждой психологической науки, то они решают такие проблемы самопознания психологии, как определение предмета, обобщение эмпирического материала в абстракциях, понятиях, законах и принципах, разработка их и методов, концепций, идей для эмпирической и практической психологии, определение внутренней структуры психологического знания. Эти проблемы, по существу, являются теоретическими проблемами психологии» (*Телятников,* 2004, с. 8–9).

Г.В. Телятников приходит к следующему выводу: «Таким образом, соотношение методологии и теории психологических наук заключается в следующем:

– только хорошо разработанная теория высокого уровня, большой степени обобщения может выполнять роль методологии психологических наук;
– четкое разграничение методологии и теории, методологических и теоретических проблем психологии дает возможность более эффективного развития теории психологических наук и решения их теоретических проблем» (*Телятников,* 2004, с. 9).

Мы столь подробно остановились на положениях работы Г.В. Телятникова, потому что в ней поднимаются крайне важные для современной методологии психологической науки вопросы.

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно методологию психологии и теорию психологии и, несомненно, методология не должна подменять собой теории. Несомненно, что те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать собственная методология психологической науки в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А.В. Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо.

Вместе с тем, вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно, должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоит конкретных специальных исследований), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на область всей психологии. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В.П. Зинченко. Можно согласиться с В.П. Зинченко, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой (и, по-видимому, должна в обозримом будущем представлять) совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (*Mazilov,* 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая – традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово – проблема. Обозначим для примера лишь некоторые. Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой «проблему». Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации, то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии. В «познавательной» составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода метаметодология. Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотнесение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая – область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология – важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий – не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркну – именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию, она более «антропологична», если воспользоваться терминологией П. Фресса.

В перспективе возможно выделение «психотерапевтической» составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи.

8. КОГНИТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

8.1. Проблема предмета психологии

Проблема предмета психологии – центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии, проблема, которая требует *научного исследования,* проблема, актуальность и значимость которой переоценить невозможно. Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки, делает практически неосуществимой в сколько-нибудь существенных масштабах работу по реальной интеграции научного психологического знания. Более того, даже сопоставление психологических концепций зачастую затруднено именно вследствие того, что в различных теориях имплицитно заложены существенно различающиеся трактовки психического. При отсутствии общепринятой методологии и технологии сопоставления (а сегодня дело обстоит именно так) куда проще заявить о принципиальной несопоставимости теорий, чем реально что-то осуществить. Без построения *концепции предмета* психологической науки, по нашему глубокому убеждению, такую технологию сопоставления вообще вряд ли возможно разработать.

Тем не менее, сделанное выше заявление многим (в том числе и профессиональным научным психологам – автору настоящей статьи это доподлинно известно из личного общения) покажется ненужным и неуместным. Полезно рассмотреть наиболее часто встречающуюся аргументацию в пользу того, что проблема предмета надуманна и неактуальна.

Многие психологи полагают, что проблема предмета важна лишь в *дидактическом* аспекте: непосредственно с ней сталкиваются лишь авторы учебников и профессора, читающие курс общей психологии (во вводной лекции, в последующих об этом они «систематически» забывают). Причем последующие главы с главой о предмете связаны достаточно слабо: возникает устойчивое впечатление, что речь в конкретных параграфах, посвященных психическим процессам или свойствам, идет не о психике (что называлось в качестве предмета психологии в первой главе), а чем-то существенно ином. Между тем, психология находится на подъеме: число публикаций неуклонно увеличивается, издается огромное количество научных журналов и монографий, в которых психологи-исследователи уверенно считают корреляции, дисперсии, осуществляют факторный и кластерный анализы и

т.п., не испытывая никаких сомнений относительно психологического смысла выявленных факторов и кластеров (причем, что важно подчеркнуть, они при этом чрезвычайно редко задумываются о предмете своей науки). Как хорошо известно, ВАК РФ настаивает на том, чтобы в диссертации четко указывался как объект, так и предмет исследования, и, совершенно очевидно, что диссертанты не испытывают в этом интеллектуальном упражнении никаких проблем (заметим: вопрос о том, что такое психика, их обычно не посещает – впрочем, оно и понятно, т. к. у диссертанта много других забот). Создается впечатление, что предмет исследования определяется относительно независимо от предмета науки в целом. Отсюда обычно следует вывод: проблема предмета психологии существует в сознании психологов, склонных к философствованию. Обычных исследователей проблема предмета, если перефразировать известное выражение, «волнует, но не тревожит». Отсюда же, кстати, происходит крайне легкомысленное отношение к процедуре определения того, что выступает в качестве предмета психологии. При такого рода отношении начинает казаться, что про предмет достаточно лишь «приговаривать», а перейти от одного предмета к другому можно очень просто путем соответствующей декларации («Предметом психологии мы *сделаем* душу (или что-то другое)»). Очень хорошо, на наш взгляд, эту ситуацию описал еще в 1994 году патриарх отечественной психологии М.Г. Ярошевский: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т. е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» (*Ярошевский*, 1994, с. 96). Поэтому ошибаются те, кто полагают, что достаточно заменить «психику» на «душу» (или что-то иное), а все остальное разрешится само собой: проблема состоит в том, чтобы обеспечить возможности «рационального анализа» и «объективного контроля» (если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой). А это куда сложнее, чем декларировать иное понимание предмета. Впрочем, этого вопроса нам еще придется коснуться в заключительной части настоящей главы.

Не станем здесь развивать аргументацию в пользу сделанного в самом начале главы заявления: наиболее существенные моменты там приведены. Заметим лишь следующее.

История психологии – история поисков предмета психологии. Известный методолог и историк психологии М.Г. Ярошевский цитировал автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» (*Ярошевский,* 1996, с. 5). В этой шутке «есть доля шутки» – психологии свойственно драматизировать ситуацию, т. к. внутренний мир человека значительно богаче «одномерных» психологических теорий, что неизбежно «бросается в глаза» и вызывает тревогу у исследователей психического. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. (Не будем здесь на этом останавливаться, см. по этому поводу специальную статью: *Мазилов*, 1998).

Вспомним другой эпизод из истории психологической науки: невеселые дни печально известной Сессии двух академий в 1950 году, и записка в президиум из зала, подписанная «группой психологов, потерявших предмет своей науки». Из этих анекдотов (в старом значении этого слова), можно сделать достаточно серьезный (и значимый для темы нашего доклада) вывод: когда теряют предмет, становится совершенно ясно, что он *есть*. По нашему глубокому убеждению, необходима разработка *концепции предмета*.

Проблема предмета психологии: множественность подходов

Итак, повторим: проблема предмета психологии существует, это (на наш взгляд) важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна.

Сложность «объективна», т. к. это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь).

Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин предмет психологии. Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание психологического сообщества как-то

упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что предмет науки и ее объект тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (лат. Objectum – «предо мной»). Тем не менее в ряде языков (в том числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 году) для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов (Баронене, 2002).

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой понятий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая психика) в объекте психика, его прежде нужно задать. (Мы полагаем, вслед за Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» (Юнг, 1994, С. 12–13). Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в трактовке предмета (этому важнейшему методологическому вопросу современной психологии мы планируем посвятить специальную работу).

Но обратимся собственно к предмету психологической науки, который является темой этой главы.

Прежде всего, отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

Предмет задается, чтобы конституировать психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того, чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

Предмет задается, чтобы определить область исследований. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие предмет для того, чтобы указать область исследования.

Дифференциация предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов научности). Так, например, Ф. Брентано выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титченер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

Предмет науки выступает как средство опредмечивания проблемы. В качестве примера можно привести И.П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вертгеймера, который в стробоскопическом эффекте («фи»-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

В данной работе мы не ставили задачи перечислить все возможные варианты: это должно быть темой специального исследования[3].

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная множественность подходов к анализу предмета психологии. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

---

[3] Для нас важно показать здесь, что цели, с которыми вводится *предмет психологии*, могут существенно различаться. Но это не единственное обстоятельство, затрудняющее рассмотрение проблемы предмета психологии.

Возможен теоретический анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И.П. Волков (Волков, 1996). По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, каковы функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ (Мазилов В.А., 1998, 2001), и ниже (в рамках настоящей работы) мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

Возможен содержательный анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и как он рассматривается). В истории психологии (с легкой руки Брентано[4]) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста» и т. д.

Возможен анализ с точки зрения философии науки, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э.Г. Юдиным (Юдин Э.Г., 1978, Зинченко В.П., Смирнов С.Д., 1983).

Возможен сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития). Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе (см. например, Ярошевский М.Г., 1985, Ждан А.Н., 1997 и др.)

В данной работе, повторим, мы не ставим задачи рассмотреть все возможные подходы к анализу предмета психологии. Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов.

Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И.Н. Карицкий выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулиру-

[4] См. книгу Брентано «Психология с эмпирической точки зрения» (Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.)

ющий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. (см. статью Карицкий, 2004).

Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В.И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т. е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» (Гинецинский, 1994, с. 61). Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» (Гинецинский, 1994, с. 61).

Не станем здесь сопоставлять различные способы задания предмета[5]. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ (поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться перечислениями, которые не являются исчерпывающими).

---

[5] Хотя нельзя не заметить, что пространственная модель предметной области (при очевидных достоинствах) таит немалые опасности, т. к. при этом обычно упускается уровневый аспект. Как мы увидим в дальнейшем, уровневый подход к рассмотрению предмета важен и перспективен.

В следующем разделе мы кратко остановимся на причинах такого положения вещей и предложим для обсуждения некоторые предварительные результаты проведенного нами анализа.

Предмет психологии: попытка теоретического анализа

Как уже упоминалось, одним из первых на необходимость теоретического анализа предмета психологии указал И.П. Волков (1996). Возникает вопрос, почему в психологии (как в отечественной, так и в зарубежной) практически отсутствуют работы по теоретическому исследованию предмета? Для того чтобы понять, почему так произошло, потребовался бы пространный историко-философский и историко-психологи-ческий экскурс. К сожалению, в рамках настоящей работы это невозможно, поэтому придется ограничиться несколькими краткими соображениями.

Как известно, до середины позапрошлого века психология развивалась в недрах философии. Предметом психологии (точнее, философской психологии) была душа. Основными методами исследования (подчеркнем, что речь не идет ни об опытном, ни о научном исследовании) были философское рассуждение и интерпретация. Материал для метода интерпретации давали тексты авторитетных источников и результаты житейских наблюдений (в разные периоды в различных масштабах) и самонаблюдений. Последнее необходимо отличать от интроспекции: интроспекцией не являлись не только самонаблюдение и самоанализ Св. Августина, но и картезианская интуиция. «Картезианская интуиция – это не интроспекция XIX века. И, тем не менее, последняя – ее незаконнорожденная дочь, так как Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела. Если шишковидная железа и осуществляет их соединение, то она не создает в человеке столь плодотворного единства, как единство формы и материи у Аристотеля, который не мог себе представить ни форму без материи, ни, следовательно, бессмертия душ. Этот дуализм, дуализм духа и тела, способствовал в первое время ряду успехов, благоприятствовавших осознанию специфики психологических проблем, хотя позднее он неминуемо завел в тупик.» (*Фресс*, 1966, с. 17–18). Для нашей темы важно, что к первой трети XIX века рассуждения о душе рассматривались как явно метафизические. Как известно, «отец позитивизма» О.Конт отказался включить психологию в свою классификацию наук именно на этом основании. Поэтому программы построения психологии как самостоятельной науки предполагали в первую очередь конструирование нового предмета (непосредственный опыт, акты созна-

ния и т. д.). Итак, влияние позитивизма проявилось в том, что психология попыталась стать эмпирической наукой. Чтобы избавиться от наследия «метафизики» психология отказалась от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией. В течение многих лет предпринимались попытки построения психологии «без всякой метафизики», «как строгой науки» и т. д. И всякий раз оказывалось, что исходные (пусть имплицитные) представления о психе неистребимы...

Важно констатировать, что в сознании исследователей самых разных направлений и ориентаций сформировалось устойчивое представление, что предмет *простой*. То есть *психика это нечто изначально простое* (в том смысле, что дальнейшие расчленения будут осуществляться при эмпирическом исследовании предмета). Иными словами предмет психологии – психе – подвергся обработке «бритвой Оккама». «Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora» – «Бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего». Процитированный «принцип бережливости» Уильяма Оккама помимо «значительной прогрессивной роли» в борьбе с «субстанциональными формами», «скрытыми качествами» и т. д. сыграл злую шутку с психологией, поскольку послужил основанием для различных вариантов редукционизма. Повторим, редукционизм возможен тогда, когда подвергаемое редукции простое по своей природе. Если психология эмпирическая наука, то, очевидно, структура и функции предмета должны обнаруживаться, выявляться, исследоваться эмпирически (например, интроспективно). Нежелание быть обвиненным в метафизике, стремление превратить психологию в опытную науку (желательно по образцу естественных наук), сделали психологию редукционистской наукой. Не желающие мириться с принципиальным «свед*е*нием» (редукцией) психе были объявлены раскалывающими психологию на две (В. Вундт, В. Дильтей и др.).

Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это абсолютно правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой

функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность? Вопросы, разумеется риторические.

По нашему мнению, необходимы в первую очередь теоретические исследования предмета, разработка концепции предмета. Не стоит забывать, что психика в некотором отношении напоминает зеркало (каждый видит в нем свое отражение). Действительно, организовав эмпирическое исследование определенным образом (как структурное, как процессуальное и т. д.), мы гарантированно получаем соответствующее описание[6]. Удивительно, что искушение придать ему «онтологический» характер часто оказывается непреодолимым. Л.С. Выготский в своем «Историческом смысле…» очень мудро заметил, что «все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира». Настала пора интуитивные соображения заменить продуктами теоретического анализа.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление *функций*, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные *характеристики.*

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. *Конституирование* науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других (см об этом *Мазилов,* 1998).
2. Обеспечение работы «*машины предмета*». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет *внутрипредметных* соотнесений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.
3. Обеспечение функции предметного «*операционального стола»* (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.
4. *Дидактическая* функция, связанная с построением содержания учебных предметов (Подробно об этом см. *Гинецинский,* 1994).

Назовем основные (по нашему мнению) характеристики предмета[7].

1. Предмет должен существовать *реально*, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свой-

---

[6] См. об этом : Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.

[7] Подробно см. об этом: Мазилов В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.

ством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития,* а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.
3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica-psychological») по прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Предмет психологии: воспоминание о будущем

Возможна ли такая трактовка психического, о которой речь шла в предыдущем разделе? Мы полагаем, что возможна.

Во всяком случае в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию (столь необходимому для сегодняшней науки). Правда, для того, чтобы их «заметить» необходимо: 1) критически отнестись к старому по-

ниманию; 2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить.

Одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета (как уже указывалось выше) является подход, сформулированный в аналитической психологии К.Г. Юнга[8]. Прежде всего должна быть отмечена попытка Юнга вернуть в науку психическое как реальность. «Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» (*Якоби*, 1996, с. 388).

Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги И. Якоби (1996) на русский язык интерпретирует юнговский термин Psyche (психе, психика) как психическую субстанцию. Речь у Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. «Что касается Юнга, то для него психическая субстанция (психика – *В.М.*) так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция – это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» (*Якоби*, 1996, с. 388).

К.Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: «…я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» (*Юнг,* 1995, с. 91). «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» (*Jung,* 1968, p. 8). Психология обретает свой соб-

[8] Подчеркнем, что речь вовсе не идет о том, чтобы повернуть развитие психологии вспять: это невозможно, да и не нужно. Наша цель совершенно иная – продемонстрировать, что возможно строить психологию на другой основе (в первую очередь на основе другой трактовки предмета психологии). Принесем извинения читателю за обилие цитат из работ Юнга, но нам было важно показать авторскую позицию как можно точнее.

ственный предмет (психика для Юнга не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как «целокупности всех психических процессов, сознательных и бессознательных», Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» (*Сэмьюэлз, Шортер, Плот,* 1994, с. 116). Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского «psychologica – psycholo-gical» – требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика «феномен, а не произвол». «Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса» (*Юнг*, 1995, с. 100–101). «Сама психика преэкзистентна и трансцендентна по отношении к сознанию» (*Юнг,* 1995, с. 101). Трудно переоценить значение отказа от понимания психического как механизма, состоящего и постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу (психе – *В.М.*) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой…» (*Юнг,* 1997, с. 33–34).

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т. д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т. е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага

нашей психологии – оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» (*Юнг*, 1995, с. 102). Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория – это мир.

Наши опыты – это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые – наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» (*Юнг*, 1995, с. 102). Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»:

1) психическое – далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т. д.;
2) психическое – чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;
3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;
4) источник движения психики в самой психике – она сложна – поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического;
5) можно говорить о психической энергии;
6) психическое представляет собой целостность;
7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);
8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т. д.);
9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;
10) в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае достигается единство теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» трактовке предмета. «Наше намерение – наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком по-

нимании, не должно – я искренне на это надеюсь – окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение – как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью…» (*Юнг*, 1995, с. 102).

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии, а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» (*Юнг*, 1996, с. 387).

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К.Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию, в частности, концепцию предмета психологической науки (да и пытаться создавать собственно теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно).

Предмет психологии: ближайшие перспективы

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже (*Пиаже*, 1966). Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается

только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (*Пиаже*, 1966, с. 190). Ж. Пиаже продолжает: «... понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели [...] применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться оттого, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно оттого, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (*Пиаже*, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее, дополняют друг друга» (*Пиаже*, 1966, с. 189). Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* – не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело

даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (*Пиаже,* 1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание – лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (*Пиаже,* 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой»!). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «psychologica – psychological» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет.

Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только конкретные исследова-

ния, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но разработка собственно концепции предмета.

Напомним, что проблема предмета имеет еще одну сложность. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была *психика (психе)*. Назовем это *декларируемым* предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на *декларируемый* («психе»), *рационализированный* и *реальный*. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действенно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, транспер-сональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» для естественно-научно-ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»).

Нам уже приходилось писать, что беспристрастный анализ может выявить удивительную картину[9]. К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие – «целостное *отражение* предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...» (*Психология*…, 1990, с. 66). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и ду-

[9] См. Мазилов В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологическко семинара. Т. 1. Ярославль, 2003.

шевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле *реальный* предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только *предмет науки*. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с *предметом исследования*. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки (*Мазилов*, 2003).

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как *только* отражения[10] не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии. Необходимо новое *широкое понимание предмета,* позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. По нашему мнению, создать такое понимание можно на основе концепции предмета психологии, что мы считаем наиболее важной задачей методологии психологической науки на современном этапе ее развития.

Карл Юнг, один из выдающихся психологов XX столетия, утверждал, что «психе» столь сложна и многообразна, что невозможно приблизиться к ее постижению с позиции психологии инстинкта. В другом месте он писал о тайне человеческой души. Но постижению тайны мешают не только объективные сложности, но и предрассудки. Предоставим слово Юнгу: «История психологии вплоть до XVII века сводится, по сути, к перечню доктрин, так или иначе касающихся души, однако для самой души как объекта исследования в них места так и не нашлось. Каждый мыслитель, казалось, обладал всей полнотой знания о ней как непосредственной данности нашего опыта и посему был убежден в ненужности любого дальнейшего, тем более объективного опыта. Такая позиция совершенно чужда современным умонастроениям, поскольку сегодня мы все полагаем, что для обоснования положения, претендующего на научность, помимо и превыше какой бы то ни было субъективной достоверности, необходим объективный опыт. Несмотря на это, даже сегодня по-прежнему сложно последовательно проводить чисто эмпирический или феноменологический подход в психологии, потому что изначальное наивное представление о том, что душа, будучи непосредственно данной нам в опыте, есть нечто наиболее познанное из всего познаваемого, остается одним из

[10] Чтобы быть правильно понятыми, специально подчеркнем: речь идет именно о предмете психологии. Важность категории «отражение» и ее научного (в том числе и методологического) анализа несомненны (см. например, глубокие исследования С.Д. Смирнова (1985) и др.).

наших наиболее глубоко укорененных убеждений. Такого мнения придерживается не только каждый профан, но и каждый психолог – причем не только применительно к субъекту, но и, что гораздо существеннее, применительно к объекту» (*Юнг*, 2002, с. 9). Для того, чтобы приблизиться к постижению тайны, необходимо разработать концепцию предмета психологии: путь к Душе, если перефразировать высказывание М.Г. Ярошевского, приведенное в начале этой главы, все же лежит через рациональный анализ.

8.2. Проблема метода психологии

Среди методологических проблем психологической науки проблема метода занимает особое место. Можно сказать, что метод занимает в структуре науки центральное место, т.к. именно метод ассоциируется в сознании исследователей с собственно научностью.[11] Подчеркнем, что утверждая центральное положение проблемы метода, мы имеем в виду не столько ее значение (все методологические проблемы важны в равной степени, т. к. представляют собой попытки исследования необходимых составляющих единого целого – аппарата психологической науки: бессмысленно пытаться определить, что важнее – предмет, метод или объяснение, т.к. без того или иного компонента перестанет существовать само целое), сколько ее реальное *место*. Акцентирование важности того или иного вопроса зависит от исследовательских целей, от того, на какую область методологии направлено внимание исследователя в данный момент. Определяя проблему метода как центральную, мы хотели бы подчеркнуть, что метод представляет собой *обязательную* часть методологии психологической науки в любых ее трактовках (как бы ни понималась методология, как бы ни осуществлялась редукция методологии, учение о методах остается центральным разделом методологии психологии). Поэтому проблема

---

[11] Приведем лишь несколько высказываний, характеризующих роль метода в науке. «Сущность науки, ее целостность и единство (дух науки) определяется Научным Методом» (С.В. Илларионов, 1999, с. 26). «Научный метод – единственное, что позволяет понять задачи науки…. Лишь в начале XVII века возник научный метод познания и на нем, как на прочном фундаменте, основывается с тех пор наука. Научный метод – это тот компас, который позволит из тысячи путей выбрать единственную тропинку, ведущую к истине» (А.Б. Мигдал, Е.В. Нетесова, 1984, с. 84). Список такого рода высказываний о роли метода в науке легко продолжить. Заметим, что, присоединяясь к высокой оценке роли научного метода, мы полагаем, что его роль нельзя абсолютизировать. Метод играет важную роль в «машине науки», но роль остальных составляющих (предмета науки, теории, объяснения и т. д.) также велика, поэтому важно выявить реальные взаимоотношения между методом и другими компонентами научного аппарата.

метода психологии особенно значима как та проблема, с которой реально имеют дело все методологически мыслящие психологи.

Подчеркнем, что речь идет именно о проблеме метода «в единственном числе» (а не о конкретных методах, использующихся в психологической науке). Нисколько не умаляя важность исследований, посвященных разработке теории наблюдения, эксперимента или квазиэксперимента, мы полагаем, что в настоящее время наиболее актуальны вопросы, касающиеся принципиальных возможностей познания психического, что традиционно обозначается в психологии как *проблема метода*[12].

Отметим, что проблема метода в психологии многоаспектна. Комплексный анализ проблемы метода психологии представляет собой важнейшую научную задачу, требующую объема публикации намного превышающую рамки настоящей главы. Выделим наиболее значимые, на наш взгляд, аспекты интересующей нас проблемы метода психологии:

1. Классификация методов психологической науки.
2. Проблема структуры научного метода в психологии.
3. Проблема теоретических методов в психологии.
4. Роль и место методов (эмпирических и теоретических) в структуре психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности).
5. Становление психологического метода и его эволюция.
6. Специфика психологического метода в различных психологических парадигмах (естественнонаучной, герменевтической, синергетической, психопрактической).
7. Проблема метода в психологической практике.
8. Взаимосвязь эмпирических и теоретических методов в психологии.

---

[12] С.Л. Рубинштейн по этому поводу в «Основах общей психологии» отмечал, что "характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т.е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик. Под методом науки – в единственном числе – можно разуметь систему ее методов в их единстве. Основные методы науки – не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую – рациональной, характеризуя таким образом предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией» (С.Л. Рубинштейн, 1946, с. 27).

9. Методологическое осмысление гносеологических возможностей техник и методов, вызывающих у субъекта измененные состояния сознания.
10. Общенаучные методы и специфика методов психологии.
11. Специфика методов построения и обоснования научных теорий в области психологии.
12. Специфика эмпирических и теоретических методов психологии в условиях использования компьютерных технологий.
13. Специфика методов объяснения и интерпретации в психологии.
14. Методы интеграции психологического знания.

Разумеется, приведенный выше список не является полным. Это те аспекты, которые представляются наиболее актуальными на сегодняшний день. Они изучены в современной психологической науке в разной степени, по некоторым вопросам проведены интересные исследования и получены значимые результаты, но в настоящее время, как нам представляется, требуется осуществление дополнительных разработок в первую очередь по этим направлениям. В настоящей главе мы коснемся некоторых из вышеперечисленных вопросов с той или иной степенью подробности[13].

---

[13] Естественно, что в рамках доклада невозможно охватить сколь-нибудь подробно все выделенные аспекты, поэтому в настоящем докладе будут затронуты лишь отдельные аспекты проблемы метода в психологии. Автор приносит извинения, что некоторых поставленных вопросов он не коснется вообще. Так, например, анализ методологических аспектов методов трансперсональной психологии (пункт 8), их значения для методологии современной *общей* психологии, несомненно, представляет собой тему для отдельного обстоятельного доклада. Это же можно сказать о целом ряде других вопросов. Отметим, что остроактуальным представляется комплексное исследование проблемы метода в психологии. На наш взгляд, это одна из первоочередных задач методологии психологической науки.

Проблема научного метода: философия науки

Проблема метода науки в нашей стране традиционно исследовалась философами. В связи с переменами, произошедшими в последние десятилетия (в первую очередь, с фактической утратой марксистско-ленинской философией статуса общей методологии), количество философских исследований по проблеме метода резко сократилось. Одной из наиболее интересных и глубоких философских работ по проблеме научного метода, опубликованных в последнее время, является работа Ю.В. Сачкова (*Сачков*, 2003). Остановимся на ней более подробно.

Ю.В. Сачков отмечает, что именно естествознание породило научный метод, выявило основные его компоненты, положило начало его дальнейшему развитию и обогащению. «Система знаний, система наук не хаотична, она носит достаточно упорядоченный характер, соответственно чему содержит существенную иерархическую компоненту, и в ее фундаменте лежит естествознание. Отсюда можно сказать, что именно естествознание лежит на острие разработки научного метода» (*Сачков*, 2003, с. 8). Ю.В. Сачков выделяет особенности научного метода: «Говоря о научном методе, необходимо иметь в виду его важнейшие особенности. В ходе развития науки разрабатываются и действуют множество разнообразных методов, но все они основываются на ряде общих принципиальных положений, что и позволяет говорить о научном методе в целом. Следует принципиально отметить единство научного метода, т.е. что его базовые положения справедливы как для наук о природе, так и для наук об организации и эволюции общества. Соответственно, научный метод необходимо рассматривать в его развитии от простейших форм до наиболее развитых современных форм, что далеко не всегда учитывается. Метод не есть нечто застывшее, одинаково характеризующее возможности решения различных исследовательских задач: его следует рассматривать в постоянном движении, становлении и обогащении, что происходит в процессе познания все новых и новых областей действительности» (*Сачков*, 2003, с. 157). Автор подчеркивает, что возможности анализа различных проблем далеко не одинаковы. Во многих случаях наука вынуждена ограничиваться лишь простым описанием внешних проявлений в функционировании и поведении объектов и систем. Важным представляются следующий вывод Ю.В. Сачкова: «…научный метод можно представить как взаимодействие и взаимодополнение эмпирического и теоретического начал познания. В ходе развития познания каждое из этих начал развивается и обогаща-

ется. Эмпирическое, опытное начало познания представляет наиболее действенное чувственное анализирование действительности. Его развитие началось с анализа простейших, «беднейших» наблюдений. Далее в его структуру были включены процедуры измерений, а также конструирование и применение исследовательских приборов» (*Сачков*, 2003, с. 157). «Теоретическое знание включает в себя объяснение опытных данных и представлено прежде всего понятиями, законами науки, научными теориями и соответствующими «интеллектуальными» моделями. Оно берет начало с простых словесных описаний (моделей) действительности. В ходе становления естествознания в его структуру была включена математика, которая и ныне выступает как важнейший язык науки» (*Сачков*, 2003, с. 158).

Ю.В. Сачков подчеркивает, что «преобразования в научном методе ведут к научным революциям, в ходе которых преобразуется научная картина мира, стиль научного мышления и базовые модели бытия и его познания. Говоря о развитии научного метода, необходимо также иметь в виду, что как эмпирическое, так и теоретическое начала познания обладают известной автономностью, т.е. имеют определенные основания для своего независимого развития, но это развитие закрепляется в процессах взаимодействия этих начал» (*Сачков,* 2003, с. 158).

В работе Ю.В. Сачкова, на которую мы неоднократно ссылались, содержатся интересные данные, касающиеся структуры метода современной науки, особенностей метода, связанных с исследованием сложных, нелинейных структур. К сожалению, автор ограничивается (как и подавляющее большинство философов науки) анализом естественнонаучного познания (главным образом на материале физики)[14]. Поэтому необходимы специальные психологические исследования структуры методов, используемых в психологической науке, т. к. положение о «принципиальном» единстве метода нуждается в специальных доказательствах. Особенно в свете известного положения об уникальности предмета психологии.

---

[14] Лишь в последней главе Ю.В. Сачков касается вопросов познания социальных явлений. Поэтому вопрос о том, в какой степени возможен перенос сформулированных автором положений на область психологических исследований остается открытым.

Проблема классификации методов психологии

Важной представляется проблема классификации методов психологии, поскольку решение этого вопроса позволяет дать общую картину арсенала психологических методов. Традиционно психологи ограничивались либо перечислением методов, либо рассматривали оппозиции (субъективный – объективный, непосредственный – опосредствованный и т. п.). Важный вклад в разработку этой проблемы внес Б.Г. Ананьев. Проанализировав классификацию методов психологического исследования, разработанную болгарским ученым Г.Д. Пирьовым, Б.Г. Ананьев предложил свою классификацию. Согласно Г.Д. Пирьову, могут быть выделены следующие методы психологического исследования:1) наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение, 2) эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический, 3) метод моделирования, 4) метод психологических характеристик, 5) вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т. д.), 6) специальные методические подходы (Пирьов, 1968). Как отмечал Б.Г. Ананьев, классификация Г.Д. Пирьова «во многом соответствует современному состоянию научного аппарата современной психологии» (Ананьев, 1996, с. 296). Вместе с тем, она имеет очевидные недостатки, что побудило Б.Г. Ананьева к разработке собственной классификации методов психологического исследования. По Б.Г. Ананьеву, «необходима такая рабочая квалификация методов исследования, которая соответствовала бы порядку операций в научном исследовании, определенному целостному циклу современного психологического исследования. Планирование и программирование исследования не ограничиваются определением проблемы и реализацией ее совокупности тем. Планируются и программируются система методов и порядок их применения, связанные с гипотезами и концепциями исследования, основанными на критическом анализе истории и состояния вопроса, обобщении итогов предшествующего исследования» (Ананьев, 1996, с. 301).

Б.Г. Ананьевым выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят обсервационные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного

методов). Классификация Б.Г. Ананьева позволила представить систему методов, отвечающую требованиям современной психологии. Отметим, что предложенная классификация стимулировала исследования по данной проблеме, что привело впоследствии к появлению альтернативных классификаций психологических методов. Классификация Б.Г. Ананьева предполагает определенное отношение теории и метода. В классификации не выделяются и не упоминаются вообще собственно теоретические методы. Теория, согласно классификации, выступает одним из конечных результатов исследования. Характеризуя организационные методы, Б.Г. Ананьев отмечает: «Они действуют на протяжении всего исследования, и их эффективность определяется по конечным результатам исследования (теоретическим – в виде известных концепций, практическим в виде определенных рекомендаций...)» (Ананьев, 1996, с. 301–302). Может создаться впечатление, что концепция Б. Г. Ананьева вообще не предполагает выделения теоретических методов в психологии. Некоторые основания для этого есть: в приведенной классификации выделение теоретических методов не предусмотрено. Однако в другом месте Б.Г. Ананьев отмечает, что «диалектика перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике обеспечивает взаимосвязь эмпирических и рациональных методов исследования, сочетание различных модификаций обоих видов средств научного познания и прогрессирующее их проникновение в глубинные процессы и механизмы. В отношении рациональных (логических) методов исследования возникли новые возможности их усиления в связи с эвристикой и перспективами научного прогнозирования» (Ананьев, 1996, с. 290–291).

Чрезвычайно важным является сформулированное Б.Г. Ананьевым положение, согласно которому методы являются не только инструментом познания, но и представляют «гносеологические объекты» для психологии: методы «функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки» (Ананьев, 1996, с. 282). Иными словами, необходимы психологические исследования самих методов, их структуры, возможностей и т. д.

Таким образом, ананьевские работы не только раскрывают новую методологию психологического исследования, но и имеют эвристическое значение, стимулируют дальнейшие исследования по проблеме методов. Характеризуя интерпретационные методы, Б.Г. Ананьев делает важное замечание: «В сущности говоря, на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определя-

ет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания» (Ананьев, 1976, с. 31). Связь метода и теории в психологической концепции Б.Г. Ананьева, таким образом, не подлежит сомнению.

Классификация методов альтернативная ананьевской была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским (Роговин, Залевский, 1988). Авторы рассматривают метод «как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» (Роговин, Залевский, 1988, с. 72). Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый – самонаблюдение. На основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (Роговин, Залевский, 1988, с. 72–73). Отметим, что классификация М.С. Роговина и Г.В. Залевского так же, как и предложенная Б.Г. Ананьевым, не предусматривает выделения теоретических методов. В плане интересующей нас проблемы данная работа М.С. Роговина и Г.В. Залевского выделяется тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось, а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии «теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования» (Роговин, Залевский, 1988, с. 16). М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что «сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обусловливает особую значимость для

них проблемы единства объекта и метода» (Роговин, Залевский, 1988, с. 16). Отметим, что в представленной классификации отсутствуют собственно теоретические методы.

Другая альтернативная ананьевской классификация методов предложена В.Н. Дружининым. В.Н. Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) эмпирических, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) теоретических, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методов интерпретации и описания, при которых субъект «внешне» взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особенного внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматического и гипотетико-дедуктивного), иначе – восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивного – обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования – конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго – индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего – модели объекта, процесса, состояния (Дружинин, 1993). От теоретических методов В.Н. Дружинин предлагает отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. «Умозрительный психолог, как философ, порождает приемлемые с личной точки зрения модели психической реальности, либо ее отдельных составляющих (теории личности, общения, мышления, творчества, восприятия и т. д.) Продуктом умозрения является учение, то есть некоторый целостный мыслительный продукт, объединяющий в себе черты рационального и иррационального знания, претендующий на полноту и единственность объяснения некоторой реальности и не предусматривающий своей фальсификации (опровержения) при эмпирическом исследовании» (Дружинин, 1993, с. 9). По мнению В.Н. Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. «В первом случае исследователь хочет выявить структу-

ру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) – другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведений позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественно-научном психологическом исследовании. В другом случае, по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр.» (Дружинин, 1993, с. 9).

Важным представляется описание иерархии исследовательских приемов. В.Н. Дружинин предлагает выделять в этой иерархии пять уровней: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода (Дружинин, 1993). В.Н. Дружининым предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу автором берется система «субъект–инструмент–объект». В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из этих оснований (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно – производным. Согласно В.Н. Дружинину, все методы делятся на деятельностные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделены восемь «чистых» исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью). Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение.

Представляется чрезвычайно важным, выделение группы теоретических методов психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что рассмотренные классификации оставляют открытым ряд важных вопросов. Не подлежит сомнению, что теоретические методы психологии нуждаются в более конкретной характеристике. История психологии

убедительно свидетельствует о том, что теоретическая работа в психологии имеет свою специфику. Между тем она до сих пор не проанализирована должным образом. Не вполне понятно, как соотносятся эмпирические и теоретические методы в проведении психологического исследования. Эти вопросы (так же, как и некоторые другие) до сих пор не получили однозначного ответа, что ставит на повестку дня проведение специальных методологических исследований.

Проблема метода психологии: немного истории

Вопрос выделения психологии в самостоятельную дисциплину и проблема соотношения теории и метода оказываются тесно связанными: многие авторы прямо указывают, что выделение психологии в независимую от философии дисциплину было связано с использованием метода эксперимента и отказом от интроспекции (Б.Ф. Ломов, Ю.М. Забродин и др.). При рассмотрении вопроса о выделении психологии в самостоятельную дисциплину необходимо расширение контекста анализа: во-первых, необходимо учитывать, что выделение психологии имело как сторонников, так и скептиков, поэтому важно рассмотреть и аргументацию противоположной стороны; во-вторых, для понимания логики выделения необходимо рассмотреть неудавшиеся попытки «создать психологию как науку независимую от философии» (Роговин, 1969); в-третьих, рассмотреть процесс выделения не только со стороны психологии (внутренняя история), но и со стороны научного сообщества, которое такое решение должно «одобрить» и «принять»; в-четвертых, учесть влияние общенаучных методологических стандартов.

Проведенный историко-методологический анализ позволил получить результаты по-новому представляющие предысторию научной психологии. Выделение психологии в самостоятельную область внутри философии было связано с дифференциацией философского знания. Х. Вольф, который ввел разграничение психологии на рациональную и эмпирическую (Wollf, 1732, 1734), вовсе не помышлял о выделении психологии из философии, как принято считать (Роговин, 1969). Х. Вольф был философом, реорганизовывал именно философию, а психология рассматривалась как составная часть философского знания и отнюдь не как самостоятельная наука. Эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая: не только вольфовская, но и последующая эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова. Важно подчеркнуть, что выделение эмпирической психологии не привело к по-

явлению эмпирического метода: самонаблюдение, по Вольфу, оставалось не более, чем возможностью контролировать рациональные построения с помощью опыта. И.Н. Тетенс – вопреки разделяемому многими мнению (Роговин, 1969 и др.) – также не ставил задачи выделении психологии в самостоятельную независимую от философии сферу знания.

Важное значение для развития психологии имели идеи Канта. Проведенный анализ позволяет утверждать, что кантовская критика психологии предопределила ее дальнейшее развитие. Можно говорить о «двойной» программе Канта в отношении эмпирической психологии: первая негативна (критика возможностей психологии, построенная на сравнении с «полноценными» науками о природе), вторая содержит позитивную возможность обоснования психологии как эмпирической науки (на примере антропологии – психология, по Канту, ее составная часть). Первая характеризует психологию как эмпирическую, атомистическую, элементаристскую, основанную на самонаблюдении, в психологии невозможно применение математики и эксперимента; вторая же содержит возможность обоснования эмпирической психологии не только прагматически, но и через физиологию. Дальнейшая история психологии (включая В. Вундта) содержит попытки «ответить» на кантовскую критику.

Первую попытку обосновать психологию как науку (в рамках философии) предпринял И. Гербарт. Следуя наукоучению И. Фихте, Гербарт был занят в первую очередь поисками оснований науки. Основание Гербарт находит в фактах сознания. Для расширения возможностей Гербарт предлагает использовать теоретические методы (метод дополнения). Непредвзятый историко-методологический анализ свидетельствует, что обоснование психологии как науки и выделение психологии в самостоятельную дисциплину – различные вопросы, имеющие разные корни и разную логику. В середине XIX столетия они оказались объединены, поскольку отделение от философии явилось средством обоснования научности в глазах научного сообщества. Исследователи конца XVIII – начала XIX столетия не помышляли о выделении психологии в самостоятельную независимую от философии науку. Они представляли ее себе как философскую дисциплину (раздел прикладной метафизики). Соответственно, психология была лишь разделом философии и не использовала самонаблюдения в качестве эмпирического метода. Вопрос о выделении психологии из философии в самостоятельную дисциплину возникает значительно позднее и порождается он не только внутренними про-

цессами в самой психологии, а тесно связан с ее «внешней» историей. Важнейшим фактором, повлиявшим на выделение психологии из философии, явилось широкое распространение и большая популярность позитивизма. В соответствии с контовским законом «трех стадий», психологии для того, чтобы стать наукой, необходимо было разграничиться с метафизикой (философией). Иными словами, психология для того, чтобы стать наукой (в первую очередь, в глазах научного сообщества) должна была обрести самостоятельность (независимость от философии). Эта работа по обоснованию выделения психологии была выполнена В. Вундтом. Психология стала элементаристской, эмпирической дисциплиной, основанной на самонаблюдении. Метод эксперимента реально использовался как вспомогательный. Использование эксперимента имело решающее значение для «внешней» истории выделения, поскольку в середине XIX столетия слово экспериментальный означало принадлежность к науке. Поэтому Вундт акцентировал «экспериментальный» характер физиологической психологии, хотя и признавал ограниченность эксперимента в психологии. Тем самым оказалась выполненной кантовская «двойная программа», поскольку Вундт использовал именно физиологический способ обоснования.

Методологический анализ показывает: психология как самостоятельная дисциплина была конституирована методом научной интроспекции, который был основным методом научной психологии: для того, чтобы говорить о том, что научная психология была создана методом эксперимента, который заменил интроспекцию, нет оснований. Более того, научный эксперимент и научная интроспекция появляются в психологии фактически одновременно, поэтому о «смене» одного метода другим говорить не приходится уже по этой причине.

Проведенный методологический анализ позволил выделить несколько качественно различных форм метода интроспекции. Рассматривается предыстория методов научной психологии – варианты методов, использовавшихся в донаучной и философской психологии. Показано различие между философской и психологической интроспекцией. Декарт обосновал лишь «идею» метода: была создана принципиальная возможность для эмпирического исследования сознания, но конкретные эмпирические исследования сознания появились значительно позднее, уже в рамках научной психологии. Действительно, для эмпирического изучения сознания необходимо сконструировать психологический предмет исследования. Если сознание как объект эмпирического исследования философию не интересо-

вало, то для психологии такая перспектива представлялась заманчивой.

Выделены следующие формы интроспекции: 1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. Показано, что научная интроспекция могла возникнуть только благодаря опыту предшественников: работы Г. Гельмгольца могут послужить хорошим примером. Подготовительный этап сделал возможным использование метода самонаблюдения как научной интроспекции. Характерным отличием научной интроспекции является ее теоретическая «нагруженность» (у Гельмгольца она была научно-физиологической, поскольку он не был психологом и решал свои конкретно-научные задачи). Этот метод был использован Вундтом, но, поскольку последний пытался обосновать новую «область знания» (Wundt, 1874) – физиологическую психологию – был переосмыслен: физиологическая нагруженность заменилась на психологическую.

Использовавшиеся психологами варианты метода самонаблюдения несут на себе печать теперь уже психологической нагруженности. Анализ метода самонаблюдения в концепциях В. Вундта, Ф. Брентано, Г. Эббингауза, Э. Титченера, О. Кюльпе, Н. Аха, У. Джемса и др. позволил обнаружить: при том, что идея метода является общей во всех анализируемых подходах, собственно метод и конкретные технические процедуры получения эмпирических сведений существенно различаются. Различия столь существенны, что ни о каком этапе классической интроспекции, как это полагал Э. Боринг (Boring, 1953), говорить не приходится. Так, согласно В. Вундту (Wundt, 1874), интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более систематической, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры непосредственного опыта, описывать элементы, из которых построено сознание. Ф. Брентано полагал, что интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не содержание сознания, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Брентано, принятая в лабораториях В. Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Брентано, интроспекция должна изучать сознание в его «целостности» и «доподлин-

ности», предполагающей выявление интенции. Э. Титченер считал, что интроспекция должна быть аналитической, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в «ошибку стимула», которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для этого необходимо изгнать из языка интроспекции «значение» и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт. В Вюрцбургской школе интроспекция использовалась в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения, состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Широко использовались специальный метод перерыва, ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая подготовительные этапы. У. Джемс: в интроспекции должны открываться не «элементы сознания», не его «атомы», а целостности – «поток сознания».

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX века ее называли проблемой интроспективного апперципирования. Возникновение научной интроспекции было связано с выделением особого «пласта» сознания, подлежащего описанию и анализу. Иными словами, возникновение психологии как науки связано с выделением специфического научного предмета. До Вундта предмета научной психологии просто не существовало, ибо он принципиально не отличался от философского. Вундт сделал предметом психологии непосредственный опыт. Сразу же возникла задача различения внутреннего восприятия и интроспекции как более строгого и направленного метода. Именно на этом этапе можно говорить о возникновении научной интроспекции как эмпирического психологического метода. К интроспекции как научному методу разными авторами предъявлялись различные требования: их строгость была различной. Ограничения происходили по двум направлениям: содержательному и временному. В первом случае выделялся определенный аспект анализа: Брентано требовал, чтобы описывалось не содержание опыта, но сами акты. Титченер полагал, что обращение к предметной стороне сознания является «ошибкой стимула», поэтому требовал от интроспекции описания именно характеристик психических явлений. Во втором случае речь шла об использовании ретроспекции. Здесь исследователь были более единодушны: возможность ретроспекции в структуре интроспекции была признана

еще Д.С. Миллем (Mill, 1845). Собственно говоря «чистая» интроспекция была теоретически возможна лишь у Вундта, когда задания имели достаточно элементарный характер, предполагающий описание в «момент совершения». Усложнение заданий и особенно обращение к описанию в самонаблюдении не структуры, а функции сделало ретроспекцию необходимым (даже основным) методом. В Вюрцбургской школе это предполагалось самой методикой систематического экспериментального самонаблюдения (закончив очередной этап, испытуемый должен был описать все происходившее). Впрочем, и Титченер, который в теории признавал ограниченное значение ретроспекции, на деле использовал ретроспекцию очень широко (для описания воздействия стимула, занявшее 1,5 секунды, требовался зачастую двадцатиминутный ретроспективный отчет). Естественно, что для того, чтобы получить необходимые для исследователей отчеты, требовался устойчивый навык. Все научные психологи, использовавшие метод интроспекции настаивали на том, что испытуемый должен быть «тренированным» (в вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали надежным источником информации). Тренировка была необходима, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. В Вюрцбурге акцент был сделан на теоретической подготовке испытуемого: там испытуемыми были в основном профессора психологии. Не случайно, что в ходу был термин «редактирование протоколов»: теоретическая подготовка исследователя избавляла от необходимости длительных упражнений.

Проведенный анализ показывает, что в рамках так называемой интроспективной психологии могут быть выделены и описаны различные варианты метода. Притом, что идея метода остается общей, наблюдаются ярко выраженные различия, которые касаются как содержания метода, так и конкретных процедур. В аспекте содержания могут быть выделены такие разновидности: структурная интроспекция (Вундт, Титченер), самонаблюдение акта (Брентано), функциональное самонаблюдение (Бэн, Эббингауз, Джемс), процессуальное самонаблюдение (Вюрцбургская школа). При этом несомненны более тонкие различия: Вундт более либерален к «ошибке стимула», чем Титченер, поток сознания менее специфичен, чем направленность на решение определенной задачи и т. д. Сами исследовательские процедуры являются производными от определенной модели изучаемого психического явления.

В целом можно констатировать, что исследование использования метода интроспекции в первые десятилетия развития научной психологии позволяет сделать следующие выводы:

- само возникновение научной психологии было конституировано не методом эксперимента, а методом интроспекции (если позволительно отделять метод от других факторов);
- сам метод интроспекции в научной психологии приобрел характерную специфику, выражающуюся в теоретической нагруженности;
- могут быть выявлены и описаны различные варианты метода интроспекции, использовавшиеся исследователями в этот период;
- эти варианты различаются в первую очередь направленностью на исследование структуры, функции, специфики акта или протекания процесса;
- эти варианты метода различаются спецификой технических исследовательских процедур;
- исследовательские процедуры, используемые ученым, зависят от модели изучаемого явления (изучается течение, взаимосвязь представлений; направленность на достижение определенной жизненной цели; решение задачи и т. д.);
- использование метода эксперимента имеет на первых этапах развития научной психологии чисто вспомогательный характер, роль ведущего метода принадлежит интроспекции.

Действительно, развитие психологии свидетельствует, что общим в рассмотренных подходах является идея метода: восприятие собственных переживаний для доставления «описательного материала для науки как системы» (Кравков, 1922), тогда как реально описываются испытуемым либо структура, либо акт, либо функция, либо процесс. Сами технические исследовательские процедуры и предлагаемые испытуемым задания определяются характером представлений ученого об изучаемом феномене: для того, чтобы исследовать процесс необходимо либо использовать достаточно сложные задания, требующие определенного времени для выполнения, либо вводить искусственные ограничения или помехи (например, прием «прерывания») для фиксации этапов процесса. Характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были заниматься интроспекцией, также способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса (но позволяют вычленить структурные элементы), для этого нужны

более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного, более или менее завершенного результата и т. д. Инструкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются – все «работает» на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует «теоретическим» ожиданиям. Очевидна опасность получения артефактов, о которой предупреждал еще Г. Эббингауз, призывавший не доверять экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения собственной теории (Эббингауз, 1911).

Анализ использования метода эксперимента в психологии периода становления как самостоятельной науки, показал, что этот метод имел весьма ограниченное значение. В физиологической психологии В. Вундта эксперимент использовался лишь как вспомогательное средство, позволяющее контролировать и стандартизировать самонаблюдение, остававшееся основным методом. Тем не менее Вундт полагал, что физиологическая психология может называться экспериментальной (для того, чтобы отличать ее от тех концепций, которые используют только самонаблюдение). Вундт придавал таким замечанием большое значение, поскольку использование метода эксперимента являлось своего рода гарантией «научности» и отвечало на известное критическое замечание Канта в адрес эмпирической психологии. Необходимо отметить, что Вундт постоянно подчеркивал «психофизиологичность» эксперимента и его ограниченную роль для психологии в целом (Wundt, 1883, 1902, 1913). Предыстория использования психологического эксперимента в историко-психологической литературе часто получает неадекватное освещение. Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии (Фресс, 1966 и др.), на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета. Заслуга Фех-

нера (перед научной психологией) в том, что психофизические методы были использованы как средство измерения определенных психических явлений. Такое использование эксперимента было продолжено Г. Эббингаузом (Ebbinghaus, 1885). Другим предшественником экспериментальной психологии был Г. Гельмгольц. Гельмгольц также не был психологом, вопросы собственно психологии его мало интересовали (что, на наш взгляд, было основной причиной, объясняющей, почему у Гельмгольца и Вундта не сложились взаимоотношения), но он для решения конкретно-научных физиологических задач использовал технику функционального эксперимента: установление зависимости какого-либо явления от определенного фактора, т. е. выяснение функциональной связи переменных. Изменение восприятий выступало в качестве индикатора. Техника функционального эксперимента в научной психологии также использовалась впоследствии применительно к другому предмету.

Первым использовать эксперимент как вспомогательный психологический метод эмпирического исследования начал В. Вундт. Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.

Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и прослеживать таким вниманием их во время протекания.

Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.

Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются. Традиционно считается, что важнейшим этапом в развитии экспериментальной психологии являются исследования Г. Эббингауза о памяти. Иногда полагают, что Эббингауз даже явился создателем собственно психологического эксперимента, поскольку впервые он оказался примененным для изучения памяти как психической функции (Ярошевский, 1985). В значительной степени это так, хотя стоит обратить внимание на то, что сам Эббингауз придавал измерению и эксперименту вспомогательное значение. Эббингауз полагал, что психология как дисциплина

создается самонаблюдением и наблюдением, в более поздней работе (Ebbinghaus, 1902) изложение экспериментальных результатов попадает в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиции общих представлений о сознании. В исследовании памяти (Ebbinghaus, 1885) метод эксперимента используется для решения конкретного вопроса, а именно выполняет функцию измерения поведенческих характеристик.

В исследовании Н.Н. Ланге (Ланге, 1893) метод эксперимента используется для проверки предварительно сформулированных гипотез. Исследование Н.Н. Ланге представляет значительный интерес, поскольку русский психолог – впервые в научной психологии – использует реинтерпретацию эмпирических данных. Н.Н. Ланге при исследовании «закона перцепции» исходил из данных, полученных сотрудником Вундта Л. Ланге. У Н.Н. Ланге происходит важное изменение: Л. Ланге проводил свое исследование как направленное на изучение структуры сознания, что позволило зафиксировать наличие в сознании двух различных феноменов: сенсорной и моторной установок, русский психолог подошел к исследованию этих феноменов с точки зрения схемы процесса, что позволило рассмотреть эти явления как разные фазы одного процесса. Для нашего исследования это важно потому, что ясно демонстрирует: одни и те же психические феномены могут быть интерпретированы с помощью различных схем.

Новым этапом является использование метода эксперимента в Вюрцбургской школе. Там он выступает в новом качестве. Впервые метод эксперимента используется для изучения мышления. Первоначально освоение новой области происходит с помощью традиционной схемы, которая широко использовалась в Лейпциге у Вундта, предполагавшей структурный анализ содержаний сознания. Это позволило обнаружить содержания сознания, имеющие несенсорный, «безобразный» характер (положения сознания). Обнаружение феномена задачи (Watt, 1905) позволило перейти к изучению мыслительного процесса. Этому способствовало использование метода систематического экспериментального самонаблюдения, предполагавшего выделение этапов и последовательное максимально подробное описание происходящего на каждом этапе. Показательно, что к схеме процесса обратились далеко не все представители Вюрцбургской школы, изучавшие мышление. Так К. Бюлер принципиально отказывается от исследования «диалектики мышления» и ограничивается поиском ненаглядных элементов мышления. Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказывания-

ми испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность, требуется, чтобы испытуемые давали показания после каждого эксперимента «тотчас по окончании исследуемого процесса» (Кравков, 1922). Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

В работе Н. Аха (Ach, 1905) метод эксперимента, разработанный в вюрцбургской школе, усовершенствуется. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования, что может быть достигнуто лишь точным описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента (Ach, 1905). Н. Ах, выделяя в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода «систематического экспериментального самонаблюдения» требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения «важного и неважного», а также требуя описания не только главного периода, но и предварительного. В методе Аха так же, как и у других вюрцбуржцев, происходит активный опрос испытуемого. Н. Ах впервые использует метод вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. В протоколах экспериментов высказывания испытуемых о наличии детерминирующих тенденций отсутствуют. Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом. Там неосознаваемое внушение формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им не осознается. Результаты этого эксперимента Ах «переносит» на случаи решения других задач, где гипноз не использовался, но поведение испытуемого является сходным. Отбор правильных решений объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются. Поэтому т.н. «беспорядки в изложении» Н. Аха (Humphrey, 1951) имеют вполне определенное происхождение: реально использовался иной способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы.

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов.

Проблема соотношения теории и метода в психологии

Историко-методологическое исследование показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Брентано, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода. Необходимо различать теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема.* Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования.* В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой.* В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями.* «Мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т.д. Опредмеченность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс.* Базовая категория

определяет тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. Существуют также возможности уровневого и генетического анализа.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки – сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (см. *рис. 1 на странице 6*).

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т.е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться.

Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории как «базовая категория» – «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т. е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические

приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т. п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т. п.).

Соотношение между теорией и методом в психологии может быть представлено в виде схемы (см. *рис. 2 на странице 135*).

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации.* Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода

называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (N. Ach, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой*. В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Методологическое исследование позволило разработать модель соотношения между теорией и методом. На самых первых этапах – когда концепции носят конституирующий, основополагающий характер, соотношение является линейным, а цикл представляется законченным: предтеория – метод – теория. Дальнейшее развитие приводит к тому, что окончание цикла становится лишь промежуточным этапом, поскольку инициирует новый цикл: предтеория – метод – теория – предтеория-1 – метод-1 – и т. д. Примером такого соотношения в анализи-

руемый исторический период является работа психологов Вюрцбургской школы.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие основные выводы, касающиеся соотношения теории и метода в психологии:

1. Между теорией и методом в психологии существует столь тесная взаимосвязь, что правомерен тезис о единстве теории и метода. Единство теории и метода выступает важнейшим фактором, обеспечивающим целостность психологического исследования. Могут быть выделены и описаны конкретные механизмы, обеспечивающие единство, тесную взаимосвязь теории и метода в психологии.
2. Ядром, обеспечивающим единство теории и метода в психологии в рассматриваемый исторический период, выступает предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуре предтеории представлены: идея метода, базовая категория, организующая схема, моделирующие представления.
3. Предтеория является не только основой для формулирования, развития собственно теории, но и фундаментальным основанием для выбора того или иного ведущего эмпирического метода исследования.
4. Метод представляет собой целостное образование, в котором тем не менее может быть выделено несколько уровней. В исследовании выявлено, что метод в психологии в рассматриваемый исторический период имеет уровневое строение. В методе можно выделить по меньшей мере три уровня (идеологический, предметный, процедурный). Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т. д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание («замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов,

направленных на получение необходимого эмпирического материала. Особенно важно, что может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Выявлено, что идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода.

5. Первоначально концепции в научной психологии имели основополагающий, конституирующий характер. Это выражалось в том, что соотношение «предтеория» – «метод» – «теория» имело линейный характер и представляло собой законченный цикл. Тем не менее уже в анализируемый исторический период появляется новое соотношение: сконструированная теория начинает «корректировать» предтеорию нового цикла исследований. Цикл исследования становится замкнутым: «предтеория» – «метод» – «теория» – «предтеория-1» – «метод-1» и т. д. Таким образом появляется отношение, когда теория непосредственно начинает определять характеристики используемых методов.
6. Проведенное исследование позволило выявить и описать условия, обеспечивающие возможность перехода к теоретическому анализу в психологии. Основным условием такого перехода является несовпадение базовой и объясняющей категорий и, следовательно, организующей и объясняющей схем исследования. Новый этап развития психологии начинается в исследованиях Вюрцбургской школы: психология перестает быть непосредственной наукой – появляется как первый вариант опосредствованного метода (проведение вспомогательного моделирующего эксперимента), так и зарождение теоретических методов анализа. Теоретический метод связан с использованием схемы интерпретации-объяснения.
7. Проведенное исследование позволило в значительной степени по-новому рассмотреть вопрос об инвариантности-вариативности психологического метода. Основой такого понимания является рассмотрение метода как имеющего уровневое строение. Поскольку название метода обычно связано с идеологическим уровнем, становится понятно, что, ограничиваясь только этим уровнем, мы лишаемся возможности понять специфику той или иной разновидности метода. В частности, выделение метода «классической интроспекции» (Э. Боринг) не позволяет раскрыть своеобразия интроспективных процедур в

разных психологических направлениях. Иными словами, как инвариантный метод выступает только на идеологическом уровне, тогда как на предметном и процедурном является вариативным.

8. Проведенное исследование позволило уточнить вопрос о «нормативности» – «дескриптивности» эмпирического метода в психологии. Выявлено, что метод по-разному выступает на разных уровнях, что способствует появлению разноречивых оценок: на идеологическом уровне метод предстает как нормативный, тогда как на предметном как дескриптивный.
9. Проведенное исследование позволило дать достаточно определенный ответ на вопрос о соотношении эмпирических методов в психологическом исследовании. В психологии достаточно распространена ситуация, когда в исследовании одновременно используется несколько эмпирических методов. Известны многочисленные дискуссии, можно ли считать использование метода эксперимента критерием появления собственно экспериментальной психологии. Уровневое представление о методе позволяет дать однозначный ответ: ведущий метод обязательно представлен на идеологическом уровне, дополнительный метод «взаимодействует» с ведущим, дополняет его на предметном и процедурном уровнях. Таким образом, появляется возможность разграничить ведущий и вспомогательный (дополнительный) методы.
10. Историко-методологический анализ позволяет подойти к проблеме генезиса теоретических методов в психологии. Во второй половине прошлого столетия в качестве прототипа современных теоретических методов психологии выявлен метод интерпретации. Эмпирический материал, полученный в конкретном исследовании, может быть интерпретирован посредством объясняющей категории не совпадающей с базовой категорией. Интерпретирующая схема может быть сформирована на материале другого исследования. Такое наложение схем позволяет обнаружить перспективное направление в анализе теоретических методов, которые в психологии последующих периодов получают широкое распространение.
11. Переходным к теориям современного типа является концепция мышления в Вюрцбургской школе. На материале эволюции этой психологической школы может быть продемонстрирован

переход к такому объяснению, которое лежит в основе теорий более позднего периода.

12. Связь теории и метода в психологии может быть представлена в виде модели, которая отображает взаимоотношения предтеории как с методами, используемыми в психологическом эмпирическом исследовании, так и с теорией как результатом научного исследования.

Проведенные нами исследования показали, что выявленные закономерности соотношения теории и метода являются универсальными, соотношение теории и метода представляет собой структурный инвариант, характерный для любой психологической концепции. Исследования в области метода психологии должны продолжаться, в том числе и по намеченным в начале настоящего доклада направлениям. Правильно выбранный метод психологии – кратчайший путь к истине. Декарт в XVII столетии предупреждал: «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода...»

8.2.1. Из истории методов психологии

8.2.1.1. Развитие методов психологии (ранние этапы)

Проблема метода в психологии – проблема чрезвычайно интересная и, как это ни покажется удивительным, недостаточно исследованная. Последнее утверждение может показаться абсурдным, но много ли нам известно о методах донаучной и философской психологии? Вероятно, имей мы ответы на вопросы о методах предшествующих стадий развития науки, легче было бы разобраться с методами собственно научной психологии. Но, к сожалению, специальные исследования по данной проблематике практически отсутствуют, а мифов и нерешенных вопросов очень много. К примеру, расхожее мнение утверждает, что философская психология использовала метод интроспекции. Тем самым предполагается, что основа была эмпирическая: "заглянув в себя", философский психолог, якобы, основывался на фактах "душевной жизни". Между тем философская психология была все же дисциплиной скорее "теоретической" (по Х. Вольфу). П. Фресс отмечал, что анализ психической жизни на этом этапе "всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем" (Фресс, 1966, с. 18). Поэтому подобный вывод представляется весьма поспешным и не соответствующим действительности. М.С. Роговин указал на это несоответствие, высказав соображение, что главная роль в философской психологии принадлежит методу интер-

претации. Признавая важную роль интерпретации и в донаучной и, в особенности, в философской психологии, тем не менее хотим отметить, что метод интерпретации, по-видимому, не исчерпывает всего богатства методов философской психологии.

Предпримем краткий очерк методов, которые использовались на ранних этапах развития психологии[15].

О проблеме метода в донаучной и философской психологии

История психологии начинается с донаучной психологии, которая существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М.С. Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино. Отметим только, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение (случайное, несистематическое, нецеленаправленное). В основном оно носило внешний характер: наблюдения за собственным поведением, за своими особенностями явно имели значение вспомогательное, дополнительное. Житейское наблюдение выполняло роль "эмпирического" метода. Своего рода "теоретическим" методом являлся метод интерпретации. Основу метода интерпретации составляли общелогические приемы познания: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование. Важно подчеркнуть, что такие авторы как А.А. Потебня и М.С. Роговин указывали на роль языка в этом процессе: "Важную роль в формировании понятий о психическом играло развитие языковых значений, ибо в речи происходит объективация внутреннего субъективного мира человека, который таким образом становится предметом анализа как нечто уже в какой-то степени отчужденное" (Роговин, 1969, с. 38).

Таким образом, ведущими методами на этом этапе развития психологии являлись житейское наблюдение и последующая интерпретация: познавательная деятельность здесь регламентируется правилами языка и логики.

Можно согласиться с Дессуаром, утверждавшим, что у психологии много "корней". Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т. д. (психогностика) (Дессуар, 1912). Стоит учесть также высокую вероятность

---

[15] В данной работе мы коснемся истории методов донаучной и философской психологии лишь в том объеме, который необходим для выявления генезиса методов научной психологии. Отметим, что предыстория методов представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу, решение которой настоятельно необходимо.

возникновения опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т.д.

К сожалению, здесь нет возможности также обсуждать сколь-нибудь подробно специфику методов философской психологии. Для рассматриваемого вопроса существенно изменение метода, используемого в философской психологии. Можно согласиться с М.С. Роговиным в том, что в философской психологии важная роль принадлежала методу интерпретации. Интерпретация становится в философской психологии ведущим методом. Изменяется ее внутренний состав: наряду с анализом, синтезом, обобщением, абстрагированием все шире используются такие общелогические приемы познания как аналогия, дедукция, индукция, классификация. Наблюдение теперь играет подчиненную, вспомогательную роль. Если ранее психогностика представляла собой набор случайных наблюдений и правил благоразумного поведения, то уже у Аристотеля ("Риторика") психогностика становится "систематической", приобретает характер связного изложения: выявляются типы характеров, возрасты, различные жизненные обстоятельства. Формулируются обобщения, основанные на предположениях, 1) что наличие всех условий поступка приводит к его осуществлению, 2) что каждому человеку свойственны обычные склонности его возраста, профессии и положения (Дессуар, 1912). У Теофраста, продолжившего занятия типологией характеров, можно увидеть как жизненные типы, так и почерпнутые в сочинениях комических поэтов. Вполне законченный характер типология темпераментов, описанная Аристотелем, получает у Галена.

Вместе с тем наблюдается явная тенденция к самопознанию. "К концу древних веков эти попытки получили огромное значение. Они вылились в форму автобиографий, монологов, романов, лирики и сухих отчетов. Их общая черта – стремление индивидов к самопознанию" (Дессуар, 1912, с. 10). Филон Александрийский (I век) рассказывает, что его сознание часто бедно мыслями до тех пор, "пока не разверзаются недра души", Аристид (II век) описывает подробно свои странные сны и экстазы (Дессуар, 1912). Можно вспомнить "Размышления" Марка Аврелия (II век)... Таким образом, в философской психологии происходит зарождение нового метода – самонаблюдения и самоанализа. Одним из наиболее ярких представителей был Аврелий Августин (354–430). В его "Исповеди" (Августин, 1992) можно найти яркие примеры использования этого метода, что позволяет некоторым историкам науки считать Августина предшественником психоанализа.

На наш взгляд, не стоит называть Августина изобретателем “интроспекции” (даже картезианская интуиция не была еще интроспекцией в классическом смысле). Необходимо отметить, что христианство оказало влияние на широкое распространение самоанализа, как дела угодного Богу, т. к. “оно тесно связано с христианской добродетелью смирения и приводит к покаянию” (Дессуар, 1912, с. 10–11). “Отсюда развилась новая психогностическая техника, опиравшаяся на такие церковно-обрядовые формы, как исповедь, аскетизм и молитва. Лучшими продуктами творчества в этой области история обязана мистикам двенадцатого века, которые подвергали тщательному анализу все душевные состояния и стремились к божественной благодати через внутреннее самовоспитание” (Дессуар, 1912, с. 11).

Вообще стоит отметить, что очень часто различные методы используются в комплексе. Хорошим примером в этом отношении может служить Аристотель. Он широко пользуется фактами самонаблюдений, много наблюдает за другими людьми. Факты социальной жизни также в поле его наблюдений. У него есть собственные анатомические и физиологические наблюдения, он использует данные врачей. Сравнивает, обобщает, классифицирует... Кстати, у Аристотеля можно найти указания на использование метода эксперимента в психологии. Вспомним известную иллюзию Аристотеля. Воспользуемся описанием У. Джемса: “ Один из древнейших примеров этой иллюзии мы находим у Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, вставочку или какой-нибудь другой небольшой предмет. Он покажется двойным” (Джемс, 1905, с. 270). Здесь важно то, что убедиться в наличии иллюзии можно только осуществив опыт. Можно констатировать, что в донаучных разновидностях психологии мы сталкиваемся с теми же методами, что позднее будут использованы в научной психологии. Поэтому научная психология отличалась не столько использованием определенных методов как таковых, сколько изменением внутренней структуры этих методов и, главным образом, тем, что включались в другую концептуальную структуру.

Необходимо подчеркнуть, что античность и средневековье проблеме метода не уделяли большого внимания. Не то чтобы этой проблемы не существовало, она, конечно, была, но явно находилась на периферии интересов ученых. По-видимому проблема метода вполне “вписывалась” в соответствующее эпохе понимание *научности*, поэтому обсуждать ее дополнительно представлялось излишним... Можно согласиться с М.С. Роговиным и Г.В. Залевским, которые отмеча-

ют, что “разработка общих проблем метода научного исследования началась, в основном, лишь в новое время и она связана, прежде всего, с трудами Р. Декарта. В ходе последующего развития, характеризовавшимся сильным влиянием со стороны естественных наук, значение проблемы методов исследования все более возрастало” (Роговин, Залевский, 1988, с. 69). Работы Декарта оказали на последующую психологию огромное влияние не столько учением о научном методе, сколько обоснованием возможности нового понимания предмета психологии и нового метода его исследования.

Декартовской “революции” в философии, предопределившей последующее развитие психологии, посвящена огромная литература. Интуиция, открывающая субъекту ясное и очевидное знание, послужила той основой, на которой возникла классическая интроспективная психология. В этом отношении можно согласиться с Полем Фрессом: “Как очень верно заметил Кангилем, картезианская интуиция – это не интроспекция XIX века. И тем не менее последняя – ее незаконнорожденная дочь, так как Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела” (Фресс, 1966, с. 17). Не имея возможности анализировать роль Декарта в возникновении различных школ в философской психологии, отметим только, что происходит трансформация самонаблюдения в интроспекцию. Возникает метод, который в течение долгого времени являлся основным в психологии. Интроспекция предназначена открывать законы сознания. Отметим, кстати, что Декарт, как известно, термин сознание не использовал. Интроспекция является *непосредственным* методом, дающим *непосредственное* знание о душе, о сознании. Здесь важно обсудить принципиально важный вопрос. Декарт, как было отмечено выше, разработал “принцип метода” – открыл принципиальный путь исследования сознания. Но это не означает того, что начал использоваться сам метод интроспекции как способ получения конкретного знания о сознании. В задачу философии это не входило.

Поэтому философы обсуждали вопросы о том, является ли интроспекция источником достоверного знания, возможно ли интроспективно постичь истину и т. д. Сознание в интроспекции рассматривалось в его целостности *как содержание сознания.* Принципиально важно, что была создана возможность для эмпирического исследования сознания. Но конкретные эмпирические исследования сознания появились значительно позднее, уже в рамках научной психологии. Действительно, для эмпирического исследования сознания необходимо сконструировать предмет исследования. Собственно содержания

сознания могут быть описываемы бесконечно, поскольку бесконечно число предметов (вещей), могущих служить объектами сознавания. Задача конкретного описания не ставится вообще. Задача научного исследования состоит в разработке формальной модели. Достаточно, к примеру, указать, что есть образы, которые могут ассоциироваться. Таким образом произошло событие, значение которого для дальнейшего развития психологии недооценивать нельзя. Если сознание как объект эмпирического исследования философию не интересовало, то для психологии такая перспектива представлялась заманчивой. Но для этого необходимо было совершить психологическую “революцию”: выделить из сознания тот аспект, который можно было бы изучать эмпирически с помощью метода, идея которого была сформулирована Декартом. Возможности метода регулярно обсуждались в философии (вспомним хотя бы Канта и Конта), но в качестве эмпирического метода в философии он (естественно, какой же эмпирический метод в философии!) не использовался. В философской психологии (что не столь очевидно) метод интроспекции также не был эмпирическим. Необходимо было сконструировать тот предмет, который бы мог изучаться интроспективно и эмпирически. Как известно, это было сделано, психология в конце концов стала эмпирической наукой, а интроспекция основным методом психологии. Но это произошло лишь в середине девятнадцатого столетия. Психология стала представляться “непосредственной” наукой. Метод стал ассоциироваться исключительно с “добычей” данных, т.е. стал рассматриваться чисто “эмпирически”. Строго говоря, дополнением к интроспекции служил метод интерпретации. Впрочем, роль его была чисто вспомогательная: “организовать” добытые интроспекцией данные в соответствии с каноном научности. Данные интроспекции, по мысли психологов и философов того времени, давали “непосредственные и истинные” знания о сознании, поэтому вся интерпретация сводилась к упорядочивающим логическим процедурам.

Таким образом, краткий очерк использования методов в донаучной и философской психологии позволил обнаружить, что внутри этих разновидностей психологии появляются процедуры, которые являются разновидностями “эмпирических” методов, используемых и современной психологической наукой: наблюдение, самонаблюдение, эксперимент. Разумеется, это не есть научные методы в полном смысле слова. Но *идея* метода выражена здесь очень отчетливо. В качестве “теоретических” методов эти разновидности психологии использовали метод интерпретации средствами языка и логики. Специальных

психологических *теоретических* методов на этом этапе не существовало. Это и понятно, т.к. научная теория может появиться тогда, когда будет выделен специальный научный предмет.

8.2.1.2.Становление метода самонаблюдения

Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой выделение психологии в самостоятельную науку связывается с использованием специальных методов – наблюдения и эксперимента (*Рубинштейн*, 1946). По нашему мнению, с таким утверждением полностью согласиться нельзя. Действительно, метод эксперимента начинает проникать в психологию. В. Вундт называл свою психологию не только физиологической, но и экспериментальной (*Wundt*, 1874). Но не следует забывать о том, что использование эксперимента на первых порах носило характер чисто вспомогательный, экспериментальные процедуры позволяли стандартизовать самонаблюдение, придать ему строгость, каковой должен обладать метод науки. Можно полагать, что выделение психологии из философии было связано в первую очередь с *новым пониманием предмета*. Психология заявила права на исследование специфического предмета (отличного от философского). Наиболее адекватным такому предмету был метод интроспекции. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции, использовавшийся в философской психологии, в научной психологии подвергся существенным изменениям. Описание модификаций метода, выявление инвариантных его компонентов, соотнесение с трактовкой предмета психологии может явиться важным источником информации о научных методах в психологии.

Метод интроспекции[16]

У современного научного психолога термин интроспекция вызывает вполне определенное отношение, которое можно выразить следующей формулой: “Интроспекционизм – древняя концепция и (...) совершенно бесперспективная для научного исследования психологических фактов” (*Ярошевский*, 1985, с. 222). Однако мы полагаем, что было бы абсолютно неверно считать, что интроспекция представляет собой что-то однородное, единое. Как мы увидим, могут быть выделены существенно различные варианты и модификации этого метода

---

[16] Ограниченность объема настоящей публикации вынуждает посвятить статью исключительно становлению метода интроспекции. Неразрывно связанный с этим вопрос о развитии метода эксперимента освещается в статье: Мазилов В.А. «Становление метода психологии: страницы истории (эксперимент) // Методология и история психологии, Т. 2, №3 (5), 2007.

в рамках научной психологии. Здесь же хотим обратить внимание на то, что существовали исторически различающиеся формы интроспекции. Выбор точки отсчета зависит в значительной степени от вкуса. Во всяком случае, предшественником метода интроспекции с достаточными основаниями можно счесть “самонаблюдение для самопознания”, использовавшееся не без успеха еще Августином (354-430). При желании можно отнести “начало интроспекции” к периоду античности. На наш взгляд, это лишь подтверждает ту точку зрения, согласно которой, метод (точнее, идея метода) всегда в включается в более широкий исследовательский контекст. По нашему мнению, имеет смысл говорить о следующих формах интроспекции: 1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. Нас, бесспорно, будет интересовать третья разновидность интроспекции. О двух первых поэтому скажем очень кратко.

Философская интроспекция

Основу для широчайшего использования интроспекции создали работы Р. Декарта. Именно та декартова мысль, что интуиция дает ясное и истинное знание о душе, легла в основу метода изучения душевных явлений, получившего впоследствие наименование *интроспекция*. Отметим, что предыстория интроспекции может быть прослежена, начиная с донаучной психологии. Если воспользоваться различением С.Л. Рубинштейна, согласно которому от истории психологии как науки следует отличать “историю философских учений о психике” (*Рубинштейн*, 1946, с. 9), то необходимо констатировать, что понятие “интроспекция” сформировалось в философии сознания. Важным этапом на этом пути была философия английского эмпиризма. Основатель английского эмпиризма Дж. Локк различал чувственный опыт, дающий знания о внешнем мире, и рефлексию – внутреннее чувство, дающее знания о состояниях и действиях души (*Локк*, 1960). Таким образом, внутри философии была подготовлена возможность рассмотрения предмета психологии как *внутреннего опыта*. Также стоит отметить, что в рамках философии состоялись дискуссии, в которых были обсуждены принципиальные вопросы и, в частности, важнейший для рассматриваемой темы: дает ли интроспекция достоверное знание? Позиция Локка состояла в том, что рефлексия, безусловно, не вводит в заблуждение. Это положение впоследствии было использовано создателями научной интроспективной психологии.

Здесь нам важно отметить, что в философии существовала чрезвычайно широкая трактовка интроспекции, приводящая, фактически, к слиянию с рефлексией. Как справедливо заметил С.В. Кравков, при подобной трактовке интроспекция включает в себя “действия размышляющего по логическим законам ума над полученным уже материалом”, что, очевидно, “не есть что-либо специфически присущее психологическому исследованию” (*Кравков*, 1922, с. 21).

Последнее представляется естественным, т.к. интроспекция была подчинена решению не психологических, а философских задач. Философия видела в интроспекции специфический, отличный от опыта *источник познания*. Поскольку философия не претендовала на эмпирическое исследование, естественно, что в философии интроспекция не рассматривалась как *конкретный способ* получения материала.

Интроспекция в философской психологии

Выделение психологии в особую философскую дисциплину (эмпирическая психология) естественно привело к изменению метода интроспекции. Со времени “Эмпирической психологии” Х. Вольфа (*Wollf*, 1732) интроспекция рассматривается уже не как широкая процедура, объединяющая принципиальный способ получения материала и его рефлексию, а более узко – как особый род наблюдения или восприятия. В эмпирической психологии, таким образом, интроспекция использовалась как источник сведений о внутреннем мире, сознании. Напомним, что главным в философской эмпирической психологии было *рассуждение* по логике “системы” (П. Фресс), интроспекция, которая была вполне “бессистемной”, хаотичной и случайной, давала материал, подтверждающий справедливость рассуждений. Технологически это часто выглядело как проведение своего рода “мысленного эксперимента”: выдвигая какое-либо положение, философский психолог “для проверки” “проигрывал” ситуацию, давая анализ своих переживаний. Философская психология не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Интроспекция в научной психологии: предшественники

Вероятно, кому-то такое сочетание покажется противоестественным: интроспекция и психологическая наука, согласно широко распространенному мнению, не совмещаются – наука начинается, когда интроспекция уходит. Действительно, если полагать, что научная психология начинается лишь с использования эксперимента, то интроспекция остается “за пределами” науки. На самом деле эксперимент в

психологии в течение достаточно длительного времени использовался в сочетании с интроспекцией. Интроспекция модифицировалась, совершенствовалась, но по-прежнему оставалась основным методом психологии. Естественно, по сравнению с философской психологией, в научной психологии интроспекция видоизменилась.

В целом происшедшие изменения свелись к следующему:

1) более строго определялся предмет интроспекции (в разных школах различно); 2) существенно возросла научная “нагруженность” интроспекции; 3) появились более строгие требования к самой процедуре интроспекции; 4) возросли требования к испытуемому; 5) возникла необходимость в специальной тренировке. Ниже мы проанализируем особенности интроспекции в научной психологии.

Здесь же необходимо остановиться на вопросе о предшественниках научной интроспекции. Вероятно, справедливо мнение, согласно которому создателем научной интроспекции считается В. Вундт, соединивший в физиологической психологии эксперимент и самонаблюдение. По нашему мнению, с полным основанием к предшественникам научной интроспекции можно отнести Г. Гельмгольца. Уместно вспомнить, что Н.Н. Ланге называл Гельмгольца и Фехнера “maestri” интроспекции (*Ланге*, 1893). Общеизвестно, что Г. Гельмгольц был признанным мастером эксперимента, позволившего узнать много о работе органов чувств. Но менее очевидно, что этим открытиям в не меньшей степени мы обязаны тонкому самонаблюдению, *вооруженному знанием физиологии.* Работы Гельмгольца содержат огромное количество примеров “теоретической нагруженности” самонаблюдения. Откроем наугад книгу Гельмгольца (*Гельмгольц*, 1875). Гельмгольц пишет про открытие Мариоттом (с помощью теоретических выводов) слепого пятна в человеческом глазу. “Пробел” в глазу настолько велик, что лицо человека, удаленное от глаза на 6 или 7 футов, может совершенно в нем исчезнуть. “Однако при обыкновенном свободном смотрении пробел поля зрения совершенно не замечается потому, что наш взор постоянно блуждает и непосредственно направляется на те предметы, которые нас интересуют. Следовательно, предметы, которые возбуждают на мгновение наше внимание никогда не лежат в пробеле поля зрения; поэтому слепое пятно обыкновенно и не бывает предметом нашего внимания. Мы сперва должны намеренно фиксировать объект, затем подвинув в область слепого пятна второй малый объект, мы должны постараться его увидеть, не изменяя нашей прежней точки фиксирования, что чрезвычайно противоречит нашему привычному смотрению и многим лицам даже совершенно

недоступно; мы убеждаемся в существовании слепого пятна только тогда, когда второй объект делается невидимым” (*Гельмгольц*, 1875, с. 92). Или на той же самой странице: “Каждый раз, как мы направляем оба глаза на одну точку, все предметы, которые значительно ближе или значительно дальше рассматриваемой точки, нам кажутся двоящимися. Мы это легко замечаем, при несколько более внимательном наблюдении. Из этого мы можем заключить, что в продолжение всей нашей жизни мы постоянно видели значительно большую часть внешнего мира вдвойне; однако же существует множество лиц, которые этого не знают и в высшей степени удивляются, когда в первый раз обращают на это их внимание. Однако в сущности мы также не видели вдвойне тех именно предметов, на которое было направлено в известное время наше внимание, потому что мы их фиксируем обоими глазами разом. Следовательно, при ежедневном пользовании глазами, наше внимание было постоянно отклонено от всех тех объектов, которые в данное время кажутся двойными, поэтому то мы о них и ничего не знаем. Мы должны сперва подвергнуть нашему вниманию новую и непривычную цель; мы должны начать внимательно рассматривать боковые части поля зрения не для того, чтобы ознакомиться с находящимися там предметами, а для того, чтобы анализировать наши ощущения, пока не уловим явления” (*Гельмгольц*, 1875, с. 92–93).

Из приведенных отрывков совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело вовсе не с “бессистемным” “наивным” самонаблюдением философской психологии, а самонаблюдением научным. Еще раз повторим, что Гельмгольц не был психологом, но внес вклад в развитие методов: не только эксперимента, но и *самонаблюдения.* Об отличиях научного самонаблюдения от “наивного” писал (очень ярко и образно) Г. Мюнстерберг (1891): “Предположим, например, что я испытываю жажду или чувство тошноты: этот внутренний опыт, который вполне слит с другими моими состояниями, пока я не начал его наблюдать. Но когда к чувству жажды или тошноты присоединяется желание его наблюдать, эти элементы сознания дополняются представлением о ближайших их причинах; я обращаю внимание на то, как сух мой язык, как ненормально сокращаются при тошноте мои глотательные мускулы, как искажается мое лицо и, главным образом, как мускулы сгибатели конечностей сильно напрягаются без всякого предшествующего иннервационного ощущения. Если мне таким образом удалось ассоциативно дополнить все элементы, ассоциировать все элементы сложного чувства с представлениями об их условиях или с их словесными обозначениями (эти последние в той же мере доста-

точны для нового вызова элементов чувства или для их сообщения другим людям, как и реальное восстановление условий чувства), то я вполне разложил наблюдаемое чувство на его элементы, и их фиксировал, т.е. сделал действительное наблюдение. – Уже из этого примера видно, что упомянутого наблюдения не может сделать, например, тот, кто никогда не слыхал о различии между мускулами сгибателями и разгибателями; для того, чтобы ощущение причиняемое сокращениями этих мускулов было узнано в общем сложном комплексе ощущений, отличено от этих прочих ощущений и фиксировано, т. е. для того, чтобы к сознанию этого комплекса присоединилось представление о его условиях, для этого очевидно необходимо, чтобы ощущение от мускулов сгибателей уже заранее, благодаря предварительно накопленным знаниям, было тесно ассоциировано с представлением об этих мускулах. Поэтому самонаблюдение предполагает уже предварительное существование известного запаса готовых к употреблению ассоциаций, и главным образом ассоциаций из области анатомии и физиологии. И подобное условие не составляет какой-либо отличительной черты самонаблюдения, но одинаково характерно и для всяких других наблюдений. Тот, кто ничего не понимает в ботанике, не в состоянии производить наблюдений над растениями; профан в ботанике, хоть воспринимает те же самые признаки растения, как и ботаник, однако не наблюдает их, ибо они не вызывают в его сознании тех многочисленных ассоциаций, как в уме ботаника. Таким же образом и самонаблюдение не является для наблюдателя каким-нибудь безусловным актом, но уже предполагает, подобно всякому внешнему наблюдению, существование массы готовых к употреблению ассоциаций. Особенно те психические явления, которых элементы обусловлены физиологическим возбуждением не высших органов чувства, а внутренних органов тела, как то мускулов, сочленений, сухожилий, кровеносных сосудов, органов внутренних полостей – а к таковым психическим явлениям принадлежат все так называемые эмоции, влечения, аффекты, волевые акты – все таковые состояния могут быть предметом самонаблюдения лишь для того, кто обладает основательными анатомо-физиологическими сведениями. – Итак, самонаблюдение должно все в большей мере становиться методом психологии, однако самонаблюдения тех лиц, которые не обладают основательными сведениями о строении и функциях тела, не только будут бесплодны, но и вводя в заблуждение, в этом смысле опасны" (цит. по *Ланге*, 1893, с. XXVII–XXVIII).

Из этого отрывка хорошо видно, что самонаблюдение имеет “нагруженность” со стороны физиологии и анатомии. Менее очевидна специфически психологическая “нагруженность” научного самонаблюдения. Выявление такой нагруженности представляет нашу специальную задачу, чему будут посвящены следующие разделы. Хотим здесь только отметить, что если интроспекция в философской психологии имеет метафизическую “нагрузку”, то в научной психологии эта “нагрузка” становится теоретической (в примере Г. Мюнстерберга физиологической; как будет показано далее – и собственно психологической). Но поскольку психология, как мы помним, провозгласила себя наукой опытной, независимой – эта “нагруженность” становится “неявной”. Важно, что эта “нагруженность” приходится именно на метод.

Еще раз о различии интроспекции философской и научной

Итак, под психологической научной интроспекцией целесообразно иметь в виду самонаблюдение как специфический метод психологии, т.е. как особый род *наблюдения* или *внутреннего восприятия.* О практическом, но несистематическом использовании интроспекции, как уже было замечено, можно говорить применительно к философской психологии. Систематически, как полноценный эмпирический метод, интроспекция начинает использоваться в научной психологии, начиная с Вундта.

Тем не менее, важно отметить, что в философии обсуждались важные вопросы, касающиеся возможности интроспекции как способа познания. О. Конт возражал против использования интроспекции, утверждая, что невозможно одновременно действовать и наблюдать свою деятельность. Согласно О. Конту, сведения, получаемые в результате интроспективного наблюдения, оказываются недостоверными и не соответствуют требованиям положительной науки. Мнение О. Конта было оспорено Дж.С. Миллем. Дж. С. Милль утверждал, что интроспекция не является полностью непосредственным процессом, т.к. включает в себя память. Таким образом, интроспекция вместе с тем есть и ретроспекция. Поэтому для обеспечения достоверных результатов необходима специальная тренировка наблюдателя. Отметим, что хотя философы с энтузиазмом обсуждали разные аспекты проблемы интроспекции, высказывали различные суждения, часто глубокие и резонные, они не использовали интроспекцию как эмпирический метод. Собственно, это им было не нужно. Для философских целей вполне достаточно идеи метода: образы (ощущения, представления), которые *могут* быть обнаружены интроспекцией, *могут*

ассоциироваться между собой. Интроспекция как действительно психологический эмпирический метод может использоваться в психологии, которая ставит перед интроспекцией специфические задачи (например, описание *структуры* непосредственного опыта и т. д.).

Прежде, чем предпринять анализ метода интроспекции в научной психологии, необходимо выявить различия (чрезвычайно существенные) между философской интроспекцией, самонаблюдением в философской психологии и интроспекцией в научной психологии (внутренним наблюдением). С позиции, выраженной очень отчетливо представителями "основных школ в психологии" (психоанализ, гештальтпсихология, бихевиоризм), интроспективная психология представляла собой предварительный этап развития психологической науки: с возникновением новой психологии (под которой, естественно, понималась либо гештальтпсихология, либо психоанализ, либо бихевиоризм) старая интроспективная уходит в прошлое. Но для воссоздания пути пройденного психологией важно выявить различия в используемых методах.

У. Джемс указывает на значение метода самонаблюдения в психологии: "Творения Юма, Рида, Гертли, Стюарта, обоих Миллей навсегда останутся классическими образцами непосредственного самонаблюдения, а в трактатах профессора Бэна мы имеем, может быть, последнее слово этого метода, взятого в отдельности – последний момент юности психологии, еще не технической и общедоступной, вроде химии у Лавуазье или зоологии до употребления микроскопа. Но психология перешла уже в другой, менее простой фазис. В течении последних лет возникла в Германии, так сказать, микроскопическая психология, основанная на экспериментальных методах, спрашивающая в каждый момент о данных самонаблюдениях, но устраняющая их недостоверность более широкой проверкой и статистическими вычислениями. Этот метод требует в высшей степени терпения, и едва ли мог возникнуть в стране, жители которой способны испытывать утомление. Такие немцы как Вебер, Фехнер, Фирорд и Вундт очевидно к этому неспособны; и их успех вызвал на поле битвы ряды молодых экспериментальных психологов, стремящихся изучить *элементы* душевной жизни, выделяя их из сложных душевных комплексов, в которых они скрыты, и стараясь, насколько возможно свести эти элементы к некоторой количественной скале. Так как простой и открытый метод атаки дал уже все, что он мог дать, то прибегли к методу выжидания, обложения, изнурения противника; душевная жизнь должна была подвергнуться регулярной осаде, в которой минутными

успехами, силой приобретаемыми и днем и ночью, эта жизнь блокируется на ее вершинах, чтобы наконец ворваться и туда. У этих новых философов призмы, маятника и хронографа мы не найдем высокого стиля. Их средства – работа, а не храбрость. То благородное прорицание и та нравственная высота, которые Цицерон считает наиболее пригодными для проникновения в природу, оказались недостаточными, но эта задача несомненно в один прекрасный день будет разрешена этими новыми мыслителями, их выслеживаниями и выпытываниями, их беспредельным упорством и в высшей степени дьявольской хитростью" (цит. по *Ланге*, 1893, с. XXII).

Отметим главное. Интроспекция в научной психологии приобретает характер *эмпирического* метода, метода, который предназначен для добывания фактов. Естественно, он становится более строгим и стандартизованным. Естественно, он становится "нагруженным" теоретически: для того, чтобы наблюдать за своими душевными процессами, надо знать, что именно должно фиксироваться.

Анализу метода интроспекции в научной психологии посвящены многочисленные специальные исследования. Среди них выделяется статья известного историка психологии Э. Боринга "История интроспекции", опубликованная в 1953 году (*Boring*, 1953). В этой классической работе дается широкая панорама использования метода интроспекции в различных направлениях в психологии, а также оценка изменения роли этого метода в психологической науке. История психологии имеет специфическую трудность, связанную с тем, что количество "степеней свободы" при исторической "реконструкции" науки о психическом достаточно велико. Если за основу берется какая-то "изолированная" характеристика, то "восстановленная" картина будет весьма специфичной. Так история психологии XIX столетия может быть с достаточными основаниями представлена как история ассоциационизма, сенсуализма, психофизиологического параллелизма и т. д. В действительности все сложнее, т.к. часто важны несколько характеристик одновременно. Как точно отметил в своей "Психологии" Н.Н. Ланге, характеризуя взгляды Вундта, "полное изложение его психологических учений слишком сложно, чтобы найти здесь место" (*Ланге,* 1996, с. 78). Когда об этой сложности забывают, появляется картина, подкупающая своей простотой и логичностью, но имеющая все недостатки упрощающей схемы. На наш взгляд, такому упрощению подверглась история интроспекции. Возвращаясь к классической статье выдающегося историка психологии (не случайно текст статьи попал в хрестоматию по истории психологии) (*История психологии*, 1992),

отметим, что возможен несколько иной взгляд на интроспекцию. В частности, по-видимому, нуждается в уточнении само положение о “классической интроспекции”. Э. Боринг пишет: “Можно считать классической интроспекцию, которая была определена через достаточно формальные правила и принципы и возникла непосредственно из ранних исследований вундтовой лаборатории в Лейпциге. Конечно, для интроспекции нет каких-либо неизменных правил. Великим людям свойственно не соглашаться друг с другом и изменять свои позиции. Тем не менее по существу и Вундт, и Кюльпе до его отъезда из Лейпцига, и Г.Э. Мюллер в Геттингене, и Титченер в Корнелле, и многие другие менее важные “интроспекционисты”, признававшие первенство этих ученых, были едины” (*История психологии*, 1992, с. 24). И далее: “Классическая интроспекция в общем смысле – это убеждение, что описание сознания обнаруживает комплексы, образуемые системой сенсорных элементов. Именно против этой доктрины восстали Кюльпе в Вюрцбурге, бихевиористы под руководством Уотсона и гештальтпсихологи по инициативе Вертгеймера. Интроспекционизм получил свой “-изм” потому, что восставшие новые школы нуждались в ясном и четком обозначении оснований, которым они противопоставляли собственные, принципиально новые черты. Ни один сторонник интроспекции как базового метода психологии никогда не называл себя *интроспекционистом*. Обычно он называл себя *психологом*” (*История психологии,* 1992, с. 24). Нам представляется, что в пределах так называемой “классической интроспекции” скрыты различные попытки построения новой психологии. И метод интроспекции не был единым. Наоборот, для достижения целей – изучения предмета психологии (по Вундту, по Кюльпе, по Титченеру и др.) – требовались модификации метода. Они, естественно, не были случайными. И пренебречь этими различиями можно только в том случае, если торопиться перейти к новому этапу истории – “восстанию” против интроспекции. Оно, действительно, имело место. Метод интроспекции имел родовые пороки. Но он, несомненно, имел и видовые отличия. Нас же интересуют как раз модификации метода интроспекции.

Интроспекция в научной психологии: Вильгельм Вундт

В. Вундтом была предпринята попытка создания новой психологии, приведшая к успеху. Несмотря на то, что “ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем” (*Ярошевский*, 1985, с. 225), В. Вундт считается создателем научной психо-

логии, т.к. главная цель была достигнута – психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным сообществом и закреплено институционально. В. Вундт, создавая психологию, обратился к химии как ее модели. Элементаризм системы дополнялся ассоцианизмом с целью обеспечения задач синтеза. Вундт выделял аналоги атомов (ощущения, простые чувства и образы). Аналогами молекул выступали "представления (Vorstellungen) и более сложные образования (Verbindungen)". Центральным моментом в любом психологическом подходе, претендующем *на новизну*, на создание новой психологии является определение предмета науки. Как известно, В. Вундт объявил предметом психологии непосредственный опыт. Задачу психологии В. Вундт видел в том, чтобы раскрыть *структуру* непосредственного опыта. Вундт различал собственно самонаблюдение (интроспекцию) и внутреннее восприятие. Для того, чтобы заниматься интроспекцией, испытуемый должен пройти предварительную тренировку. Экспериментальные процедуры использовались в вундтовской лаборатории для того, чтобы лучше структурировать самонаблюдение. "Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы. Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличии от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении" (*Вундт,* 1880, с. 2). Э. Боринг отмечает: "Вундт настаивал на тренировке испытуемых. Даже в экспериментах на время реакции в лейпцингской лаборатории испытуемые должны были долго тренироваться для выполнения предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т. п., а также сразу сообщать, когда сознание отклоняется от требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории" (*История психологии*, 1992, с. 25). Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое большое число предварительных испытаний? Ответ прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, *что необходимо* (исходя из задачи) – именно структуру опыта. Причем, структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было расщепить содержание опыта "на атомы", надо было найти следы "творческого синтеза". Вот как харак-

теризует его сам В. Вундт: “Какой бы процесс среди тех, которые мы называем “психическими соединениями” в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т. е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза” (*Вундт*, б/г, с. 118). И далее: “С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок” (*Вундт*, б/г, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: “в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение” (*Вундт*, б/г, с. 118–119). Таким образом, понятно, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблюдения вычленять в непосредственном опыте нужные элементы. Тренировка необходима, она представляет собой своего рода обучающий эксперимент. Понятно, что испытуемые в Лейпциге обнаруживали структуру опыта. В отличие от предшественников (например, И. Тэн говорил, что самонаблюдение открывает “полипняк” образов) В. Вундт хочет создать научную картину: для него научность воплощается в структурности, мы получаем в результате психическую химию. В свете вышеописанного совсем не удивительно, что требования Вундта к интроспекции весьма либеральны. Э. Боринг в этой связи отмечает: “В целом понимание интро-

спекции Вундтом было гораздо либеральнее, чем обычно думают: в формальной интроспекции он оставил место и для ретроспекции, и для непрямого отчета” (*История психологии*, 1992, с. 25). И это совсем не удивительно. Результаты “творческого синтеза” становятся видны не сразу: для этого и используется ретроспекция. Можно сказать, что сложный состав метода, его неоднородность является результатом двойственности задач выявления структуры опыта по Вундту. Как показала жизнь, испытуемые достаточно легко обучаются структурному интроспективному описанию опыта.

Интроспекция в научной психологии: Франц Брентано

Как известно из истории психологии, вундтовская программа построения психологии как самостоятельной науки не была единственной. Достаточно скоро появились альтернативные программы. Одной из них была психология актов Ф. Брентано (*Brentano*, 1874, 1924, 1925, 1928). “Психология с эмпирической точки зрения”, первый том которой был опубликован в 1874 году, содержала существенно иной взгляд на психологию в целом и на метод интроспекции, в частности. Если для В. Вундта идеалом научности была химия, то Ф. Брентано, бывший католический священник, полагал, что ключом к новой психологии являются идеи Аристотеля. Аристотелевский подход, как известно, определяется как биологический. Поэтому в концепции Брентано особая роль принадлежит активности познающего субъекта. Характерной для сознания является интенциональная направленность на объект. “Каждый психический феномен характеризуется тем, что схоласты в средние века называли интенциональным существованием объекта” (*Brentano*, 1874, s. 116). Брентано не принимает психологию как науку о содержаниях сознания. По Брентано, подлинной задачей психологии является описание актов сознания. Как пишет Брентано, “примерами психических феноменов могут быть любые представления с помощью ощущения или фантазии, я понимаю здесь под представлением не то, что представляется, но сам акт представления” (*Brentano*, 1874, s. 103–104). Все психические акты, согласно Брентано, могут быть отнесены к следующим классам: акты представления (Vorstellungen), суждения (Urteile), оценки (чувства) (Gefuhle) (*Brentano*, 1925).

“Для Брентано исходным являлось понятие не об элементе сознания, а о его акте, понимаемом как функция субъекта, выраженная в его направленности на объект. Поэтому психолог, согласно Брентано, должен исследовать не элементы (ощущения различного качества, ин-

тенсивности и т.д.), а акты, благодаря которым эти элементы становятся объектами осознания" (*Ярошевский*, 1985, с. 227). М.Г. Ярошевский, сопоставляя методологические позиции В. Вундта и Ф. Брентано, отмечает: "Оба исходили из того, что предметом психологии является сознание. Оба интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но Вундт рассчитывал выяснить с помощью изощренной интроспекции и вспомогательных физиологических приборов состав сознания: какова его (сенсорная в своей основе) "фактура". Брентано полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты, действия, внутренние операции" (*Ярошевский*, 1985, с. 228). "С точки зрения Брентано, принятая в лабораториях физиологической психологии процедура анализа сознания укладывает в прокрустово ложе реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе" (*Ярошевский,* 1985, с. 228). М.Г. Ярошевский так интерпретирует различия в интроспективном методе у Вундта и Брентано: "субъективный (интроспективный) метод приобрел у тех, кто отправлялся от Вундта одну направленность, от Брентано – другую. В обоих случаях утверждался феноменологический подход (объект анализа – феномены сознания) Различие же состояло в том, что последователи Вундта устремлялись к гипотетическим структурным элементам, недоступным неискушенному наблюдателю, тогда как воспитанники Брентано культивировали исследование сознания в его целостности и доподлинности, свободной от предвзятых теоретических схем" (*Ярошевский*, 1985, с. 228). С последним утверждением М.Г. Ярошевского вряд ли можно согласиться. Брентано, как известно, был сторонником мнения, что внутреннее восприятие дает человеку истинную информацию: "феномены, постижимые умственно, верны сами по себе", в чем видел огромное преимущество психологии над науками физическими (*Brentano,* 1924). Брентано подчеркивал целостность душевной жизни. "Сознание в единстве его актов Брентано сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой" (*Ждан*, 1990, с. 194). Для того, чтобы обеспечить интроспективное описание этой целостности, Брентано был вынужден существенно модифицировать метод. Как отмечал Э. Гартман, "непосредственный опыт не есть непосредственное наблюдение своих собственных душевных процессов в то время, как они протекают, так как – и в этом Брентано прав – такое наблюдение невозможно, а он есть восприятие этих процессов в воспоминании, без чего сама психология не могла бы существовать" (*Гартман,* 1902, с. 17). Таким образом, платой за

целостность является "расширение", точнее, размывание метода, включение наряду с внутренним восприятием в структуру метода элементов ретроспекции. Поэтому вряд ли правомерно утверждать, что Брентано изучает сознание в его "доподлинности". При ближайшем рассмотрении процедура оказывается не менее искусственной, чем аналитическая интроспекция Вундта. Суровую итоговую оценку методу Брентано дает Э. Гартман, работу которого мы уже цитировали: "Что этим самым (восприятием душевных процессов в воспоминании – *В.М.*), кажущееся непосредственным, наблюдение, тем не менее становится опосредованным, хотя и в иной форме, чем наблюдение душевных процессов у других – этого Брентано не принял во внимание; он также мало взвесил и то, что создание эмпирических правил неопределенного, неточного характера с многочисленными исключениями вряд ли заслуживает названия науки" (*Гартман*, 1902, с. 17).

Таким образом, согласно Ф. Брентано, метод интроспекции должен описывать акты сознания, а не собственно содержания. При этом описание должно быть по возможности более полным, исчерпывающим. В этих условиях ограничения, налагаемые методом эксперимента (напомним, Вундт использовал эксперимент главным образом для того, чтобы стандартизовать интроспекцию), являются излишними, поэтому Брентано настаивает на том, что психология должна быть наблюдательной – экспериментальные процедуры представляют собой "прокрустово ложе" для самонаблюдения.

Интроспекция в научной психологии: Герман Эббингауз

Как известно, Г. Эббингауз занимает особое место среди психологов, внесших вклад в разработку психологических методов. Причем этот вклад "проходит" "по линии" эксперимента. Действительно, Г. Эббингауз в своем классическом труде "О памяти" (*Ebbinghaus*, 1885), кстати имеющем многозначительный подзаголовок – Untersuchungen zur experimentellen Psychologie – разработал методики, позволяющие реализовать экспериментальное исследование памяти, причем исследование, широко использующее измерение в психологии. Многие историки психологии, например М.Г. Ярошевский (Ярошевский, 1985), видят в Эббингаузе пионера собственно психологического эксперимента. Здесь мы обратимся к фундаментальному руководству Г. Эббингауза "Основы психологии" (*Ebbinghaus*, 1902). В этой книге есть специальный раздел "Метод психологии". Г. Эббингауз утверждает, что методами психологии являются самонаблюдение и наблюдение

других людей. Эббингауз отмечает, что “самонаблюдение и наблюдение других людей не суть два равноправных и независимых друг от друга метода исследования..., а они вполне и неразрывно меж собою связаны. Каждый в отдельности не дает психологии почти ничего, и только в связи друг с другом они получают значение” (*Эббингауз*, 1911, с. 60).

Подробно анализируя метод самонаблюдения, Г. Эббингауз находит в нем три существенных недостатка. Во-первых, попытка самонаблюдения уничтожает до известной степени объект, на который она направлена. Во-вторых, самонаблюдение не схватывает предметов в их чистом и объективном виде, оно почти неизбежно искажает и фальсифицирует предметы и всегда грозит опасность, что самонаблюдение даст искусственные продукты. По Эббингаузу, самонаблюдение может быть источником артефактов. В-третьих, самонаблюдение всегда ограничено одним индивидом: оно, по Эббингаузу, изучает лишь содержание одной души со всеми ее случайностями и особенностями.

Преодолеть перечисленные недостатки возможно лишь в том случае, когда самонаблюдение дополнено и подтверждено другим способом и “этот способ именно и есть наблюдение других людей” (Эббингауз, 1911, с. 61). Наблюдение само по себе не может обеспечить психологию фактами, потому что “все наблюдения над другими людьми – ничто, по крайней мере, ничто для психологии, без постоянного оживления и одухотворения результатами самонаблюдения” (*Эббингауз*, 1911, с. 62).

Эббингауз делает вывод: “Итак, оба средства исследования друг без друга лишены значения. Первое (самонаблюдение – *В.М.*) в отдельности не дает ничего надежного и недостаточно для науки, а второе (наблюдение – *В.М.*) в отдельности не дает психических явлений; только взаимно дополняя и проникая друг друга, они создают науку психологии” (*Эббингауз*, 1911, с. 62). А как же другие методы, в первую очередь эксперимент, который, как уже упоминалось, самим Эббингаузом интенсивно использовался?

Г. Эббингауз дает обширный обзор, посвященный измерению и эксперименту в психологии (*Эббингауз*, 1911, с. 62–88), в котором подробно описывает использование экспериментальных и измерительных процедур Фехнером. Характерно, что Эббингауз считает измерение и эксперимент всего лишь “вспомогательными средствами” (*Эббингауз*, 1911, с. 88) в психологическом исследовании. Интересен заключительный вывод Эббингауза: “Мы считали самонаблюдение и наблюдение над другими методами психологии, и говорили затем об

экспериментах и о прямых и косвенных методах психических измерений. Какая связь между всем этим? Оказались ли новые методы чем-то совсем иным сравнительно с двумя давно известными и применяемыми психологическими методами и грозит ли им даже опасность полного их вытеснения новыми методами? Конечно, нет. Эксперименты и методы измерения – не новые средства познания на место старых, а те же самые давно известные методы, но лишь не в примитивной и безыскусственной форме, а в искусной и, так сказать, изощренной форме. Они суть особенно выработанные и развитые формы самонаблюдения и наблюдения над другими людьми, в которых намеренно создаются определенные условия и результаты определяются возможно точнее" (*Эббингауз,* 1911, с. 89). Здесь кажется уместным коснуться одного момента, связанного с исследованиями Эббингауза. Как уже упоминалось, он вошел в историю психологии в первую очередь благодаря экспериментам в области памяти. Почему Эббингауз не настаивает на том, что психология должна быть экспериментальной? На наш взгляд, потому, что, продолжая традицию Фехнера, он распространяет измерение на область психологии памяти, т.е. Эббингауз занят исследованием конкретной проблемы. Эббингауз прекрасно понимает, что все пространство психической реальности не может быть охвачено экспериментальным исследованием: роль конституирующего психологию метода отводится самонаблюдению, наблюдение же необходимо для проверки данных, доставляемых самонаблюдением.

Интроспекция в научной психологии: Эдуард Титченер

Психологом, предъявлявшим самые жесткие требования к методу самонаблюдения, был Эдуард Титченер (*Titchener,* 1901–1906, 1909). Определив психологию как науку о зависимом опыте (по Титченеру, физика должна изучать независимый от субъекта опыт, а психология данные опыта рассматривает в зависимости от индивидуума), в качестве метода предлагает самонаблюдение. "Научный метод может быть выражен одним словом – "наблюдение"; единственный путь для научной работы наблюдать те явления, которые составляют предмет науки. Но наблюдение предъявляет два требования: внимательно следить за явлениями и протоколировать их; оно есть, следовательно, ясное и живое опытное познание и отчет о его результатах в словах или формулах" (*Титченер*, б/г, с. 16–17). В качестве вспомогательного средства выступает эксперимент. "Эксперимент есть такое наблюдение, которое можно повторять, изолировать и видоизменять" (*Титченер*, б/г, с. 17). "Методом психологии является, как мы видим, наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения, которое применяется в естественных науках и состоит в наблюдении над внешними явлениями, в смотрении наружу, – психологическое наблюдение определяется как самонаблюдение, как смотрение внутрь" (*Титченер*, б/г, с. 17). Титченер анализирует трудности самонаблюдения: наблюдение за собой меняет характер наблюдаемых процессов ("Спокойное рассмотрение душевного движения уничтожает это последнее; гнев остывает, разочарование исчезает, как только мы принимаемся за их анализ" (Титченер, б/г, с. 19). Признавая за ретроспективным анализом некоторую полезность ("...бывают некоторые случаи, в которых и опытному психологу полезно ими воспользоваться" (*Титченер*, б/г, с. 19), Титченер полагает, что такой способ наблюдения нельзя выдавать за общее правило. По Титченеру, средствами преодоления трудностей самонаблюдения, являются: возможность повторения и разделение процесса на этапы, а также опыт наблюдателя. По последнему поводу Титченер замечает, что "опытный наблюдатель приобретает навык в самонаблюдении и в таком совершенстве справляется с предъявляемыми здесь к нему требованиями, что он бывает в состоянии не только мысленно делать себе пометки во время процесса наблюдения, не нарушая течения сознания, но может даже делать письменные пометки, подобно гистологу, который делает себе пометки, не отрываясь от окуляра микроскопа" (*Титченер*, б/г, с. 20).

Титченером также было введено строгое требование к самонаблюдению: описывать именно структуру опыта, но не его содержание, что он называл “ошибкой стимула”.

Интроспекция в научной психологии: Уильям Джемс

Признанным мастером интроспекции был американский психолог Уильям Джемс (1842–1910). Джемс пишет в “Основах психологии”: “Интроспективное наблюдение – вот на что нам надлежит полагаться в первую очередь, в основном и всегда. Понятие “интроспекция” следует четко определить – оно означает, очевидно, смотрение в собственную душу и отчет о том, что мы в ней открываем. Любой согласится с тем, что мы открываем при этом состояния сознания” (*James*, 1890, v. 1, p. 185). Джемс категорически отвергает атомизм Вундта и его учеников. Как справедливо отмечает П. Фресс: “Разумеется, он исходит из сознания, но для него важны не данные, которые находятся *в* сознании, а факты *сознания*: индивидуальное сознание, непрерывность которого является основой тождества личности, непрестанно меняющееся сознание, никогда не имеющее дважды одних и тех же ощущений или одних и тех же мыслей; сознание, выбирающее в мире, в который оно погружено, то, что ему подходит” (*Фресс*, 1966, с. 57). И далее: “Но Джемс не говорит об акте. Для него состояния сознания являются *функцией*” (*Фресс*, 1966, с. 57).

Оценивая заслуги Джемса, Н.Н. Ланге отмечал, что он точно обратил нас “к непосредственному опыту, закрытому до сих пор теоретическими построениями” (*Ланге*, 1914, с. 53). Каким образом? Джемс, как было сказано, категорически возражает против атомизма и элементаризма Вундта. А.Н. Ждан справедливо отмечает по этому поводу: “Собственное самонаблюдение, которому должна следовать психология, показывает каждому человеку, что эти гипотетические элементы ему недоступны. В самонаблюдении нам открываются не эти атомы, а некоторые цельные конкретные состояния сознания. Они изменчивы: минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения. Уже поэтому неправильно смотреть на психическую жизнь как перетасовку и ассоциацию одних и тех же идей. Психическая жизнь есть постоянная смена качественностей. В сознании нет связок. Оно течет непрерывно. Постоянная смена качественностей составляет поток сознания” (*Ждан*, 1990, с. 196). Джемс, таким образом, не принимает вундтовскую программу изучения ощущений: “Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения...

Реальности, объективные или субъективные, в постоянное существование которых мы верим, по-видимому снова и снова предстают перед перед нашим сознанием и заставляют нас из-за нашей невнимательности предполагать, будто идеи о них суть одни и те же идеи... Мы стараемся убедиться лишь в тождественности вещей, и любые ощущения, удостоверяющие нас при этом грубом способе оценки, будут сами казаться нам тождественными" (*Джемс*, 1905, с. 126). Джемс продолжает: "состояния нашего ума никогда не бывают абсолютно тождественными. Каждая отдельная мысль о каком-нибудь предмете, строго говоря, есть уникальная и имеет лишь родовое сходство с другими нашими мыслями о том же предмете. Когда повторяются прежние факты, мы должны думать о них по-новому, глядеть на них под другим углом, открывать в них новые стороны. И мысль, с помощью которой мы познаем эти факты, всегда есть мысль о предмете плюс новые отношения, в которых он поставлен, мысль, связанная с сознанием того, что сопровождает ее в виде неясных деталей" (*Джемс*, 1905, с. 128). Вывод, который делает Джемс о методе изучения потока сознания, формулируется так: "Мне кажется, что анализ цельных, конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга, есть единственный правильный психологический метод, как бы ни было трудно провести его через все частности исследования" (*Джемс*, 1905, с. 128–129). Джемс продолжает полемику с Вундтом и по поводу метода: "Без сомнения, часто удобно придерживаться своего рода атомизма при объяснении душевных явлений, рассматривая высшие состояния сознания как агрегаты неизменяющихся элементарных идей, которые непрерывно сменяют друг друга. (...) Неизменно существующая идея, появляющаяся время от времени перед нашим сознанием, есть фантастическая фикция" (*Джемс*, 1905, с. 129). Сознание, по Джемсу, подобно жизни птицы, которая то сидит на месте, то летает. "Ритм языка отметил эту черту сознания тем, что каждую мысль облек в форму предложения, а предложение развил в форму периода. Остановочные пункты обыкновенно бывают заняты чувственными впечатлениями, особенность которых заключается в том, что они могут не изменяясь, созерцаться умом неопределенное время; переходные промежутки заняты мыслями об отношениях статических и динамических, которые мы по большей части устанавливаем между объектами, воспринятыми в состоянии относительного покоя" (*Джемс*, 1905, с. 131). Джемс называет остановочные пункты устойчивыми частями, а переходные промежутки изменчивыми частями потока сознания. Наше мышление постоянно стремится от одной устойчивой части, которую покинуло, к

другой. “При самонаблюдении, – отмечает Джемс, – очень трудно подметить переходные моменты в их настоящем виде” (*Джемс,* 1905, с. 131). “Эти состояния, т.е. сознавание отношений между явлениями сознания – пространственных, временных, сходства, различия, невозможно схватить самонаблюдением” (*Ждан,* 1990, с. 196). Джемс специально подчеркивает, что в случае переходных состояний попытка самонаблюдения бесплодна – “это все равно, что схватывать руками волчок, чтобы уловить его движение”. Интеллектуализм и сенсуализм, по мысли Джемса, есть абсолютизация, “чрезмерное преувеличение значения”, придаваемого переходным или более устойчивым состояниям сознания. Тем не менее, трудности самонаблюдения не являются оправданием для традиционной психологии, которая, фактически, изучает артефакты: “Традиционные психологи рассуждают подобно тому, кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок воды. Эту-то свободную, незамкнутую в сосуды воду психологи и игнорируют упорно при анализе нашего сознания. Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него “воды” и замирает в ней. С образом связано сознание всех окружающих отношений, как близких, так и отдаленных, замирающее эхо тех мотивов, по поводу которых возник данный образ, и зарождающееся сознание тех результатов, к которым он поведет. Значение, ценность образа всецело заключается в этом дополнении, в этой полутени окружающих и сопровождающих его элементов мысли, или, лучше сказать, эта полутень составляет с данным образом одно целое – она плоть от плоти его и кость от кости его; оставляя, правда, самый образ тем же, чем он был прежде, она сообщает ему новое назначение и свежую окраску. Назовем сознавание этих отношений, сопровождающее в виде деталей данный образ, *психическими обертонами*” (*Джемс*, 1905, с. 136). “Сознание отличается селективностью, т. е. избирательностью: в нем всегда одно состояние выдвигается вперед, другое, наоборот, отходит на задний план в соответствии с тем, что нужно, важно, интересно данному индивиду. Селективность отличает наши переживания, во внешнем мире все предметы имеют одинаковую степень реальности” (*Ждан,* 1990, с. 196).

Из вышеизложенного понятно, что Джемс является сторонником самонаблюдения. Любые “строгие” процедуры, например, вундтовские требования к лабораторному эксперименту, по Джемсу, являются искусственными попытками “резать ножницами воду”, неминуемо обреченными на неудачу. Единственным методом психологии, кото-

рый может дать результат, является “анализ цельных, конкретных состояний сознания”.

Таким образом, согласно Джемсу, методом психологии является самонаблюдение, направленное на поток сознания. Выраженный функциональный подход У. Джемса, рассматривающий сознание не как структуру, а как функцию (“сознание... по всей вероятности, развивалось, как и другие функции, потому что оно полезно...” (*Фресс,* 1966, с. 58) сделал психологическую концепцию *жизненной:* “...мы получаем живое понимание душевных явлений, удерживая наше внимание возможно дольше на конкретных состояниях сознания во всей их цельности, между тем как анализ психических элементов есть, так сказать, анализ post mortem (посмертный). В последнем случае мы имеем дело не с жизненными явлениями, а с искусственными абстракциями” (*Джемс,* 1905, с. VI–VII).

И еще одно, последнее замечание, касающееся психологического метода Уильяма Джемса. В силу некоторых обстоятельств (главным образом, по причине целостности подхода) самонаблюдение у Джемса это не просто эмпирический метод. В своих “Основаниях психологии”, оценивая тезис Брентано об истинности внутреннего восприятия (“Феномены, постижимые умственно, верны сами по себе”), Джемс пишет: “Если бы иметь чувства или мысли в их непосредственной данности было бы вполне достаточно, то дитя в колыбели было бы психологом и вдобавок непогрешимым!” (*James,* 1890 v. 1, p. 189). Действительно, самонаблюдение Джемса не просто эмпирический метод, а соединенный с интерпретацией (главным образом, функциональной направленности): то, что неискушенному читателю может показаться результатом простого самонаблюдения в действительности является результатом тонкого анализа, осуществленного автором. В книге “Многообразие религиозного опыта” этот метод опосредствованного анализа становится ведущим. Таким образом, можно констатировать, что и в области метода Джемс стал предшественником опосредствованного психологического метода, который еще только будет “завоевывать” психологию.

Интроспекция в научной психологии: Вюрцбургская школа

Вюрцбургская школа, получившая свое название от Вюрцбургского психологического института (г. Вюрцбург, Бавария, Германия), возникла на рубеже XIX и XX вв. Ее создателем был Освальд Кюльпе (1862–1915), бывший учеником В. Вундта и “одним из первых психологов, сформировавшихся на базе своей собственной дисциплины”

(*Фресс*, 1966, с. 36). Эта школа, в которой кроме Кюльпе работали Карл Марбе, Генрих Ватт, Нарцисс Ах, Август Мессер, Карл Бюлер, Клифтон Тейлор и др., внесла существенный вклад и в разработку метода интроспекции, и в изучение мышления. Можно сказать, что психологи из Вюрцбурга были пионерами экспериментального изучения мышления. На этой стороне их исследовательской деятельности мы остановимся в следующем разделе. А сейчас обсудим модификации интроспективного метода в Вюрцбургской школе.

Л.И. Анцыферова отмечала, что “в опытах Вюрцбургской школы интроспективный метод достиг своего апогея” (*Анцыферова*, 1966, с. 61). Это безусловно верно: возможности самоотчета испытуемого использовались максимально полно, интроспекция как таковая дополнялась ретроспекцией. Нарцисс Ах, например, настаивал на том, что самонаблюдение должно носить преимущественно ретроспективный характер, т. к. интроспекция не просто искажает наблюдаемое явление, но меняет его содержание.

Вундтовская психология как наука о непосредственном опыте полагала, что она четко определила свой предмет. Испытуемый должен описывать структуру непосредственного опыта, по возможности, расчленяя на составные элементы. Как справедливо отмечалось в психологической литературе, экспериментальные данные, полученные в опытах физиологических психологов, “содержали совершенно разнородные сведения, состоявшие частично из интроспективных отчетов, а частью из отчетов испытуемых о том, что именно они воспринимают в окружающем мире, и, наконец, из показателей о зависимости двигательных реакций от тех или иных изменений раздражителей” (*Анцыферова,* 1966, с. 59–60). В физиологической психологии оба вида словесного отчета считались интроспекцией.

В Вюрцбургской школе интроспекция получила более четкие границы: поскольку изучалось в основном мышление, то, естественно, испытуемые должны были описывать не качества раздражителей и не сами раздражители, а собственно мыслительные процессы. По мнению самого Аха, основное отличие вюрцбургской интроспекции заключалось в том, что “опытах Вюрцбургской школы интроспекция применялась в строго контролируемых стандартных условиях” (*Анцыферова*, 1966, с. 61). Особая роль отводилась изменениям внешних условий: систематическое экспериментальное наблюдение немногого стоит, если “не удается благодаря изменению внешних условий эксперимента и инструкции вызвать соответствующее изменение внутренних переживаний и, таким образом, благодаря вариации внешних

обстоятельств, осуществить контроль за данными самонаблюдениями" (*Анцыферова,* 1966, с. 61). Как резюмирует сам Н. Ах: "Метод систематического экспериментального самонаблюдения состоит в том, чтобы в следующий за опытом промежуток времени подвергать полному описанию и анализу переживания испытуемого, стимулированные внешними средствами" (*Ach,* 1905, s. 8). Лидер школы подчеркивал именно систематический характер самонаблюдения в Вюрцбургской школе: "Ранее в психологических исследованиях не старались добиваться после каждого опыта сведения о всех соответствующих переживаниях, удовлетворялись случайными показаниями испытуемого по поводу явлений, особенно бросающихся в глаза или отклоняющихся от нормы и разве только после целого ряда совокупных исследований выспрашивали главное на основании сохранившихся у испытуемого воспоминаний. Таким путем освещались только наиболее характерные душевные явления. Близкое знакомство наблюдателей с традиционным кругом понятий об ощущениях, чувствах и представлениях не позволяло им заметить и назвать то, что не было ни ощущением, ни чувством, ни представлением. Лишь только опытные испытуемые на основании самонаблюдения над переживаниями во время исследования начали сообщать непосредственно после опыта полные и беспристрастные данные о течении душевных процессов, тотчас же обнаружилась необходимость расширения прежних понятий и определений. Было обнаружено существование таких явлений, состояний, направлений, актов, которые не подходили под схему старой психологии" (*Кюльпе*, 1914, с. 50). В этом фрагменте из обобщающей статьи Освальда Кюльпе хотелось бы обратить внимание на два момента. Первый: фактическая констатация обусловленности самонаблюдения теоретическими взглядами наблюдателя. Второй: разумеется, "расширение прежних понятий" было вызвано не "опытностью" испытуемых (хотя она вне подозрений: испытуемые Кюльпе, Бюлер, Мессер и др. были и опытны и квалифицированны), а тем, что объектом интроспекции стала деятельность мышления, что привело к появлению в отчетах данных о "несенсорных" элементах. Их, как известно, обнаружили и Бине (*Binet*, 1922, 1969), и Вудвортс (*Boring,* 1950, *Berline*, 1965), не использовавшие систематического экспериментального самонаблюдения в вюрцбургском варианте. Но стремление к систематичности выразилось, в частности, в том, что изучаемое явление для удобства описания делилось на этапы и каждый этап описывался отдельно.

Метод интроспекции, как уже упоминалось, достиг в Вюрцбургской школе своего апогея. Это выразилось, в частности, в том, что в этой школе предъявлялись максимальные требования к испытуемым. Это одно из немногих направлений в психологии, где с гордостью указывали фамилию испытуемого (проф. Кюльпе, проф. Мессер и др. – заметим, что доценты в качестве испытуемых встречаются не так часто). По точной характеристике Л.И. Анцыферовой, в Вюрцбургской школе "грань между экспериментатором и испытуемым по существу стиралась: каждый испытуемый являлся одновременно экспериментатором, наблюдающим сущность своего мышления. Почти ко всему циклу проведенных вюрцбуржцами экспериментов относятся слова Бюлера, высказанные им по поводу работы Мессера. В ходе проведения опытов, пишет Бюлер, Мессер чувствовал себя в некоторой степени лишь редактором того, что высказывали его испытуемые Кюльпе и Дюрр" (*Анцыферова*, 1966, с. 62). Проанализируем метод в Вюрцбургской школе более подробно. Обратим внимание на то, что исследования мышления начинались с классической схемы, приложенной к новому объекту – мышлению. Мышление понимается как в логике: исследуется суждение. Возьмем в качестве примера исследование К. Марбе. "Испытуемым предлагались различные вопросы, вызывавшие у них процессы суждения... Непосредственно после опыта испытуемый должен был описать, что было им пережито. Испытуемыми были проф. Кюльпе и проф. Реттекен. Предлагались, напр. вопросы: "На какой реке находится Берлин?" Ответ (Кюльпе): – "На Шпрее". – При этом возник зрительный и слухо-двигательный образ этого слова. – Вопрос: "Сколько будет 6 раз 15?" – Ответ: "90". – При этом возникли неясные двигательные образы 15 и 6" (*Кюльпе*, 1914, с. 84–85). Усложнение заданий (т.е. при более сложных суждениях, особенно абстрактного характера) приводит к появлению Bewusstseinlagen – "положений сознания".

Начинается интенсивная разработка новой области. Она была направлена на поиск элементов мышления. Программа анализа (структурного) непосредственного опыта, предложенная еще Вундтом, применяется на новом материале. Л.И. Анцыферова в своем исследовании, посвященном Вюрцбургской школе, отмечает: "Строя свои системы по типу других более развитых наук, Вундт и Титченер основными единицами психики считали ощущения, образы, (представления) и чувства. Опыты представителей Вюрцбургской школы обнаружили невозможность уложить все богатство психической жизни человека в эту метафизическую систему независимых друг от дру-

га статических единиц. Оказалось, что человек осознает отношения и взаимосвязи между окружающими его предметами, экспериментальными действиями и собственными мыслями. Истолковывая эти данные с позиций психологии сознания, представители Вюрцбургской школы по существу все виды отношения свели к отношениям между мыслями и психическими состояниями, объявив "переживание отношений" основными элементами мышления, лишенными чувственно-наглядного компонента" (*Анцыферова,* 1966, с. 64).

Исследования, ориентированные на поиски новых элементов, из которых состоит мышление (знание, знаемость, осознание, по Аху; мысли, по Мессеру и по Бюлеру) привели к усложнению заданий (некоторые задания требовали серьезного интеллектуального усилия). В этих условиях оказалось возможным изменить акцент в исследовании, внести изменения в инструкцию испытуемому и направить его внимание не на фиксацию содержаний (представлений или ненаглядных содержаний, отношений, мыслей), но на процессы, предшествующие появлению этих содержаний. Еще раз обратим внимание на то, что это стало возможным при достаточном усложнении заданий. При элементарных заданиях (подобных описанным выше, в которых Кюльпе должен был вспомнить, на какой реке стоит Берлин), где требуется лишь актуализация опыта, проследить процессы чрезвычайно трудно. Таким образом, в исследованиях вюрцбуржцев появляется схема процесса. Она становится "работающей" далеко не у всех. Примером может служить работа Карла Бюлера. "Характеристика мышления как процесса решения задачи уже используется Бюлером в качестве основы его исследований. Отказываясь дать сколько-нибудь полное определение мышления, Бюлер считает необходимым и достаточным для этого задать человеку вопрос, на который тот обязательно должен ответить. Вопрос вызывает возникновение в уме человека задачи, решение которой и составляет суть мышления. Но Бюлер отказывается исследовать, как он выражается, "диалектику мышления", ограничивая свою задачу поисками ненаглядных элементов и их подробной характеристикой" (*Анцыферова*, 1966, с. 75). Это очень важный момент: появление новой схемы не обязательно ведет к "переориентации" исследования, выражающейся в изменении методики. Об изменениях в методах, произошедших в Вюрцбургской школе, писал М.Г. Ярошевский: "Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, описать, какие события происходят в их сознании при решении какой-либо экспериментальной задачи" (*Ярошевский*, 1985, с. 316). В этом отношении важно подчеркнуть, что вюрц-

буржцы не были изобретателями “схемы процесса”, они лишь распространили ее на новую область – мышление, когда оказалась “освоенной” структурная схема. Поясним это. Открытие Ваттом феномена задачи создало основу для использования процессуального анализа мышления. Н. Ах начал такой анализ, Бюлер, как мы видели, отказался, поскольку счел неисчерпанной структурную схему и предпочел выявлять виды “ненаглядных” содержаний в мышлении (Бюлером, напомню, было выделено три типа мыслей). В своей поздней статье О. Кюльпе подчеркивает тот факт, что обращение внимания исследователей на механизмы явлений произошло до вюрцбуржцев: “После того, как Вундт в своей книге “Основы физиологической психологии” (1874) значительно расширил цели новой науки и попытался привести ее в систему, открытие его психологического института для организации исследований в этой области имело значение новой научной эры. Однако, лишь психологические исследования звука Штумпфом и сочинения Эббингауза о памяти решительно придали экспериментальным работам чисто психологический характер. В этот последний период нашей науки для эксперимента стала доступна большая психическая жизнь, память, чувства и воля, интеллектуальные функции и психическая активность. Самые главные для Фехнера элементы – раздражители и вызываемые ими ощущения оттеснены в круг своих собственных интересов и проблем. Эволюцию такого рода легче всего иллюстрировать примером исследования Мюллером и Шуманом, начавшимся еще в конце 80-х годов. Уже Фехнер по этому вопросу провел круглым счетом 25000 экспериментов. Единственной целью, которую он при этом имел в виду, было подтверждение веберовского закона, который был для него необходим, как обоснование того отношения, которое он искал между телом и душой. Напротив, в работе Мюллера и Шумана этот вопрос совершенно устранен. Здесь говорится о веберовском законе, они его касаются лишь на немногих страницах, но *о самом механизме сравнения, о проявлении моторных и сенсорных процессов, о мотивах, которые побуждают нас* (курсив наш – *В.М.*) один вес считать тяжелее другого” (*Кюльпе*, 1914, с. 47). О. Кюльпе подчеркивает, что с этой фазой развития экспериментальной психологии совпадает направление, исследующее процессы мышления, развившееся в Вюрцбургском психологическом институте.

Изменив исходную схему (т.е. приняв схему мышления как процесса), Н. Ах вынужден модифицировать и сам метод. Он настаивает на том, чтобы испытуемые как можно тщательнее описывали сам процесс. Но даже прерывание процесса для того, чтобы получить ре-

троспективный отчет по части процесса положения не спасает. Ватт установил, что в самом начале эксперимента испытуемый несколько раз повторял задачу про себя, но затем не только проговаривание исчезает, но испытуемый вообще перестает осознавать задачу. Тем не менее ее действие обнаруживается, в частности, в том, что испытуемый дает правильные ответы. Интроспекция, однако, не позволяет получить исчерпывающего описания мышления как процесса. И тогда происходит то, что, по-видимому, можно назвать революцией в психологическом экспериментировании.

Дело в том, что Ах производит вспомогательный эксперимент, который моделирует интересующее явление. Речь идет об экспериментах с использованием гипноза: “Так одному из загипнотизированных дается следующая инструкция: “Будут показаны две карточки с двумя цифрами. При предъявлении первой карточки вы должны назвать сумму чисел, после подачи второй – разность”. После того, как испытуемый проснулся, ему была показана карточка с числами 6/2. Взглянув на них испытуемый произнес “восемь”. Карточка с цифрами 4/2 вызвала у него ответ “два”. На вопрос, почему он произнес слово “восемь” испытуемый ответил, что он испытывал настоятельную потребность сказать именно это слово” (*Анцыферова*, 1966, с. 77). И здесь необходимо подчеркнуть, что в этом эксперименте интроспекция выступает в весьма специфической роли. Интроспективные данные используются, но в качестве исходного материала. Так же как во фрейдовском анализе постгипнотического внушения, мы имеем дело с опосредованным исследованием: данные испытуемого являются очевидно лишь сырым материалом, адекватная интерпретация которого проводится (и вообще становится возможна) лишь исследователем, который этот эксперимент организовал и которому известно про факт внушения. Таким образом, Н. Ах в этом эксперименте продемонстрировал возможность интерпретации данных самонаблюдения совершенно определенным образом, а именно используя для интерпретации схему процесса: постгипнотическое внушение вызывает неосознаваемые процессы, которые своим результатом имеют интроспективные показания испытуемых. Такое использование дополнительного метода позволяет Аху сформулировать свою знаменитую концепцию детерминирующей тенденции.

Теперь можно дать новый вариант объяснения феномена, известного в психологии мышления как “беспорядки в изложении Аха” (*Humphrey*, 1951). Вот как характеризует этот феномен Л.И. Анцыферова: “...работа Аха производит странное впечатление на современно-

го психолога. Выводы о механизмах мышления в ней излагаются вне связи с огромным количеством приводимых до этого протоколов, содержащих ретроспективный отчет о данных самонаблюдения. Это обстоятельство побуждает некоторых современных психологов говорить о некоторой неряшливости некоторых работ Вюрцбургской школы, о хаотичности изложения. Хамфри посвящает специальный раздел “беспорядкам в изложении Аха”. Он указывает, что вывод Аха о детерминирующих тенденциях как главном механизме мышления совершенно не подготовлен. В главе, носящей название “Детерминирующие тенденции. Осознавание”, содержится положение, что исследования, описанные в предыдущих параграфах, делают необходимым понятие детерминирующих тенденций. “Это утверждение, – пишет Хамфри, – неожиданно для читателя, потому что детерминирующие тенденции были упомянуты ранее лишь в одном месте и то почти случайно, в ходе высказывания о том, что действие воли не обязательно “должно быть дано как сознательный опыт... Фактически, следовательно, понятие детерминирующих тенденций не является необходимым для описания экспериментов”. Отмечая этот факт, Хамфри не вскрывает его причину, которая заключается в том, что Ах не мог непосредственно прочесть в отчетах самонаблюдения о механизмах мышления и вынужден был работать иным, непривычным методом, оставшимся за пределами изложения” (*Анцыферова*, 1966, с. 75–76). Это очень точная оценка. К ней стоит добавить лишь то, что этот фрагмент в работе Н. Аха представляет собой поворотный пункт в истории психологии мышления. Психология познания перестает быть непосредственной наукой. В анализе, проведенном Ахом, можно увидеть, что психолог использует “теоретический” метод, основанный на схеме процесса. Конечно, это еще не в полном смысле теоретический метод, это “всего лишь” интерпретация. Но это, во-первых, не произвольная процедура (в чем радикальное отличие от философских рассуждений) и, во-вторых, это метод собственно психологический, сохранивший “родство” с интроспекцией как эмпирическим методом. (“Если бы испытуемый мог осознать свой мыслительный процесс, он дал бы такую ретроспекцию”). Использование теоретического метода, кроме того, означает, что психология становится по-настоящему теоретической наукой. Формула Вундта, согласно которой наука – это факты, обработанные по законам логики, становится очевидно несостоятельной. В науке появляется теория, которая есть нечто большее, чем обобщение фактов.

Использование метода интроспекции в Вюрцбургской школе критиковалось В. Вундтом. Процедура исследования в Вюрцбурге казалась настолько произвольной (по сравнению со строгостью лабораторного эксперимента в лаборатории в Лейпциге в стандартизованных условиях и многократного повторения), что Вундт искренне полагал, будто экспериментирование по-вюрцбуржски является шагом назад в научном отношении. В действительности все дело было в том, что очень сильно различались стоящие перед Вундтом и перед вюрцбуржцами задачи. Вюрцбургским психологам, желающим исследовать процесс мышления, вундтовские стандартные процедуры помочь уже ничем не могли. Даже прямой опрос испытуемого, фактически, диалог с ним не давал ответа на вопросы, которые их интересовали. Дело в том, что вундтовские процедуры были нацелены на описание элементов сознания.

Действительно, в Вюрцбургской школе метод интроспекции достиг апогея. Он многое дал. С другой стороны стала очевидна его ограниченность. Психология подошла к тому рубежу, за которым стало ясно, что психология как непосредственная наука о сколь-нибудь сложных явлениях невозможна. В этом убеждали факты, полученные психоанализом, утверждавшим, что непосредственный опыт может быть “защитным построением”, поэтому его достоверность попадает под сомнение. С другой стороны, интроспекция обнаружила удивительную зависимость от исходных посылок: в Лейпциге прекрасно описывались элементы непосредственного опыта, в Корнелле испытуемые редко допускали “ошибку стимула”... Взаимные обвинения не были конструктивными и ни к чему не вели. Скажем, Титченеру явно не нравилось, что в опытах вюрцбуржцев обнаружился несенсорный характер мысли. Был произведен целый ряд опытов, в которых изучались различные явления (например, ожидание) и обнаружилось, что наглядных образов, действительно, было немного, но зато все испытуемые указывали на мышечные ощущения, изменения дыхания и т.п. Поскольку характер заданий различался, аргументы эффекта не имели. Вундт также критиковал методику эксперимента в Вюрцбургской школе, считая, что она нарушает каноны физиологической психологии.

Метод интроспекции в чистом виде использовался только в Корнелльском университете Титченером. В других исследованиях он начал заменяться методом словесного отчета или феноменологическим (как в гештальтпсихологии) и т.д.

Использование метода систематического экспериментального самонаблюдения в Вюрцбургской школе стало поводом для многочисленных дискуссий о методе интроспекции. Стало очевидно, что метод интроспекции дает результаты, подтверждающие теоретические положения, разделяемые исследователями. Попытки ввести критерии надежности интроспекции, подобные предложениям Бюлера о "критерии имманентной непротиворечивости" (состоявшего в том, что накопление большого числа согласующихся показаний испытуемого в различных ситуациях повышает достоверность результатов), успеха не имели.

Об эволюции интроспекции

Декартовское представление о сознании, как было сказано, послужило основанием для возникновения эмпирической психологии. Философская интроспекция обосновывала возможность получения достоверных данных о душе, но не являлась специальным методом. Об интроспекции как специальном методе получения данных о сознании (душе) можно говорить в философской психологии. Эмпирическая психология допускала использование метода интроспекции для получения конкретных данных о сознании, хотя использование метода было бессистемным, хаотическим. Часто использование метода сводилось к проведению мысленного эксперимента, который должен был подтвердить справедливость рассуждений. Важно подчеркнуть, что логика рассуждения определялась принципами *системы*, из которой исходил автор. Соответственно, психология строилась или как естественная история, или по образцу механики, или по образцу химии ("ментальная химия"). Таким образом, интроспекция, хотя и провозглашается методом эмпирической психологии, реально эмпирическим методом не является, выступая, как уже говорилось, скорее средством контроля рассуждения. Отметим, что другие источники знания о душе были хорошо известны (объективное наблюдение, анализ произведений искусства, сравнительный метод и т. д.), но предпочтение имел метод интроспекции, т. к. предполагалось, что самонаблюдение способно давать *достоверное* знание.

Та интроспекция, которая использовалась в научной психологии, отличалась систематичностью и большей строгостью. В научной психологии самонаблюдение стало эмпирическим методом: предполагалось, что психология будет основана исключительно на данных опыта. Еще Д.С. Милль, отвечая на критику Контом интроспективного метода, отмечал, что в действительности интроспекция включает в се-

бя элементы памяти, т. е. в действительности представляет собой ретроспекцию. Поскольку идея метода сохранялась, никто против такого расширения интроспекции в научной психологии сильно не возражал. Даже Титченер, который, как известно, был особенно непреклонен и настаивал на аналитическом характере процедуры. Э. Боринг замечает, что в интроспекции Титченера “налицо чересчур большая зависимость от ретроспекции. Порой требовалось двадцать минут на то, чтобы описать продолжавшееся 1,5 секунды состояние сознания, и в течение этого времени испытуемый ломал голову, силясь вспомнить, что же на самом деле случилось за более чем за 1000 секунд до этого, опираясь естественно, на предположения” (*История психологии*, 1992, с. 27). Увеличение “строгости” самонаблюдения означало, что оно в значительно большей степени, чем раньше, ставилось в контролируемые условия (например, физиологического эксперимента), либо указывался новый объект (описывать именно акты, а не содержания). Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что в различных вариантах интроспективный метод выглядел существенно поразному.

Вильгельм Вундт: интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более строгой, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры сознания, описывать элементы, из которых построено сознание.

Франц Брентано: интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Брентано полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Брентано, принятая в лабораториях В. Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Брентано, интроспекция должна изучать сознание в его “целостности” и “доподлинности”.

Эдвар Титченер: интроспекция должна быть аналитической интроспекцией, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в “ошибку стимула”, которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для этого необходимо изгнать из языка ин-

троспекции “значение” и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт.

Вюрцбургская школа: интроспекция используется в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения, состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Использовался метод перерыва, ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая подготовительные этапы.

Уильям Джемс: в интроспекции должны открываться не “элементы сознания”, не его “атомы”, а целостности – “поток сознания”.

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX века ее называли проблемой интроспективного апперципирования. Обратим внимание на тот факт, что все научные психологи, использовавшие метод интроспекции настаивали на том, что испытуемый должен быть “тренированным”. Известно, что вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали подходящим источником информации *(Boring*, 1953). Зачем требовалось так много опытов? Затем, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. Стоит ли удивляться, что у Вундта в Лейпциге испытуемые прекрасно описывали элементы сознания, а у Титченера в Корнелле редко совершали “ошибку стимула”? Обсуждая этот вопрос, С.В. Кравков писал в книге “Самонаблюдение”: “С точки зрения психологической, интроспективное восприятие как акт опознавания представляет собою, аналогичную восприятию внешнему, деятельность внимания или апперцепцию, долженствующую сообщать ясность и отчетливость объекту, и связанную с более или менее полно формулированным обозначением (нотированием) его” (Кравков, 1922, с. 41–42). Нельзя не согласиться с С.В. Кравковым в том, когда он утверждает, что в “интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперципирования наличных переживаний оказывается, мы сказали бы, центральным в ее методологии” (*Кравков*, 1922, с. 42).

Действительно, идея метода одна: “воспринимание нами наших переживаний в их качественной окраске”, доставление “описательного материала для науки как системы” (*Кравков,* 1922, с. 41). А реально описывается либо структура, либо функция, либо процесс. Сам характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были зани-

маться интроспекцией, способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса, для этого нужны более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного результата и т. д. Инструкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются – все "работает" на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует "теоретическим" ожиданиям. Л.И. Анцыферова отмечала, характеризуя особенности исследовательской деятельности в Вюрцбургской школе: "В экспериментах при этом участвовали, как правило, психологи, работавшие в данном направлении. Во время предварительных опытов у них вырабатывалось умение осознавать именно то, что отвечало их теоретическим взглядам. Такая избирательная установка или "задача" самими испытуемыми не осознавалась (это было убедительно показано в опытах Вюрцбургской школы), но определяла результаты экспериментов" (*Анцыферова,* 1966, с. 72). Об этой опасности предупреждал еще Г. Эббингауз, призывавший не доверять экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения собственной теории (*Эббингауз*, 1911, с. 89). Он видел выход в том, чтобы организовать дело так, "как будто бы наблюдатель был посторонним человеком" (*Эббингауз,* 1911, с. 89). Но этого оказывается недостаточно: как убедительно показал Мюнстерберг, выдержка из книги которого приводилась выше, в любом самонаблюдении присутствует «нагруженность». Там она была физиологической, здесь она психологическая. В вундтовской лаборатории она проявляется в нацеленности на описание структурного состава сознания, у Аха на описание процесса мышления. Субъективизм, противоречивость результатов и невозможность объективной проверки вызвали разочарование в возможностях интроспекции. На смену интроспекции как непосредственному методу пришел метод словесного отчета, где самонаблюдение давало материал, который *интерпретировался* с каких-то теоретических позиций. Впрочем, это уже новая глава в истории психологии, нас же интересовали первые шаги научной психологии.

8.2.1.3.Становление метода эксперимента

Как уже упоминалось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, с времен Аристотеля. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то обратимся к векам не столь отдаленным. Истории использования метода эксперимента посвящены специаль-

ные труды Э. Боринга (Boring, 1929, 1950), С.Л. Рубинштейна (1973), К. Рамуля (1966), П. Фресса (1966) и многих других. Поэтому постараемся выделить основные качественно различные этапы в применении этого метода. Как справедливо отмечал С.Л. Рубинштейн, по вопросу об эксперименте в психологии можно увидеть весьма различные точки зрения. Известный историк психологии М. Дессуар видел в использовании эксперимента в психологии малозначительный эпизод. Другие авторы, например Э. Боринг, полагали, что применение эксперимента в психологии означает новую эпоху, с которой целесообразно вести отсчет истории психологии как науки. Полагаем, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо (Рамуль, 1966, с. 309).

В апреле 1787 года в предисловии ко второму изданию “Критики чистого разума” Иммануил Кант рассуждал о том, как определить, находится наука на верном пути или же движется ощупью. Вслед за математикой верным путем, по мысли Канта, пошло естествознание. “Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...” (Кант, 1964, с. 85–86). Использование метода эксперимента стало надежным признаком науки, находящейся на верном пути. На этом пути хотела оказаться и психология. По свидетельству Н.Н. Ланге, стремления применить эксперимент и к изучению психических явлений обнаруживаются приблизительно с половины XIX в. и находятся в тесной связи с расцветом экспериментальной физиологии. Систематическое использование эксперимента многими историками психологии расценивалось как важнейшее событие. Фон, на котором

это событие произошло, Поль Фресс описывал следующим образом: “Философы, которые начиная с Декарта ставили перед собой эпистемологические вопросы, были постепенно подведены к психологическим проблемам. Эмпириков интересовало, как образуются сложные восприятия и ассоциируются идеи. Идеалистическое направление в противовес наивному реализму обращало особое внимание на роль организма и активности духа в происхождении наших ощущений и идей. На встававшие перед ними психологические проблемы философы давали пока лишь теоретические ответы, в рамках своих систем, и даже эмпирики для подтверждения своих теорий не прибегали к попыткам эксперимента, хотя и не отрицали самой возможности экспериментирования в психологии” (Фресс, 1966, с. 26–27). “Поворотным пунктом в истории психологии, началом ее формирования как самостоятельной области научного знания явился тот исторический момент, который характеризовался превращением психических явлений в предмет экспериментального исследования”, – так оценивал роль метода эксперимента Б.Ф. Ломов (Ломов, 1990, с. 7). “По существу, с этого момента психология и начала развиваться как наука. Этот качественный скачок в динамике психологического знания был подготовлен всем предшествующим ходом развития науки и общественной практики” (Ломов, 1990, с. 7). Столь же категоричен в оценке роли эксперимента в истории психологической науки Ю.М. Забродин: “Собственно, можно сказать, что эксперимент конституировал психологию как самостоятельную науку, построенную на опытном знании” (Забродин, 1990, с. 16).

В самое недавнее время аналогичную позицию высказывает В.В. Козлов: «Можно с уверенностью утверждать, что первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий и первые эксперименты с данным предметом (Г.Т. Фехнер) посвящены измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построению психофизических шкал» (Козлов, 2006, с. 133). Как мы увидим, с такой позицией согласиться нельзя.

Итак, с мнением, что научную психологию конституировал эксперимент, согласны многие, как представители психологии позапрошлого и прошлого веков, так и наши современники. Но не все. Видный историк психологии Макс Дессуар (1867–1947) в своем «Очерке истории психологии» (Дессуар, 1912) расценивал начало использования эксперимента как обстоятельство малозначащее, эпизод, не сыгравший существенной роли в судьбе науки. Вероятно, необходимо согла-

ситься с С.Л. Рубинштейном, отмечавшим, что история формирования психологии как самостоятельной науки не получила еще адекватного освещения.

На наш взгляд, источником многочисленных недоразумений по поводу использования эксперимента в психологии является упрощенное и неисторичное понимание самого психологического эксперимента. Нельзя ориентироваться только на внешнюю сторону метода. Как свидетельствует история психологии, виды психологического эксперимента многообразны, сам эксперимент может использоваться в сочетании либо с интроспекцией, либо с объективным наблюдением. Еще В.М. Бехтерев отмечал, что «эксперимент также может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента» (Бехтерев, 1991, с. 9). Поэтому рассмотрим основные виды эксперимента, применявшиеся в психологии позапрошлого века. Напомним лишь, что целью нашей работы является не историческое описание, а методологический анализ, направленный на выявление возможной связи метода с теоретическими представлениями исследователей.

Еще раз повторю: история пишется победителями. История психологии в этом отношении отнюдь не исключение. Поскольку в конечном счете оказалось, что будущее за экспериментальной психологией (эпитет «экспериментальная» практически «автоматически» означал признание последней «научной»*), со временем стало казаться, что победа экспериментального метода была триумфальной: метод интроспекции оказался «замененным» методом объективного эксперимента. “Методу интроспекции, долгое время считавшемуся единственным в

---

* В данной связи любопытно свидетельство П. Фресса, отмечавшего: «Мы довольно часто подчеркивали особый характер французской психологии, которая с самого начала называлась экспериментальной, чтобы нельзя было усомниться в ее научном характере. Но ни Рибо, ни Жане не были экспериментаторами, а Ж. Дюма посвятил экспериментированию лишь часть своей научной деятельности» (Фресс, 1966, с. 52). О.М. Тутунджян, обсуждая проблему становления экспериментальной психологии во Франции, ссылается на Б. Бурдона, свидетельствующего, что «в конце XIX в. во Франции экспериментальная психология понималась достаточно односторонне и отождествлялась в основном с экспериментами по гипнотизму (который, как известно, имел широкое распространение), поэтому эксперименталисты часто отождествлялись с гипнотизерами» (Тутунджян, 1990, с. 57). Современному психологу, вероятно, покажется странным перечень секций Первого международного конгресса экспериментальной психологии в Париже в 1889 году: гипнотизм, наследственность, мускульное чувство, галлюцинации (Ланге, 1993).

К этому стоит добавить, что С. Кьеркегор свой труд, посвященный анализу взаимоотношений с любимой девушкой, также снабдил подзаголовком: «Экспериментальная психология» [126]. Все это свидетельствует лишь о том, что выражение «экспериментальная психология» понимается сегодня и «век тому назад» весьма по-разному.

познании психического, и основывавшимся на нем умозрительным спекулятивным построениям был противопоставлен объективный метод эксперимента, позволяющий глубоко раскрывать законы психики и разрабатывать на этой основе действительную теорию психологии” (История становления…, 1990, с. 7).

В такого рода высказываниях, которых можно найти немало даже в специальной историко-психологической литературе много от мифа, созданного впоследствии адептами экспериментального метода. Дело не только в том, что метод эксперимента в течение весьма долгого времени, как уже говорилось, сочетался с интроспекцией. Дело даже не в том, что метод *научной интроспекции как эмпирический метод* (не путать с философской интроспекцией) появился практически одновременно с методом эксперимента в психологии. Можно сказать (ниже будет приведена попытка аргументировать эту точку зрения), что психологию *как науку* конституировала именно научная интроспекция как эмпирический метод (разумеется, если позволительно отрывать метод от других “конституирующих” условий).

Как уже говорилось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, с времен Аристотеля (напомним, что Аристотель предлагал осуществить эксперимент, чтобы убедиться в наличии соответствующей иллюзии). Говорить об использовании метода эксперимента в научной психологии, естественно, можно только, начиная с определенного этапа. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то отошлем читателя к прекрасному очерку П. Фресса, где подробно прослеживается предыстория научного эксперимента в психологии (Фресс, 1966). Как уже упоминалось, истории использования метода эксперимента в психологии посвящены специальные труды. Как справедливо отмечал С.Л. Рубинштейн, по вопросу об эксперименте в психологии можно увидеть весьма различные точки зрения. Так, если М. Дессуар видел в использовании эксперимента в психологии лишь весьма малозначительный эпизод, то другие авторы, напротив, полагали, что применение эксперимента в психологии означает новую эпоху, с которой, собственно, и начинается психология как наука. На наш взгляд, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии во-

обще неприменимо (Рамуль, 1966, с. 309). Не вдаваясь в дискуссии, сформулируем это по-другому: экспериментирование представлялось неуместным и не имеющим особого смысла. Это было время, когда ученые развивали “психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем” (Фресс, 1966, с. 18). Поэтому данные, полученные с помощью эксперимента, были не нужны: для подтверждения спекулятивных рассуждений было вполне достаточно внутреннего опыта (философская интроспекция, которую не стоит путать с научной). К.А. Рамуль выделяет несколько этапов, пройденных “психологическим экспериментом в его историческом развитии” (Рамуль, 1966, с. 309). Психологический эксперимент на первой, начальной стадии своего развития, продолжавшейся приблизительно до середины XIX столетия, до экспериментальных работ Фехнера, Гельмгольца и др., характеризуется, по К.А. Рамулю, следующими общими чертами. Вопрос, который пытаются решить экспериментальным путем, касается количественной стороны сравнительно простого явления – остроты зрения или наименьшего угла зрения, под которым можно еще видеть предметы, продолжительности положительного последовательного образа, величины порога различения, величины пространственного порога осязания и т.д. Общий метод состоит в том, что берут определенное раздражение и постепенно изменяют его до тех пор, пока не наступит определенный эффект, после чего определяют величину раздражения, при которой эффект впервые наступил (Рамуль, 1966, с. 309–310). Первые психологические опыты по своему общему методу представляются вполне аналогичными простым физическим опытам. Самонаблюдение при этих первых опытах носит элементарный характер, высказывания испытуемых касаются обыкновенно лишь наличия или отсутствия эффекта (Рамуль, 1966, с. 310). При этом слабо развито стремление путем контролирования условий опыта, многократного повторения, статистической обработки результатов, придать им большую точность и надежность (Рамуль, 1966, с. 311). П. Фресс отмечал, что «успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте» (Фресс, 1966, с. 27). Поэтому неудивительно, что первые психологи были физиологами, а иногда и химиками. Поскольку речь идет об области «пограничной» между физиологией органов чувств и «нарождающейся» психологией, то полезно, чтобы не совершить ошибку,

особенное внимание обратить на конкретные цели и задачи исследователей-экспериментаторов.

Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Т. Фехнер)

Густав Теодор Фехнер (1801–1887) – автор знаменитых «Элементов психофизики» (1860). «Этот труд по праву считается первым трудом по экспериментальной психологии» (Фресс, 1966, с. 28). С мнением П. Фресса, конечно, не согласиться нельзя, но на некоторых обстоятельствах остановиться все же следует. Частично потеряв зрение в результате неудачного физического эксперимента, Г.Т. Фехнер приходит к мысли о занятии психофизикой. Что такое психофизика, по Фехнеру? Психофизика – «точная теория об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром» (Боринг, 1974, с. 29). Фресс, безусловно, прав, утверждая, что «значение деятельности Фехнера определяется не его первоначальной мотивацией, а тем, что он взялся за психологическую проблему, создал экспериментальные методы ее решения и, наконец, попытался сделать обобщение, которое он назвал законом Вебера и которое ныне мы называем законом Фехнера» (Фресс, 1966, с. 29). Но чтобы понять смысл деятельности Фехнера, не обойтись без выявления его мотивов. Э. Боринг пишет в «Истории экспериментальной психологии»: «Фехнер дал четкое представление о природе психофизики как точной науки о функциональных отношениях или отношениях между душой и телом». Это представление выступило в качестве raison d'etre оправдания всего его труда. Наконец, мудрый вывод Фехнера о том, что он не в силах вести исследования психофизики по полной программе, а должен ограничить себя изучением ощущений, причем не ощущений вообще, а интенсивности ощущений. Он полагал, что окончательное доказательство его взглядов в одной области могло бы привести в конце концов к распространению этих взглядов на другие области» (Боринг, 1974, с. 22). Важно подчеркнуть, что психофизика понадобилась Фехнеру «для того, чтобы показать всю мнимость дуалистической проблемы, которая исчезнет, если будет найдено уравнение, верно отражающее отношения между душой и телом» (Боринг, 1974, с. 23). Отсюда понятно, что создавать психологию как науку или тем более конструировать методы для нее он вовсе не собирался. Поэтому Боринг прав, когда пишет о том, что Фехнером «был создан экспериментальный метод; этот метод не уступал по своему значению всему остальному и был порождением фехнеровского темперамента вопреки

Гербарту» (Боринг, 1974, с. 22). Напомним, что Гербарт, ратовавший за психологию как науку, тем не менее отрицал возможность достоверного психологического эксперимента. Возможность же существования психологии как науки находилась вне интересов Фехнера (в отличие, например, от экспериментальной эстетики, которой Фехнер с энтузиазмом, ему свойственным, занимался). Таким образом, можно констатировать, что психологии от Фехнера остался метод (она его позаимствовала, включив психофизику в *структуру психологии*). Но разрабатывался метод эксперимента Фехнером как психофизический, а не психологический. По мнению К.А. Рамуля, психофизический эксперимент Фехнера, в отличие от более ранних психологических и психофизических опытов, имеет следующие особенности: 1) использование специально выработанных экспериментальных процедур – методов едва заметных различий, истинных и ложных случаев и средней ошибки, 2) стремление к получению максимально возможно точных и надежных результатов, находящее выражение в многократном повторении того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов (Рамуль, 1966, с. 311). «Выработка специальных методов психофизического исследования означает начало, можно сказать, «психологизации» психологического эксперимента, начало перехода психологии от пользования экспериментальными методами, заимствованными от физики или физиологии, к пользованию своими собственными, специально психологическими методами, а многократное повторение того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов означает начало перехода в зарождающейся экспериментальной психологии от более или менее дилетантского и вследствие этого неточного экспериментирования к более точному научному исследованию» (Рамуль, 1966, с. 311). Сам Фехнер подчеркивал специфику *психофизики* как области, в которой возможно экспериментирование: «Психофизический эксперимент, до сих пор находивший лишь случайное место то в физическом, то в физиологическом кабинете для опытов, выступает теперь с претензией на свое собственное помещение, свою собственную аппаратуру, свои собственные методы» (цит. по (Рамуль, 1966, с. 312)). К.А. Рамуль, что особенно важно подчеркнуть, отмечает, что эксперимент на этом этапе имеет черты, сходные с экспериментами в прошлом: во-первых, элементарный характер исследуемых явлений; во-вторых, количественный характер опыта; в-третьих, сравнительно незначительная роль самонаблюдения. По точной характеристике О. Кюльпе, довундтовский эксперимент выглядит так: «Самонаблюдением не зани-

маются, испытуемые подобны автоматам, которых раздражают, и которые на это реагируют» (цит. по (Рамуль, 1966, с. 312)).

Подведем итоги. Г.Т. Фехнер, бесспорно, внес огромный вклад в разработку экспериментального метода. Поскольку Фехнер был не экспериментальным психологом, а психофизиком, это был психофизический метод. Фехнер разработал конкретные методические процедуры (метод истинных и ложных случаев, средних ошибок, минимальных изменений), реализующие психофизический метод. Психофизический подход Фехнера был включен последователями (в первую очередь В. Вундтом) в физиологическую, экспериментальную психологию. При этом вся психофизика была переосмыслена. Фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено. Психофизика стала интерпретироваться в духе психофизического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался теории тождества. Э. Боринг по этому поводу писал: «...точка зрения Фехнера на отношения между душой и телом не была точкой зрения психофизического параллелизма, а скорее соответствовала тому, что определяется как *гипотеза тождества*» (Боринг, 1974, с. 23). Методы Фехнера в экспериментальной психологии были применены к изучению другого *предмета*. Фехнер, таким образом, является одним из предшественников экспериментальной психологии: сам Фехнер психологом не был и психологические вопросы не разрабатывал.

Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г. Гельмгольц)

Еще одним предшественником экспериментальной психологии является Герман Гельмгольц (1821–1894). Хирург, затем профессор физиологии, а впоследствии профессор физики в Берлинском университете, он прославился своими исследованиями в области физиологии органов чувств. Наиболее известна его работа «Физиологическая оптика» (1855–1866), в которой рассматриваются как физические, так и физиологические и психологические аспекты. «Величайшим, может быть, примером психологического эксперимента является и доныне третья часть “Физиологической оптики” Гельмгольца, в которой этот основатель экспериментальной психологии, исследуя состав наших зрительных представлений о пространстве, выделил рядом целесоообразных и тонких опытов элементы этих представлений и определил их значение», – эти строки, принадлежащие Н.Н. Ланге, опубликованы в 1893 году. Конечно, Гельмгольц не был психологом. «Гельмгольц не был психологом, но его влияние на возникающую психологию было

весьма значительным» (Фресс, 1966, с. 31). Значительность его влияния объясняется тем, что он разработал технику функционального эксперимента: установление зависимости определенного явления от какого-либо фактора, т. е. выяснение функциональной связи переменных.

Как писал Фресс, «успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте» (Фресс, 1966, с. 27). Возможности экспериментального исследования ощущений и восприятий, продемонстрированн ые Гельмгольцем, также были ассимилированы рождающейся психологией. При этом, как мы увидим в дальнейшем, экспериментальный метод, прототипом которого был гельмгольцевский, будет использован экспериментальной, физиологической психологией, но уже применительно к другому предмету. Гельмгольц, как и Фехнер, не был психологом. Экспериментальные процедуры использовались им для решения конкретных исследовательских задач.

Метод эксперимента в научной психологии: В. Вундт

Вильгельм Вундт (1832–1920) был «одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины» (Фресс, 1966, с. 31). Как уже отмечалось, Вундт широко использовал метод эксперимента, сделав психологию экспериментальной научной дисциплиной. Программа, некогда провозглашенная Френсисом Бэконом, согласно которой природа легче открывает свои тайны, когда ее «пытает наука», оказалась распространена и на человеческую душу. В психологии стал использоваться эксперимент и (вспомним знаменитый кантовский тезис) она все же стала наукой.

В чем видел роль эксперимента в психологии В. Вундт? Напомним, В. Вундт выделил особую область – физиологическую психологию: «Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (Вундт, 1880, с. 2). «Проблемы этой науки как ни близко касались они физиологии, раньше большею частью относились к области психологии; средства же к решению этих проблем заимствованы от обеих наук. Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы» (Вундт, 1880, с. 2). Вундт указывает, что если подчеркивать самостоятельность мето-

да, то физиологическую психологию можно называть экспериментальной (в отличие от психологии, основанной исключительно на интроспекции). Главная область физиологической психологии – ощущения и произвольное движение. Вундт подчеркивает, что задача физиологической психологии «заключается в исследовании элементарных явлений психической жизни» (Вундт, 1880, с. 5). Исходной точкой эта психология должна иметь физиологические явления, с которыми психологические явления имеют теснейшую связь. Вундт резюмирует: «Таким образом, центр тяжести нашей науки не лежит в собственно в сфере внутреннего опыта, в который она старается проникнуть как бы извне. Именно поэтому-то она и может пользоваться экспериментальным методом, этим могущественным рычагом естествознания. Сущность эксперимента состоит, как известно, в произвольном, и, – поскольку дело идет об открытии закона отношения между причинами и их действиями, – в количественно определенном изменении условий явлений. Но искусственно могут быть изменяемы только внешние, физические условия внутренних явлений, и только они одни доступны внутреннему измерению. Отсюда очевидно, что может быть речь о применении экспериментального метода только собственно к психофизической области» (Вундт, 1880, с. 5).

Здесь хочется сделать небольшое отступление. И.Кант в свое время высказал сомнения по поводу того, что психология когда-либо станет наукой. Усилия Гербарта по применению математики в психологии, психофизические исследования подготовили почву к тому, что в значительной степени кантовские возражения оказались преодоленными. Из приведенных выдержек хорошо видно, что Вундт, по сути, дает «ответы» на кантовскую критику. Я прошу вспомнить, почему, по Канту, психология не может быть наукой («...в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению...»). По убеждению автора настоящих строк, это кантовское замечание в значительной степени предопределило вундтовскую программу, ориентированную именно на фиксацию, описание, каталогизацию и выявление законов соединения элементов. Таким образом, в течение целого столетия психология развивалась под влиянием кантовских идей. Иногда критика бывает действенной...

Общий вывод по вопросу о психологическом эксперименте Вундт формулирует так: «Тем не менее, было бы несправедливо оспаривать

возможность экспериментальной психологии; действительно, эксперименты, в сущности, могут быть только психофизическими, но не психологическими, если только под психологическими экспериментами понимать такие, в которых внешние условия внутренних явлений не играют никакой роли; но очевидно, что различия, получаемые от искусственного изменения условий явления, зависят не исключительно от характера самих условий, но также и от природы самого явления. Таким образом, путем изменения внешних условий мы можем изменять течение внутренней жизни, что существенно способствует выяснению для нас законов самой душевной жизни. В этом смысле всякий психофизический эксперимент есть в то же время эксперимент психологический» (Вундт, 1880, с. 5).

Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

1. Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
2. Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и прослеживать таким вниманием их во время протекания.
3. Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.
4. Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются.

В целом справедливо будет сказать, что метод эксперимента использовался Вундтом как вспомогательный, создающий оптимальные условия для самонаблюдения. Именно самонаблюдение давало информацию о внутреннем опыте. Метод эксперимента имел ограниченное значение еще потому, что распространялся, как мы видели, только на область физиологической психологии. Мышление, по Вундту, не может исследоваться экспериментально. Исследования психологов Вюрцбургской школы, в которых мышление было подвергнуто экспериментальному исследованию, критиковались Вундтом, т. к., по его мнению, в этих экспериментах систематически нарушались вундтовские требования к эксперименту в психологии.

Метод эксперимента в научной психологии: Г. Эббингауз

Герман Эббингауз (1850–1909), немецкий психолог, который, как отмечает П. Фресс, своей оригинальностью «обязан самостоятельности своего образования» (Фресс, 1966, с. 35). Сначала студент в Германии, кочующий из города в город по обычаю того времени, он отправляется затем в Англию и во Францию, где зарабатывает на жизнь трудом учителя. В Париже он случайно покупает «Элементы психофизики» Фехнера, которые производят на него сильное впечатление. Эббингауз извлекает из него указания для изучения более сложных процессов, таких, например, как память (Фресс, 1966, с. 35).

Г. Эббингауз приходит к мысли использовать число повторений в качестве меры памяти. Он придумывает большое количество бессмысленных слогов (2300), чтобы элиминировать ассоциативные связи, разрабатывает методы исследования памяти (метод заучивания, метод сбережения).

Г. Эббингауз, таким образом, был первым, кто нарушил предписание Вундта, распространив эксперимент за пределы области ощущений и движений. Как писал М.Г. Ярошевский, труд Эббингауза открыл новую эпоху в развитии экспериментальной психологии: «Изобретение Эббингауза позволило перейти от теории к эксперименту. По существу, оно было первым собственно психологическим методом, созданным психологом, поскольку всеми предшествующими методами психологию снабдили другие области, главным образом физиология. Веками психология руководствовалась учением об ассоциации. Теперь оно поступило в лабораторию на экспериментальную проверку» (Ярошевский, 1985, с. 255). М.Г. Ярошевский сопоставляет экспериментальную деятельность Эббингауза, Вундта и Гальтона: «Но на стороне Эббингауза было принципиальное преимущество. Оно состояло в переходе к объективному методу. Вундт считал устранение интроспекции из психологии бессмыслицей. На такую «бессмыслицу» и решился Эббингауз» (Ярошевский, 1985, с. 255). По нашему мнению, с этим утверждением согласиться полностью нельзя. Эббингауз не предпринимал никакой «бессмыслицы», он не пытался устранить интроспекцию. В его экспериментах (Эббингауз сам был испытуемым) интроспекция была не нужна, потому что производилось *измерение*, которое предполагает объективные показатели (количество повторений, время и т. д.). Когда же речь идет о *добывании научных фактов*, т. е. об эмпирических методах, на первый план выходит самонаблюдение. Характерно, что в своем фундаментальном руководстве «Основы психологии» в разделе «О памяти» Эббингауз делает

следующее замечание: «Лет 20 тому назад наши познания о явлениях памяти в существе ограничивались разобранными нами общими законами и немногими более определенными, но отчасти лишь малонадежными выводами из самых повседневных данных нашего опыта. С тех пор экспериментальное исследование успело овладеть предметом и выяснить огромное множество весьма важных подробностей» (Эббингауз, 1911, с. 193). Само изложение материала строится традиционно: душа, ее свойства, роль памяти и т. д. Результаты экспериментальных исследований излагаются в разделе «Изучение частностей», что, на наш взгляд, точно соответствует пониманию Эббингаузом роли экспериментальных методов в психологическом изучении памяти.

Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что опубликование книги «О памяти» (Ebbinghaus H., 1885) имело огромное стимулирующее влияние на психологию: возникло впечатление, что вундтовский запрет на экспериментирование в области высших психических процессов не был оправдан. Успех исследования Эббингауза послужил примером для многих, кто хотел бы ставить психологические эксперименты не по вундтовской схеме. Главный результат работы Эббингауза, бесспорно, в том, что было доказано: «экспериментальная психология может выйти за пределы области ощущений при условии нововведений» (Ярошевский, 1985, с. 35).

Метод эксперимента в научной психологии: Н.Н. Ланге

Ученым, внесшим большой вклад в мировую психологическую науку, был русский психолог Николай Николаевич Ланге (1858–1921). Окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета (Ланге учился у известного психолога Михаила Ивановича Владиславлева), Н.Н. Ланге отправляется в Европу «для приготовления к профессорскому званию» (во Францию и в Германию). В Лейпциге Ланге работает у Вундта, где становится сторонником использования экспериментального метода в психологии. Вернувшись в Россию, Н.Н. Ланге работает в Одессе в Новороссийском университете, где организует психологическую лабораторию.

Н.Н. Ланге не только был сторонником использования эксперимента и тонким экспериментатором, что позволило получить результаты, вызвавшие резонанс в мировой психологии и широко обсуждавшиеся на страницах научных журналов в Европе и Америке, но и одним из первых (уже в 1893 году) дал исторический очерк использования метода эксперимента в научной психологии и проанализировал возможности этого метода (Ланге, 1893). Кратко остановимся на ана-

лизе, сделанном Ланге. Ланге отмечает, что психологический эксперимент имеет особую ценность преимущественно в трех отношениях:

1) значение психологического эксперимента как улучшающего самонаблюдение;
2) значение эксперимента как особого логического метода (т.е. особого логического приема открытия зависимости между психическими явлениями);
3) значение эксперимента как средства измерения психических явлений.

Кроме того, Н.Н. Ланге выявляет значение объективного эксперимента в психологии («такого, в котором исследователь изучает психическую жизнь иного существа по ее внешним проявлениям или знакам в виде разнообразных движений и слов» (Ланге, 1893, с. XXXIV), усматривая его в экспериментах над загипнотизированными и в опытах над животными.

Знаменитое исследование Н.Н. Ланге, посвященное «закону перцепции», также выполнено методом эксперимента. Н.Н. Ланге характеризует закон перцепции следующим образом: «Мое исследование привело меня к убеждению, что в основе всех этих процессов лежит один принцип, один и тот же закон, и при том закон весьма общего характера и весьма своеобразного содержания. Этот общий закон можно выразить так: *процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференцированного*» (Ланге, 1893, с. 1).

Поскольку процесс перцепции состоит в быстрой смене все более и более частных, дифференцированных психических состояний, в обычных условиях мы не замечаем этих ступеней. «Но изменив обыкновенные условия восприятия, устроив эксперимент так, чтобы мы могли прерывать на известных ступенях цепь этих быстро сменяющих друг друга состояний сознания, мы убедимся в верности выставленного принципа, как он ни кажется удивителен на первый взгляд» (Ланге, 1893, с. 2).Внимание Н.Н. Ланге сосредоточено на исследовании процесса. Но было бы ошибкой считать, что для Ланге процесс просто смена быстро сменяющих друг друга стадий. Понятие процесс имеет для Н.Н. Ланге биолого-генетический смысл. «В этих ступенях сознания... надо видеть параллельность тем ступеням, которые развивались в процессе общей эволюции животных: по мере дифференцирования органов чувств и нервных центров, все более и более специальные

свойства вещей обнаруживались для сознания животного, совершенно параллельно тому, что вышеуказанный принцип обнаруживает в сознании индивидуальном. Подобно тому, как эмбриологическое развитие человека повторяет в несколько месяцев те ступени, которые некогда проходило общее развитие рода, так и индивидуальное восприятие повторяет в несколько десятых секунды те ступени, какие в течение миллионов лет развились в общей эволюции животных» (Ланге, 1893, с. 2) .Здесь очень важно подчеркнуть, что эксперимент для Ланге не средство получения эмпирического материала, а средство доказательства справедливости общего утверждения. Это отмечает и сам Н.Н. Ланге: «Лучшее средство для проверки и доказательства нашего утверждения могут дать те, столь хорошо ныне разработанные, методы экспериментальной психологии, которые называются психометрическими, и задача которых состоит в измерении продолжительности психических процессов. Действительно, если перцепция состоит в последовательной смене все более и более частных суждений, то измерение продолжительности разных по степени общности форм суждения должно ясно обнаружить, что суждение более общего характера требует менее времени, чем суждение более частное, и точно определить всю последовательность ступеней перцепции» (Ланге, 1893, с. 3). Н.Н. Ланге использует метод, который широко использовался в школе В. Вундта. В частности, используя такого рода методику, однофамилец русского психолога немец Людвиг Ланге в 1886 году обнаружил феномен различия сенсорной и мускульной реакций (в современной терминологии моторная и сенсорная установки). Для нашей темы чрезвычайно важно подчеркнуть, что в Лейпциге у Вундта интересовались в первую очередь структурой сознания. Как отмечает по этому поводу Н.Н. Ланге, «различие мускульной и сенсориальной реакции было первоначально обнаружено внутренним самонаблюдением и затем уже проверено объективными психометрическими результатами» (Ланге, 1893, с. 11). Н.Н. Ланге же интересует процесс перцепции («Как известно, прямо определять (инструментально) продолжительность психических процессов мы не можем. Все, что мы в состоянии, это – определять продолжительность между появлением какого-нибудь внешнего раздражения и каким-нибудь нашим сигнальным движением, которое обозначает, что это раздражение нами сознано» (Ланге, 1893, с. 3)), который измеряется объективно. Н.Н. Ланге не против интроспекции. Отдавая дань традиции, Н.Н. Ланге сам был испытуемым в собственных экспериментах («Вообще я думаю, что, по крайней мере в настоящем положении экс-

периментальной психологии, полезнее оставлять за собою место объекта опыта, предоставляя своему менее опытному товарищу управлять инструментами» (Ланге, 1893, с. 8)). Тем не менее, очевидно, что Н.Н. Ланге разрабатывает объективную психологию, где субъективные данные, полученные с помощью самонаблюдения выполняют лишь функцию контроля. Необходимо подчеркнуть, что эксперимент, по Н.Н. Ланге, направлен не на получение эмпирических данных («добывание фактов»), а на доказательство справедливости гипотезы. Эксперимент у Н.Н. Ланге используется как инструмент проверки гипотезы. Таким образом, метод эксперимента в психологии выступает у Н.Н. Ланге в существенно ином качестве (по сравнению с вундтовской физиологической-экспериментальной психологией).

Метод эксперимента в научной психологии: А. Бине

Французский психолог Альфред Бине (1857–1911) был сторонником экспериментального метода. «Будучи прирожденным экспериментатором, он больше верил фактам, чем теориям» (Фресс, 1966, с.53). Независимо от психологов из Вюрцбургской школы, А. Бине получил ряд сходных результатов. Как уже упоминалось, Вундт ограничил сферу применения эксперимента физиологической психологией. Г. Эббингауз распространил эксперимент на исследования памяти. А. Бине был сделан следующий важный шаг: он использовал метод эксперимента для изучения мышления. При этом, как справедливо отмечал С.В. Кравков, произошло расширение самого понятия эксперимента. По Вундту, «эксперимент мы имеем лишь тогда, когда оказываемся в состоянии путем количественно планомерно изменяемого материального раздражителя изменять эффект, непосредственно с ним связанный и регистрируемый, по возможности, объективно. Понятно, что подобной норме, действительно, наибольше могли соответствовать исследования области ощущений, волевых движений и физиологического выражения чувств, поскольку результаты таких исследований могли приобретать численный и объективный характер» (Кравков, 1922, с. 101). Распространение эксперимента на область мышления делает старое определение слишком узким: «Прежнее определение эксперимента оказывается уже слишком узким и материалистическим. Очевидно, что процессы мышления не стоят в однозначной связи с каким-либо внешним раздражением, как это имеет место в области ощущений. Равным образом, переживания мысли и не выражаются сколь-либо однозначно и непосредственно объективно» (Кравков, 1922, с. 101). Согласно Бине, «под раздражением следует

понимать не просто воздействие на наши органы чувств материального агента, но и всякое изменение вообще, которое экспериментаторы вызывают в сознании испытуемого по своей воле; так речь психолога есть раздражитель не менее определенный, чем обычные сенсорные раздражители» (Binet, 1922, p. 3–4). Испытуемыми в экспериментах Бине были его дочери Арманд и Маргерит. Они получали задания понять слово или выражение, найти понятие, находящееся в определенном отношении к заданному и т. д. Испытуемые должны были с помощью интроспективного наблюдения описать, что с ними происходило при выполнении задания. А. Бине настаивал, чтобы показания испытуемых были как можно полнее. Аналогичные требования выдвигали и психологи Вюрцбургской школы, так что возник вопрос о приоритете. А. Бине отстаивал свой приоритет в использовании метода систематического самонаблюдения. Для того, чтобы получить интересующую его информацию, А. Бине вступал с испытуемыми в диалог, использовал метод направленного, активного опроса. Бине, изучая роль образов в мыслительных процессах, прибегает, в целях лучшего уяснения и дополнения даваемой испытуемым картины переживаний, к постановке вопросов. Весь процесс дачи показаний приобретает у него в очень многих случаях характер достаточно длительного диалога между экспериментатором и испытуемым. (Кравков, 1922, с. 106).

Результаты, полученные Альфредом Бине в экспериментах по изучению мышления, в целом совпадают с итогами исследований вюрцбуржцев: обнаружен факт существования несенсорных компонентов, играющих значительную роль в мышлении. И Бине, и вюрцбургские психологи отмечали, что интроспекция не позволяет в необходимой степени фиксировать мысли испытуемого. П. Фресс замечает, что Бине пришел к тем же выводам, что и Вюрцбургская школа: существует мышление без образов, которое ускользает от интроспекции. Несмотря на этот вывод, Бине остался верен – в теории – интроспекции, не считая при этом, что она дает нам прямое и тем более безошибочное знание психических фактов (Фресс, 1966, с. 53).

К сказанному стоит добавить, что и вюрцбуржцы, и Бине исследовали структуру мышления, пытаясь выявить его состав (роль образов в мышлении, роль мыслей и т. д.). В Вюрцбурге Нарцисс Ах заинтересовался собственно процессом мышления, что, естественно, повлекло за собой и изменение самого эксперимента. На этом основании некоторые авторы (например, С.В. Кравков) рассматривают исследования Аха отдельно, противопоставляя его работы другим вюрцбуржцам.

Мы думаем, что для этого нет достаточных оснований: просто Ах модифицировал свою исследовательскую программу, внеся необходимые изменения (к слову сказать, такую возможность имел и Бюлер, но, как известно, ее не использовал).

Метод эксперимента в научной психологии: Вюрцбургская школа

Психологи из Вюрцбургского психологического института приступили к исследованию мышления. Схема экспериментов была следующей: испытуемым предъявлялись слова, «отправляясь от коих они должны были совершать определенный умственный процесс, как-то: понять слово, найти к нему кординированное, родовое или видовое понятие, найти какое-либо прилагательное, представить наглядно названный предмет и т. п.» (Кравков, 1922, с. 102). В других случаях требовалось связать предъявленные слова в требуемом отношении, давались выражения, в том числе и абстрактного, философского содержания и требовалось их оценить.

Следует особенно подчеркнуть, что в экспериментах в Вюрцбургской школе наблюдается активное взаимодействие экспериментатора и испытуемого, выражающееся в прямом «выспрашивании».

С.В. Кравков отмечает: «Возможность давать различные инструкции, вынуждающие испытуемого, отправляясь от данных слов, производить различные мыслительные деятельности, то найти родовое понятие, то предицировать и т.п., равно как и возможность по известному плану предъявлять испытуемому задачи, различные по своему содержанию, форме и входящим в них образам, дает, по мнению исследователей пользующихся подобным методом, ту возможность планомерной вариации условий, которая является существенной характеристикой всякого, претендующего на научность, экспериментирования» (Кравков, 1922, с. 103). «Подобная схема опыта с распределением функций между двумя лицами, – ставящим вопросы экспериментатором и отвечающим на них испытуемым, – имеет, по мнению применявшего ее Бюлера, те выгодные стороны, что позволяет нам, во-первых, по произволу, когда угодно, вызывать у испытуемого подлежащие изучению мыслительные процессы; во-вторых, вызывать их в сознании испытуемого независимыми от каких-либо предвосхищений и произвольного в них вмешательства со стороны последнего, что является неизбежным, когда какая-либо мыслительная задача ставится субъекту им же самим, и он ее таким образом уже заранее намечает» (Кравков, 1922, с. 103). Чтобы в сознании испытуе-

мого порождались действительно мыслительные процессы, а не механические ассоциации, ставятся серьезные, трудные мыслительные задачи. Благодаря этому испытуемые полностью отдаются работе мысли, на основании чего делается вывод об отождествлении мышления в эксперименте с мышлением в обычных условиях (Кравков, 1922).

В экспериментах Вюрцбургской школы, как упоминалось, совершенно особая роль отводится интроспекции: «...схема экспериментирования, имевшая целью заставить испытуемых пережить желательный для экспериментатора мыслительный процесс, имеет значение и смысл лишь постольку, поскольку испытуемые дадут нам интроспективное описание пережитого, ибо какого-либо прямого, объективно даваемого индикатора их состояний мы не имеем...» (Кравков, 1922, с. 104). Совершенно очевидно, что требования к полноте отчетов возрастают. Если ранее в большинстве психологических исследований могли довольствоваться разрозненными и случайными высказываниями испытуемых о том, что их особенно поразило в их переживаниях, дополняя подобные сведения собственными воспоминаниями и прибегая в иных случаях к «мысленному экспериментированию», рефлектированию и сопоставлению, то теперь столь непланомерное получение интроспективных показаний удовлетворять уже не могло (Кравков, 1922, с. 104). Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказываниями испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность. В Вюрцбурге требуется, чтобы «испытуемые давали показания после каждого эксперимента тотчас по окончании исследуемого процесса» (Кравков, 1922, с. 105). Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

В работе Нарцисса Аха метод эксперимента, разработанный в вюрцбургской школе, усовершенствуется. Сам Ах пытается доказать, что в его исследованиях соблюдаются вундтовские требования к проведению эксперимента в психологии. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования. «Мы стремимся сделать субъективный метод самонаблюдения настолько объективным, чтобы в нем не имел места произвольный недостаточно контролируемый подход к исследуемой области как со стороны испытуемого, так и со стороны экспериментатора. Достичь этого можно лишь точным описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента» (Ach, s. 14). Как отмечает С.В. Кравков, Н. Ах, выделяя в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода «систематического экспериментального самонаблюдения”»

требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения «важного и неважного», а также требуя описания не только главного периода, но и предварительного, прав, когда настаивает на отличности своего метода от метода Бине и Вюрцбургской школы (Кравков, 1922, с. 132). В методе Аха так же, как и у других вюрцбуржцев, происходит активный опрос испытуемого. Ах подчеркивает, что экспериментатор должен опросить испытуемого так, чтобы не внушая ему ничего, помочь вскрыть подлинный смысл высказывания, побудить высказаться о не описанном еще моменте переживания и т. д.

Безусловно, заслуживает внимания еще один момент в методике Н. Аха. Речь идет о проведении Ахом вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. Напомню, что в протоколах, которые в большом количестве приводятся в книге Аха, высказываний испытуемых о наличии детерминирующих тенденций нет. Сам Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом. Там неосознаваемое внушение формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им, естественно, не осознается. Результаты этого эксперимента Ах «переносит» на случаи решения других задач, где гипноз не использовался. Отбор правильных решений объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются.

Поэтому т.н. «беспорядки в изложении» Н. Аха (по Г. Хамфри) имеют вполне определенное происхождение, которое объясняется, конечно, не небрежностью, а тем, что реально использовался способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы. Совершенно права Л.И. Анцыферова, указывающая, что Ах не мог непосредственно получить данные о механизме мышления в отчетах самонаблюдения, поэтому вынужден был работать иным, непривычным методом, который остался за пределами изложения (Анцыферова, 1966, с. 76).

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов. Нельзя не согласиться с Л.И. Анцыферовой, писавшей, что результаты экспериментов вюрцбурж-

цев и их выводы о существовании неосознаваемых детерминирующих тенденций, проявляющихся в различных реакциях, объективно оказались направленными против интроспективного понимания сознания. «Действительно, интроспекционизм непременно предполагает отождествление сущности всякого психического процесса с проявлением ее в самонаблюдении. Предполагается, иначе говоря, что в интроспекции сущность и явления психики совпадают, что явления сознания в самонаблюдении исчерпывают ее сущность» (Анцыферова, 1966, с. 80).

Об эволюции эксперимента

Завершая краткий очерк использования метода эксперимента в научной психологии во второй половине XIX столетия, можно подвести некоторые итоги. Требование использования эксперимента в науке еще со времени Френсиса Бэкона было настоятельным. Кант отказывал психологии в праве быть точной наукой, в частности, по той причине, что в ней не используется экспериментирование. К середине XIX века эксперимент внедрился во многие области человеческого знания. Экспериментальные процедуры хорошо “прижились” в физиологии, которая в первой половине прошлого столетия переживала бурный расцвет. У Вундта, врача и физиолога, возникает идея создания физиологической психологии – дисциплины, которая соединяет психологию и физиологию и занимается преимущественно исследованием ощущения и движения, используя сочетание физиологического эксперимента и самонаблюдения. Не станем забывать, что стратегическая задача Вундта – создание новой науки. Поэтому в физиологической психологии присутствуют две идеи, которые полезно эксплицировать. Во-первых, физиологическая психология демонстрирует наглядно *взаимодействие* психологии и физиологии, их единство (напомню: физиологическая психология – промежуточная область, объединяющая, согласно Вундту, физиологию и психологию). «Единство» с настоящей наукой (какой физиология без малейшего сомнения является) – лучшая рекомендация в научности для психологии, которая на статус науки еще только претендует. Во-вторых, использование принципа психофизиологического параллелизма указывает на то, что психология, претендующая быть наукой, идет “параллельным курсом” с наукой уже «состоявшейся». Таким образом, психология завоевала право быть наукой в глазах научного сообщества и заняла свое место в системе наук. Нет нужды здесь еще раз напоминать, что на самом деле предмет психологии (непосред-

ственный опыт, сознание) оказался оторванным от физиологии. Иначе не могло быть, потому что Вундт продолжил дуалистическую традицию, идущую от Декарта.

Итак, использование эксперимента – неотъемлемый атрибут «настоящей» науки. Эксперимент Вундтом приветствуется, используется. Мэтр даже готов, принимая во внимание «самостоятельность метода», называть свою психологию экспериментальной. Как уже говорилось, эксперимент у Вундта имеет значение вспомогательного метода. Сам эксперимент – физиологический, используется для того, чтобы «нормировать» интроспекцию, ввести ее в более жесткие рамки лабораторного исследования. Основным, т.е. поставляющим факты, у Вундта и его школы, несомненно, оставалось самонаблюдение. Но для «внешнего употребления» (т. е. для научного сообщества) принципиально важно было уже одно то, что в психологии эксперимент используется; наличие в названии слова «экспериментальная» вопрос закрыло. В каком качестве используется эксперимент, было уже не так важно.

Впрочем, было и другое. Как мы видели, Г.Т. Фехнер, не будучи психологом, решал свои задачи, в которых использовал эксперимент для объективного *измерения*. Результаты работы Фехнера были переосмыслены в контексте нарождающейся физиологической психологии и включены в психологию (вместе с методами, разработанными Фехнером). Это направление развил Г. Эббингауз, убедительно доказавший, что объективное измерение в психологии можно применять и по отношению к другим, более сложным явлениям. Использование эксперимента в науке выявило и другое его «качество»: проведение опыта может *доказывать* или *опровергать* предположения, имеющие «внешнее» по отношению к эксперименту происхождение. В качестве предшественника такого психологического эксперимента необходимо назвать Г. Гельмгольца. Продолжение этой линии можно увидеть, в частности, в работах Н.Н. Ланге.

Но, подводя предварительные итоги, отметим, что в этот период эксперимент еще не стал ни основным методом психологического исследования, ни даже ведущим. Роль основного прочно держало самонаблюдение, в «объективных» направлениях – внешнее наблюдение. Значительное изменение в понимании роли эксперимента в психологическом исследовании произошло на рубеже эпох практически одновременно в нескольких психологических школах (в Вюрцбурге у Н. Аха, в Вене у З. Фрейда). Напомним, что Вундт использовал эксперимент применительно к *структурной* схеме: его использование было направлено на то, чтобы как можно лучше описать состав сознания

(непосредственного опыта). Расширение психологической проблематики (включение памяти, мышления и т. д.) привело к существенным сдвигам в самом экспериментальном исследовании: если для исследования роли образов, наличия мыслей и т. д. еще могла быть «приспособлена» вундтовская структурная схема, то для исследования «процессов мышления» она уже явно не годилась. Изменение схемы интроспекции ведет к тому, что эксперимент тоже должен измениться. Эксперимент стремительно «модернизируется», становится подчиненным схеме *процесса*. Монолог испытуемого заменяется на диалог с экспериментатором, на активное расспрашивание испытуемого. Требуется максимальная полнота отчета, требуется, чтобы ничто не ускользало. Но оказывается, что этого мало. В психике (в мышлении, в частности), существуют составляющие, ускользающие от самонаблюдения, не осознающиеся испытуемым. Интроспекция бессильна, как бы ни выспрашивал экспериментатор у испытуемого о подробностях, как бы полно ни протоколировались эксперименты. Выход здесь – только один: переход к опосредствованному методу, при котором ссобщаемое испытуемым уже не будет непосредственным знанием о психике, но лишь материалом для анализа самим экспериментатором. Таким образом, здесь речь может идти уже не о редактировании протоколов, но о целенаправленной работе с ними, заключающейся в их интерпретации. Возникновение опосредствованного метода – важнейшее событие в истории научной психологии. Обычно это открытие связывают с психоанализом. Важно подчеркнуть, что оно произошло практически одновременно в разных областях и, насколько можно судить, независимо одно от другого. Поскольку периодически возникают споры, является ли психоанализ наукой, принадлежность вюрцбуржских психологов к академической психологии сомнений не вызывает.

Очерк использования эксперимента остановился, таким образом, на том этапе развития науки, когда психология готовится стать подлинно экспериментальной наукой. Реально это означает, что появляется возможность для того, чтобы эксперимент действительно стал ведущим методом психологии. Ведущим в том смысле, что позволяет добывать основную массу эмпирического материала. Повторим, это возможно только при изменении роли эксперимента. Он теперь дает материал для анализа, интерпретации. Поскольку мы имеем дело с научной психологией, это означает, что психология становится в некоторой степени и теоретической наукой, поскольку интерпретация происходит с позиций некоторых научных положений. А следова-

тельно, в ней должны использоваться и теоретические методы, которые позволяют это делать.

Об особенностях методов в научной психологии

Как можно было видеть из данных, приведенных в предыдущих разделах, методы, использовавшиеся научной психологией, имели свою специфику. Научная психология декларировала свой опытный, действительно эмпирический (в отличие от "эмпирической психологии" характер). Таким образом, на первый план в научной психологии выходят эмпирические методы, которые служат для "добывания фактов". Поскольку предполагается, что задача психологии – описание психических, душевных явлений, то никаких теоретических методов не предполагается. Вундт явно с иронией упоминает метод, в "который верят философы". Для упорядочения данных опыта вполне достаточно логических процедур. "Теоретические" методы, согласно новой психологии, остались в прошлом (если они на самом деле были), это порождение метафизики.

В качестве методов, которые признаются новой психологией, в первую очередь необходимо назвать самонаблюдение и эксперимент. Хотя в современной психологии бытует мнение, что научная психология началась с использования эксперимента, это не вполне так. Как мы видели, эксперимент в психологии в течение весьма длительного времени служил для усовершенствования метода интроспекции, т.е. весьма естественно с нею сочетался. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции – основной и у Вундта, и у Брентано, и у Титченера, и у Кюльпе, и у Аха, и у Ланге, и у Джемса – все же имел отличия, не замечать которые мы не вправе[17]. Мы также помним, что практически все исследователи настаивали на длительной тренировке испытуемых, без которой нельзя было получить "хороших" отчетов. Что значит хороший отчет, можно понять только в свете теоретических идей школы. Хорошие отчеты вюрцбуржцев, в которых содержались описания "положений сознания" (свидетельствующие о существовании несенсорных элементов опыта), с точки зрения Титченера, были лишь результатом плохого анализа, произведенного в неблагоприятных условиях. "Философ хроноскопа и призмы" Вундт, расчленяющий сознание на элементы, по мнению Джемса, "резал воду", т. к. если в сознании можно что-то описывать, то это, конечно, должен быть поток сознания (элементы потока проанализировать просто невозможно).

---

[17] Напомним, что в настоящей работе мы не затрагиваем эволюцию самонаблюдения об этом см.: Мазилов В.А. Становление метода психологии: страницы истории (интроспекция) // Методология и история психологии, №1 (3), 2007.

Следовательно, и эту констатацию следует отметить особо, при том, что во всех перечисленных случаях речь идет именно о методе интроспекции, в каждом случае заметна специфика. На наш взгляд, эта специфика связана с теоретическими установками исследователей: у Вундта она структурная (структурная интроспекция, направленная на вычленение элементов опыта), у Брентано она целостно-описательная, функциональная (описывающая психический акт в “его целостности и доподлинности”, с точки зрения Брентано, аналитические описания Вундта – артефакты, т.к. “интенциональность” в них вообще не учитывается), у Джемса, которого интересует функция, на первый план выходит описание того, как душевная активность приводит к результату... Т. е. между особенностями метода и взглядами исследователя может быть прослежена связь, которая хорошо описывается такими понятиями как структура, функция, акт, процесс.

Обратим внимание на еще один любопытный момент. Сами “ситуации опыта” (экспериментальные ситуации) и, соответственно, реакции испытуемого весьма различны. И здесь тоже есть соответствие. То, на что направляется интроспекция, удивительно “соответствует” тем же теоретическим воззрениям. Факты опыта у Вундта настолько элементарны (скажем исследования порогов, времени реакции и т. д.), что существование “интенционального” объекта в этих случаях неочевидно. Не случайно позднее Э. Гуссерль пытался в известном смысле “примирить” Вундта и Брентано, поскольку выяснилось, что для испытуемого реальны и калейдоскоп пятен и образ шкатулки. Но для того, чтобы убедиться с помощью внутреннего наблюдения в изначальной направленности сознания на объект, в качестве “модельного представления” предпочтительно иметь все же восприятие (или представление) целостного предмета. Равным образом, для того, чтобы изучать не только структуру сознания, но и процесс (все равно восприятия или мышления) необходимо либо сделать задание достаточно сложным, либо искусственно разделить на этапы, стадии.

Естественно, что первой научной установкой является структурно-аналитическая (это отмечают и специалисты по методологии). Но “искусственность” аналитических процедур вызывает протест. Функциональная модель по сравнению со структурной выступает носителем идеологии “целостности”, что зачастую приводит к путанице в историко-психологической литературе. Скажем, Вундту, который вместе с Титченером может считаться одним из наиболее радикальных “элементаристов”, принадлежат проникновенные строки о целостности душевной жизни. Так что правы были гештальтисты, когда говорили,

что дело не в признании целостности как таковой, дело в объяснении характера этой целостности (Ярошевский, 1985, с. 355–356). Но функциональная модель неизбежно более "целостна", т. к. способ интроспективного расчленения (какими бы синтетическими процедурами это не дополнялось) не в состоянии проследить эффекты этой психической активности. Функциональный подход поэтому терпимее (в принципе) относится к ретроспекции. Когда достигнут эффект, происшедшее "реконструируется" легче.

Мы видели, и это тоже достойно быть отмеченным особо, когда желание исследовать процесс методами, имеющими "структурное" происхождение, приводит к осознанию исследователем этой неадекватности и вызывает или модернизацию методов, либо переход к фактически опосредованному методу (т. е. в некотором смысле к использованию "теоретического" – в зачаточном состоянии – метода, как это произошло у Аха).

О взаимодействии методов

Представляется необходимым, хотя бы очень кратко, затронуть еще один важный вопрос, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Речь идет о взаимодействии психологических методов. С самого возникновения научной психологии методы использовались не только изолированно, но и в определенных сочетаниях, что позволяет говорить о взаимодействии методов.

Этот простой вопрос вызывал, как мы могли увидеть, немало недоразумений, т. к. в зависимости от того, роль какого из методов акцентировалась, психологическая концепция квалифицировалась существенно по-иному. Скажем, вундтовская психология кем-то именовалась экспериментальной, а кем-то интроспективной. Важным представляется вопрос, можно ли, сравнивая роль методов в той или иной концепции, утверждать, что какой-то является ведущим, а другой – подчиненным? На наш взгляд, можно. Критерием в этом случае, как можно полагать, выступает отношение метода к предмету исследования (и опосредованно к предмету науки – при этом имеется в виду *реальный предмет*). Ведущий метод обязательно имеет выход на реальный предмет и в значительной степени определяется им. Реальный предмет, таким образом, определяет *идею метода*. Метод (во всяком случае в период становления психологии как самостоятельной науки) реализуется в рамках определенной организующей схемы (структура, функция, процесс). Вспомогательный (или дополнительный) метод взаимодействует с основным (ведущим) на уровне органи-

зующих схем, но на уровень идеи метода не выходит. Скажем, в вундтовской физиологической психологии эксперимент выполняет, несомненно, вспомогательную, “ассистирующую” роль. Роль ведущего выполняет интроспекция, обеспечивающая “доступ” к фактам непосредственного опыта (реальный предмет). Взаимодействие между методами достигается за счет структурной организующей схемы, которая оказывается общей для обоих методов. Именно эта общность позволяет экспериментальным процедурам более четко структурировать данные интроспекции.

В исследовании Г. Эббингауза о памяти (1885) ведущим методом являлся измеряющий эксперимент (реальным предметом были определенные характеристики поведения), поэтому роль самонаблюдения была сведена к минимуму (обеспечении функции контроля). Аналогичным образом дело обстояло в исследовании “закона перцепции”, проведенном Н.Н. Ланге. (Напомню, оба психолога – и Г. Эббингауз и Н.Н. Ланге были испытуемыми в своих экспериментах). Ведущий метод, таким образом, имеет выход на реальный предмет. Показательно, что тот же Эббингауз, характеризуя память в фундаментальных “Основах психологии”, говорит о законах души, явно исходя из представлений о сознании.. Не случайно результаты исследований 1885 года попадают в его книге в раздел “О частностях” и получают интерпретацию с позиций общих представлений о сознании.

Дальнейшая эволюция метода эксперимента будет рассмотрена нами в специальной работе. В данном разделе мы ставили перед собой задачу проанализировать специфику методов на этапе становления психологии как самостоятельной науки.

8.3.Проблема объяснения в психологии

Проблема объяснения традиционно считается одной из важнейших методологических проблем науки. Известный отечественный философ науки Е П. Никитин отмечал: «Действительно, и в прошлой истории науки и сейчас общепризнанным является мнение, что при научном исследовании любого объекта одна из основных задач состоит в том, чтобы дать *объяснение этого объекта*» (*Никитин*, 1970, с. 5). Е.П. Никитин выделил ряд функций науки: «…функциями науки (в их конкретном выражении) будем считать описательную, измерительную, классификационную, унифицирующую, объяснительную, предсказательную, ретросказательную, нормативную и т.д.» (*Никитин,* 1970, с. 12). «Объяснение – одна из важнейших функций науки. Не случайно ее часто характеризуют как основную функцию научного

исследования наряду с функцией предвидения» (*Никитин*, 1970, с. 12). Таким образом, объяснение в отечественной философии науки рассматривается как одна из функций науки.

Логико-гносеологическому анализу природы научного объяснения посвящена в мировой философии науки огромная литература. (Глубокий анализ важнейших классических работ по проблеме объяснения в философии предпринят в цитированной выше фундаментальной монографии Е.П. Никитина (*Никитин*, 1970)). Философских исследований проблемы объяснения мы еще коснемся в настоящей работе, а пока обратимся к проблеме объяснения в отечественной психологии.

В настоящее время считается, что проблема объяснения в психологии – одна из центральных методологических проблем. А.В. Юревич, опубликовавший в 2006 году чрезвычайно интересную и глубокую статью об объяснении в психологии (которой мы в настоящем тексте неоднократно будем касаться), следующим образом характеризует значение проблемы объяснения в психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения – *В.М.*) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение*, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» *(Юревич,* 2006, с. 87). Но, как это ни удивительно, остается актуальным и справедливым замечание известного отечественного методолога психологии М.С. Роговина, сделанное еще в 1979 году: «В настоящее время, когда тщательно разработаны методы психологического эксперимента, правила обработки результатов, когда в распоряжении исследователей сложная и разнообразная техника, некоторые из них высказывают мнение, что самым сложным в психологии является объяснение. Тем более странным и неоправданным представляется то, что склонность к анализу объяснения проявляют лишь очень немногие психологи» (*Роговин*, 1979, с. 54). Повторим, эта констатация до сих пор в значительной степени справедлива.

В советской психологии проблеме объяснения внимания практически не уделялось. В известной книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1969), например, данная проблема специально не выделялась и, естественно, не обсуждалась. Предполагалось, что никакой особой проблемы объяснения не существует, т.к. функция объяснения выполняется диалектикой – философской методологией науки. Во всяком случае, марксизм-ленинизм

как философский уровень методологии не предполагал какой-либо специальной процедуры объяснения. Поэтому традиция рассмотрения проблемы объяснения в отечественной методологии психологии практически отсутствовала.

Как хорошо известно, в отечественной философии советского периода существовали различные области, имевшие ощутимо различное число «степеней свободы». По авторитетному свидетельству многих отечественных философов, наиболее свободной от идеологического контроля была философия науки, поэтому именно в рамках философии науки и проводилась разработка проблемы объяснения. Как отмечает В.А. Лекторский, «в 50-е и 60-е годы философы нашего поколения и нашего круга связывали надежды на прогресс в философии с исследованиями в области теории познания, в особенности теории научного познания. Проблематика логики и методологии науки, формальной (символической) логики разрабатывалась тогда наиболее интенсивно и успешно. Этой тематикой занимались наши самые талантливые философы (по тем временам это была философская молодежь). Дело было не только в том, что партийный диктат в этой области философии был наименее ощутим, что здесь в наибольшей степени можно было использовать академические стандарты исследования (…) Дело также и в том, что для нас эти исследования представлялись лучшим способом противостояния официальной идеологии. Рассчитывая на изменение социальной ситуации, которая нас не устраивала во многих отношениях, именно на науку мы возлагали главные надежды. Противостоять догматической идеологии прямо в лоб невозможно. Но вот с наукой она ничего не может сделать, как бы этого ни хотела…» (*Лекторский*, 2004, с. 475). Итак, повторим, проблема объяснения разрабатывалась в философии науки.

Прежде всего следует назвать известные многолетние исследования Е.П. Никитина. В 1970 году вышла книга Е.П. Никитина «Объяснение – функция науки», имевшая поистине новаторский характер. В частности, в этой работе было убедительно показано, что существуют различные виды объяснения. И, следовательно, причинное объяснение не является единственным объяснением (некоторых моментов этого фундаментального труда мы еще коснемся).

Объяснение как методологическая проблема в отечественной психологической науке была поставлена, насколько можно судить, благодаря публикации перевода на русский язык известного классического руководства по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, в котором содержалась глава «Характер объясне-

ния в психологии и психофизиологический параллелизм», принадлежащая перу Жана Пиаже (*Пиаже*, 1966). Как представляется, эта публикация не вызвала бурных дискуссий. Насколько нам известно, одним из немногих отечественных авторов, анализировавших проблему объяснения в психологии и критиковавших позиции Пиаже, был М.С. Роговин, посвятивший этому вопросу две главы своей книги «Психологическое исследование» (1979). Констатируем, что специальных исследований по проблеме объяснения в психологии до недавних пор в отечественной психологической науке практически не было. Здесь, видимо, сказалось и недостаточное внимание психологов к этой проблеме, что отмечал М.С. Роговин, и отсутствие традиции рассмотрения этой проблемы в отечественной психологической науке. Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено значительное количество работ (*Fodor*, 1968; *Swart*, 1985; *Cammins*, 1983; *Brown*, 1963 и мн. др.).

О пользе философии науки

Как уже отмечалось, проблема объяснения первоначально была поставлена в философии науки и именно в философии науки были получены наиболее важные результаты, которые в настоящее время представляют собой «классику» в данной области[18]. Речь прежде всего идет о знаменитых работах К. Гемпеля и П. Оппенгейма, в которых вводятся ныне общепринятые понятия «экспланандум» и «эксплананс» (*Hempel, Oppenheim*, 1948). Как известно, согласно этой модели, объяснение эмпирического факта представляет собой его подведение под общее высказывание. В научном объяснении в качестве такого общего высказывания выступает утверждение о законе. Утверждение о законе может быть получено как индуктивно, на основе эмпирической генерализации, так и дедуктивно. В.А. Лекторский отмечает, что «гемпелевская модель объяснения предельно формальна: она не учитывает характер тех моделей, которые используются для интерпретации теории» (*Лекторский*, 2004, с. 477). Подход Е.П. Никитина к проблеме объяснения, согласно В. А. Лекторскому, существенно отличается от гемпелевского, поскольку он «сделал то, чего не сделал Гемпель: показал, что существуют разные типы объяснений в зависимости от моделей, принимаемых для интерпретации теории. Поэтому объяснения могут быть субстратными, структурными, причинными,

[18] Ввиду ограниченности объема настоящей главы мы не рассматриваем историю проблемы объяснения в философии науки. Анализ литературы по данной проблеме см. в монографии Е.П. Никитина (1970).

функциональными и т. д. Каждый тип объяснения предоставляет разные возможности для истолкования имеющихся фактов и предсказания новых» (*Лекторский,* 2004, с. 477). Е.П. Никитин разработал классификации объяснений (по нескольким основаниям).

Достоинством классификации Никитина является ее логическая обоснованность. Как отмечает Е.П. Никитин, «предварительным условием классификации каких-либо объектов является выяснение их основных принципиальных характеристик, которые могут быть использованы в качестве оснований деления. Эти характеристики должны быть варьирующимися, т. е. принимать различные значения применительно к разным группам исследуемого класса объектов. В противном случае они не могут служить основаниями классификации» (*Никитин*, 1970, с. 43).

Предложенная классификация построена по трем основаниям:

1. Характер эксплананса.
2. Характер экспланандума.
3. Характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума.

Соответственно, получаются три классификации объяснений.

Первая классификация (по характеру эксплананса) предполагает выделение следующих типов:

1. Субстанциональные объяснения.
2. Атрибутивные объяснения.
3. Генетические объяснения.
4. Контрагенетические объяснения.
5. Структурные объяснения.

Вторая классификация (по характеру экспланандума) предполагает выделение следующих типов:

1. Фактологические (экспланандумами являются факты.
2. Номологические (экспланандумами являются законы).
3. Теориологические (экспланандумами являются теории).

Третья классификация по механизму объяснения (характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума):

1. Объяснения через собственный закон.
2. Модельные объяснения.

На наш взгляд, эти исследования Е.П. Никитина имеют важное значение для психологии, т. к. в современной психологии явно не хватает строгой логической упорядоченности. Психологи привыкли рассуждать о множественности объяснений, но работа по конкретному отнесению того или иного выполненного исследования к той или иной объяснительной традиции обычно не проводится. Объяснения в пси-

хологии, как правило, выстраиваются интуитивно, выбор возможных типов и способов объяснения редко выступает как хорошо осознанный акт со стороны исследователя. Не уделяют должного внимания этим вопросам и историки психологии. Все это, на наш взгляд, препятствует разворачиванию интегративных тенденций в психологии.

Работы Е.П. Никитина по проблеме объяснения имеют, на наш взгляд, большое эвристическое значение для психологической методологии и в другом аспекте. Чрезвычайно важно, что объяснение в работах Е.П. Никитина рассматривается не само по себе, а более широком контексте – в рамках структуры научного исследования. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся в рамках настоящего текста.

О видах психологического объяснения

«Какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, психологами используется большое разнообразие видов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами. Объяснения, которые дают изучаемым объектам нейропсихологи, существенно отличаются от объяснений, практикуемых психологами гуманистической ориентации, а, скажем, объяснения психоаналитиков выглядят весьма экзотически за пределами основополагающих принципов психоанализа» (*Юревич*, 2006, с. 98).

Мы уже отмечали, что, к сожалению, классификаций, подобных приведенной выше никитинской, в психологии не существует. Тем не менее, достаточную известность получило несколько классификаций.

Достаточно распространенной является классификация Р. Брауна, согласно которой объяснения можно разделить на 7 основных видов: 1) генетические объяснения, 2) интенциональные объяснения, 3) диспозиционные объяснения, 4) причинные объяснения, 5) функциональные объяснения, 6) эмпирические обобщения, 7) объяснения на основе теорий (*Brown*, 1963).

Характеризуя выделенные Брауном виды объяснения, Юревич отмечает, что «в реальности они не разделены какими-либо гносеологическими барьерами и вступают в разноплановые отношения друг с другом. Например, интенциональные объяснения часто развиваются в диспозиционные объяснения, и те и другие могут быть преобразованы в причинные объяснения, и т. п. Большинство реальных объяснений, используемых в психологической, как и в любой другой социогума-

нитарной науке, не сводятся к какому-либо одному из выделенных Р. Брауном видов, а представляют собой их переплетение, включая апелляцию и к интенциям субъектов объясняемых действий, и к их диспозициям, и к предшествовавшим объясняемым действиям событиям, и к внешним факторам, оказавшим влияние на эти действия, и т. д. (*Юревич*, 2006, с. 99). А.В. Юревич оценивает классификацию Брауна следующим образом: «описанная выше систематизация основных видов психологического объяснения выглядит несколько упрощенной. Она, во-первых, не учитывает ряда реально используемых видов объяснения; во-вторых, изрядно обедняет возможности их синтеза и взаимовлияния. Вместе с тем эта систематизация не эфемерна, а задает реальную матрицу видов объяснения, которые имеются в распоряжении психолога» (*Юревич*, 2006, с. 99).

С такой оценкой классификации Брауна можно согласиться. Как и всякая эмпирическая типология, она имеет свои преимущества и недостатки.

Широкую известность получила также классификация психологических объяснений, разработанная классиком психологии Ж.Пиаже. Пиаже отмечает, что «существуют два основных типа или по крайней мере два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ «поведения». Так как модели редукционистского типа в свою очередь могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А–В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» *(Пиаже*, 1966, с. 167). Приведем эту классификацию Пиаже (*Пиаже*, 1966, с. 167–168).

А) Психологический редукционизм: он состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований.

Б) Формы редукционизма, объясняющие реакции ил действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три разновидности:

$Б_1$) Социологические объяснения в психологии, или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснять индивиду-

альные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней.

$Б_2$) Физикалистские объяснения, которые исходя, из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на физических соображения.

$Б_3$) Органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому.

В) «Конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно различного рода сведения (так как это по крайней мере один из аспектов всякого объяснения) делают основной акцент на процессах конструкции.

$В_1$) Модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения.

$В_2$) Модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту.

$В_3$) Абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше выявить в самой общей форме, соответствующей психологическим требований, механизм самих конструкций.

Как уже упоминалось, критика этой классификации была предпринята М.С. Роговиным (*Роговин*, 1979, с. 57–62). Остановимся лишь на некоторых моментах, подчеркиваемым М.С. Роговиным. «Рассматривая предлагаемые Ж.Пиаже типы объяснений, можно констатировать, что основные лежащие в основании деления понятия «сведения» и «конструирования» носят у него достаточно неопределенный и двусмысленный характер. В них совершенно не разведены объективный и субъективный моменты. «Сведение» выступает у Пиаже фактически и как субъективное, возникающее у психолога в ходе исследования понимание и как объективный процесс перестройки знания при сопоставлении имеющихся психологических данных с тем или иным материальным субстратом. То же относится и к «конструированию» – это и субъективный процесс, включающий такие компоненты, как комбинирование, оперирование образами и знаками, абстрагирование, анализ и синтез, обобщение, и в то же время этим термином обозначается и объективное логическое содержание» (*Роговин*, 1979, с. 62). «Не-

сколько безразличное отношение Пиаже к строгому определению основания производимого им деления видов объяснения связано и с тем, что все равно каждый из них является принципиально неполным, в том смысле, что, по его мнению, всегда должно существовать отношение дополнительности между моделями сведения и конструктивными абстрактными моделями. И в ходе своего изложения Пиаже действительно все время дополняет один вид объяснения другим. Поэтому, установив основные признаки объяснения (логическую необходимость отношений и реальность тех причинных связей, на которые она накладывается), Пиаже счел возможным основываться в дальнейшей разработке классификации всего лишь на критериях, которые показались ему наиболее удобными» (*Роговин*, 1979, с. 62–63). Роговин отмечает, что «в классификации Пиаже обращает на себя внимание отсутствие функционального объяснения, безусловно играющего важнейшую роль в психологии; его не то, чтобы совсем нет, но этот вид объяснения как бы растворяется в других, не совсем с ним совпадающих» (*Роговин*, 1979, с. 63). По мнению Роговина, «в результате произведенной им классификации видов объяснения Пиаже все же не удается выйти за извечные рамки психофизиологического параллелизма, параллелизма психических и нервных процессов, – проблемы, решение которой Пиаже мыслит в плане намечаемой им дополнительности, но реализацию которого он предоставляет будущему» (*Роговин*, 1979, с. 63).

Обратим внимание на то обстоятельство, что в этой классификации видов объяснения, как представляется, заложено глубинное противоречие. Из семи выделенных типов шесть относятся к поведению, один к сознанию. Обратим внимание на то, что собственно *психологии* здесь чрезвычайно мало (напомним, что предметом психологии является *психика*, которая и «соединяет» эти категории). Как мы покажем ниже, это совсем не случайно. Другой момент заключается в том, что Пиаже приходит к психофизиологическому параллелизму. Психофизиологический параллелизм – это тот ход, который позволил психологии стать самостоятельной наукой, конституировал психологию (см. первую главу настоящей книги). Но когда психология как дисциплина уже существует, это противопоставление психологического и физиологического не представляется слишком актуальным. Грегори Бейтсон в свое время проницательно заметил, что это не лучшая оппозиция. По его мнению, юнговское противопоставление плеромы и креатуры конструктивнее. Такое разделение на психическое и физиологическое лишает психическое энергетических характеристик, дела-

ет его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и неконструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обессмысливает функционирование безжизненных «половинок». Вспомним про мечту Л.С. Выготского о возвращении к монистическим идеям Спинозы. (К обсуждению этого вопроса мы вернемся в последнем разделе данной главы).

Полезен ли редукционизм?

Не имея возможности в рамках настоящей главы обсуждать все аспекты проблемы объяснения в психологии, остановимся более подробно на вопросе соотношения редукционизма и объяснения в психологии.

В статье А.В. Юревича, на которую мы уже ссылались, содержится очень важное и интересное положение, касающееся возможностей редукционизма и правомерности его использования в современной психологической науке. А.В. Юревич отмечает: «Редукционизм подвергался, и вполне справедливо, беспощадной критике многими классиками отечественной психологической науки. Ни в коей мере не подвергая сомнению справедливость этой критики, все же следует отметить, что в современной – постнеклассической – науке, характеризующейся нарастанием интегративных тенденций, редукционизм выглядит несколько иначе, а, формируя общее отношение к нему, необходимо учитывать риск выплеснуть с водой и ребенка. Дело в том, что у редукционизма имеется необходимый для любой науки смысл – *выход в процессе объяснения за пределы самой объясняемой системы*» (*Юревич*, 2006, с. 101–102).

А.В. Юревич продолжает: «В общем, редукционизм, рассматривающийся в психологии в качестве одного из худших видов "методологического криминала", вместе с тем широко распространен и, по всей видимости, неизбежен. А декларированное отношение к нему напоминает весьма характерное для науки, как и для обыденной жизни, провозглашение норм и принципов, которые заведомо не могут быть соблюдены. По всей видимости, *редукционизм, т. е. выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений*» (*Юревич*, 2006, с. 102).

А.В. Юревич подчеркивает, что «подлинно научное объяснение предполагает *поэтапную редукцию - последовательное перемещение объясняемых явлений во все более широкие системы координат, сопровождающееся абстрагированием от их исходных свойств.* Если следовать этой схеме, а ей следуют все естественные науки, то придется признать, что психологии придется не только легализовать все основные виды редукционизма, которых она упорно стремится избежать – биологического, социального и др., но и превратить их в хотя и не строго обязательные в каждом конкретном случае, но *желательные ориентиры* психологического объяснения. В отсутствие же таких ориентиров психологическое объяснение неизбежно будет вращаться

в кругу понятий, которые сами требуют объяснения, иметь больше сходства с житейскими, чем с научными объяснениями, а психологическая наука останется далекой от той упорядоченной системы знания, о которой давно мечтают психологи» (*Юревич*, 2006, с. 103).

А.В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределами самого психического. Как пишет Ж. Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Не трудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов т. н. гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между гуманитарной и естественнонаучной парадигмами» (*Юревич*, 2006, с 103–104).

Прежде всего отметим, что сформулированная А.В. Юревичем позиция обладает существенной новизной, т.к. немногие авторы сегодня отваживаются на «оправдание» редукционизма. Представляется, что не со всеми положениями, сформулированными А.В. Юревичем, можно согласиться.

Во избежание недоразумений стоит заметить, что автор настоящих строк вовсе не считает редукционизм абсолютным злом и готов согласиться с тем, что *в некоторых случаях* он может быть полезен. Более того, автор является сторонником интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между различными парадигмами в психологической науке. Вместе с тем представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественнонаучной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П.Я. Гальпериным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией,

любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более, что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» (*Гальперин*, 2002, с. 39). К проблеме предмета психологии нам еще предстоит вернуться в заключительной части настоящего раздела.

Обратимся к самой процедуре редукции. Редукция, как хорошо известно, представляет собой: а) сведение более сложного к простому и б) выход за пределы объясняемой системы. Остановимся на этих двух моментах более подробно.

Сведение более сложного к простому. В психологии это должно означать сведение психологического к непсихологическому. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е.П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами,как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обусловливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения…» (*Никитин*, 1970, с. 88–89). Таким образом, «активное функционирование

объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки).

Выход за пределы объясняемой системы. А.В. Юревич поясняет это следующим образом: «С целью обоснования этого тезиса вновь обратимся к случаю Ньютона. Если бы он объяснял падение яблок чем-то, относящимся к самим яблокам, такое объяснение имело бы много общего с шпрангеровским «psychologica – psychological». Ботаники и любители яблок, возможно, были бы удовлетворены, но закон всемирного тяготения не был бы сформулирован. Если бы Ньютон абстрагировался от яблок, рассмотрев их как частный случай тяжелых тел, но пытался объяснить падение этих фруктов их собственными свойствами, то оказался бы на уровне объяснения, сопоставимым с тем уровнем, на котором нет грани между индивидом, группой и обществом, и все они рассматриваются как «социальные объекты», погруженные в единую систему детерминации (пример ее построения – синтетическая система каузальности, о которой пишет У. Томас). Но и в этом случае, предполагающем выход за пределы объясняемой системы, закон всемирного тяготения не был бы открыт. Понадобился бы и еще один «выход», да такой, что первоначальный объект объяснения оказался включенным во вселенскую перспективу, где от его исходных свойств осталось немногое. И именно эти «выходы», т. е. поэтапное помещение объясняемого объекта во все более широкую перспективу позволило его объяснить. А если бы Ньютон объяснял падения яблок свойствами самих яблок, он бы не объяснил, почему они падают на землю (*Юревич*, 2006, с. 102–103).

Если обратиться к гипотетическому случаю Ньютона, то следует отметить, что великого физика, по-видимому, интересовало все же не падение *яблок*, а *падение объектов*. Падение яблока (если таковой эпизод имел место) вовсе не явилось причиной формулирования закона всемирного тяготения: Ньютон мыслил как физик в *физических категориях*. Иными словами, это было классическое проявление «галилеевского» способа мышления (К. Левин). Заметим, кстати, что выход за пределы объясняемой системы не обязательно предполагает редукцию. Более того, по-видимому, выход за пределы объясняемой системы есть признак объяснения вообще, т. к. экспланандум и эксплананс не совпадают: «Эксплананс по содержащейся в нем информации не должен быть тождественным экспланандуму и не должен содержать экспланандум как свою часть (если даже он и представлен в других терминах)» (*Никитин*, 1970, с. 36). «Эксплананс должен

отображать ту же предметную область, что и экспланандум, или закономерно связанную или сходную с ней в некотором существенном отношении» (*Никитин*, 1970, с. 35).

Использование редукции очень часто приводит к результатам, которые мало что добавляют к уже известному, поэтому их познавательная ценность в большинстве случаев минимальна. Е.П. Никитин приводит пример с мальчиком, который на вопрос «Почему колокола звонят на Пасху?» дал замечательный (притом вполне редукционистский) ответ-объяснение: «Потому, что их дергают за веревочки» (*Никитин*, 1970, с. 91).

Здесь уместно вспомнить, что объяснение имеет исключительную ценность: считается, что наука должна давать объяснения, без объяснений нет науки[19]. Таким образом, «уважающая себя» наука просто обязана объяснять. Возникает искушение дать объяснение ради объяснения, чтобы оно формально присутствовало. Как говорил М.К. Мамардашвили, «explaine away» – «от-объяснить» (иными словами, не дать полноценное объяснение феномена, а «обозначить» его). Поэтому редукция зачастую представляет собой псевдообъяснение. Другой вариант редукции в объяснении приводит к тому, что Абрахам Маслоу называл, «объяснить до уничтожения». Он имел в виду так называемые «научные» объяснения, которые объясняли творчество, любовь, альтруизм и другие великие культурные, социальные и индивидуальные достижения человечества таким образом, что от этих феноменов мало что оставалось. Конечно, предпочтительнее такие объяснения, которые не уничтожают объясняемый феномен. И это большей частью именно нередукционистские объяснения.

С позицией, сформулированной А.В. Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т.В. Корнилова *(Корнилова*, 2006). Такие перемещения объяснительных координат, по А.В. Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т.В. Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации). В-третьих, главное возражение идет из разделяемой мною позиции,

[19] Еще Демокрит говорил, что «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол».

что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне (…) Это скорее та «метадигма», которая является одной из возможных в психологии. С такой позиции апелляция к объяснительным редукционистским теориям – регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляций к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» (*Корнилова*, 2006, с. 96). Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать «порочный круг» за счет многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания,* методологически проблематично» (*Корнилова*, 2006, с. 97).

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Остановимся на этом вопросе более подробно в последнем разделе настоящей главы.

Проблема объяснения и методология психологии

Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст. Напомним, что Е.П. Никитин анализировал объяснение в структуре научного исследования. Еще раз обратимся к цитированной выше работе Ж. Пиаже об объяснении. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносится за скобки»: его как бы не существует.

Между тем, упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс проницательно замечает, что «научная деятельность – это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором» (*Фресс*, 1966, с. 100). Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии.

Нами было проведено исследование (*Мазилов*, 1998) соотношения теории и метода в психологии. Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 2, с. 167).

Остановимся лишь на некоторых его результатах в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки.

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом.

Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения. Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (*Ach*, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к лю-

бому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы начинает использоваться объясняющая.

Как нам представляется, требуется продолжение такого рода исследований, направленных на изучение форм объяснения, использовавшихся в истории психологии на более поздних этапах. Можно полагать, что такие исследования позволят лучше понять специфику объяснения в психологии.

Объяснение и предмет психологии (о специфике психологического объяснения)

Как уже упоминалось, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии. Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (см. об этом: *Мазилов*, 2003). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже (*Пиаже*, 1966). (Подробный анализ положений, содержащихся в работе Пиаже, см. в главе 4 настоящей книги, сс. 122–125).

Реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удается. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом. Дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* – не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уни-

кальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (*Пиаже*, 1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание – лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (*Пиаже*, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического).

Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может. Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «psychologica – psychological» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Мы уже затрагивали этот вопрос в четвертой главе, когда обсуждали юнговские представления о психологии. Обратим внимание, что подход Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от ре-

дукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация – часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (*Сэмьюэлз* и др., 1994, с. 19). Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приноровлена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная…

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной.

И, наконец, в заключение настоящей главы отметим, что в настоящее время совершенно ясно, что научная психология еще далека от того, чтобы претендовать на создание единой универсальной теории. Соответственно, реальностью является *множественность* видов объяснения и *сосуществование* различных видов объяснения. Поэтому дискуссии о том, какие виды объяснения предпочтительнее, имеют смысл в перспективном отношении: для определения главных тенденций в развитии психологической науки. Для современной методологии актуальной остается задача разработки проблемы объяснения в ситуации «*множественности* методологических подходов и соответственно средств методологического анализа» (*Корнилова*, 2006, с. 94).

9. КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

9.1. Основные проблемы и первоочередные задачи коммуникативной методологии

Итак, главная трудность на пути интеграции – отсутствие специального аппарата, позволяющего ее осуществлять. Главный вопрос, который предстоит решить, *как* именно она будет осуществляться. Иными словами, на повестке дня стоит вопрос о разработке методологии, теории и конкретной технологии интеграции.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться *совокупностью* концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Современная традиционная методология психологии занимается почти исключительно исследованием процедур добывания и обоснования психологического знания. Коммуникативная методология нацелена на сопоставление психологических концепций, на установление взаимопонимания. Подчеркнем специально, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т. е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Необходима коммуникативная методология, направленная улучшение взаимопонимания между различными научными школами, между различными традициями. Без этого невозможна реальная интеграция психологического знания.

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотнесения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществление конкретной интеграции (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует полагать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным пси-

хологическим знанием, между научным знанием, с одной стороны, и ненаучным (и вненаучным), с другой.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (*Мазилов,* 1998).

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т. е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность наличия различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (*Мазилов*, 2001).

Важно точно понимать, каковы (на сегодняшний день) реальные возможности коммуникативной методологии. Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

По-видимому дело обстоит не так безнадежно, соотнесение все-таки возможно. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах (Мазилов, 1998), предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет сложнейшую задачу (как ни удивительно, научная разработка этой проблемы еще только началась), но она совершенно необходима, т. к. является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить по меньшей мере об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода (*Мазилов,* 1998). Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-иному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия – еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Наши исследования в области методологии психологической науки показали, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), – проблема соотношения теории и метода. Первоначально нами была разработана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (*Мазилов,* 1998, 2001).

Разработанная схема соотношения (см. рис. 2, стр. 166) получена на основе историко-методологического анализа развития психологи-

ческой науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). Главным достоинством предлагаемой схемы является то, что она, как показали наши исследования (*Мазилов,* 1998, 2001), представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для осуществления сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т. е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели – ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что:

– В ней задан предмет психологии. Таким образом (напомним, предмет многоуровнев, исходное понимание максимально широкое – «площадка для сборки») оказываются реально соотносимыми любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими – по предмету исследования).

– В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции, она в данном случае лишь модифицируется; в данной работе мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.

– Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются исследователем, но и вообще не эксплицируются. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (см., например, *Мазилов*, 1998). Естественно, то же самое

можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.

– Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов объяснения.

Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае используется иной. Становится ясно, почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т. д.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Не подлежит сомнению, что, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций. Реальной становится интеграция психологического знания на уровне концептуальных структур – осуществление такой интеграции представляется одной из первоочередных методологических задач психологии нового века.

9.2. Проблема интеграции психологического знания

Интеграция и методология

В самом начале статьи «Методы интеграции психологического знания», на которую нам неоднократно придется ссылаться в настоящем тексте, А.В. Юревич (*Юревич*, 2005) пишет о призраке интегративной психологии, бродящем по психологической науке. Действительно, появился и соответствующий манифест, а, как хорошо известно, в добром манифесте всегда найдется место призраку – и не только в эпиграфе. Хочется надеяться, что призрак интеграции по

меньшей мере такой же добрый как и его мультяшный собрат Каспер. И намерения у него благие (и ничего разрушать он, кстати, не собирается не только «до основания», но и в принципе). Впрочем, нам кажется, что этот призрак не что иное как материализация всегдашней психологической мечты о целостности или, если угодно, «тоски по целостности». Об этом писал в своей «Автобиографии» Джером Брунер: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несообщающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (Цит. по *Зинченко*, 2003, с. 117–118). Каждое новое поколение психологов приходит в науку с детской мечтой перестроить эту прекрасную науку с тем, чтобы психологи достигли хотя бы взаимопонимания. Но они не находят. И не остужают энтузиазма адептов целостности предостережения методологических плюралистов, полагающих что не надо никакой интеграции…. Впрочем, достаточно шуток, обратимся к собственно интеграции[20].

Интеграция, как сообщает словарь иностранных слов, происходит от латинского integratio (восстановление, восполнение) и означает «объединение в целое каких-либо частей, элементов». Представляется, что для психологии это глубоко символично, т. к. в конечном счете интеграция имеет своей целью восстановление изначальной целостности психического[21]. В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, просто она – эта целостность – и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному.

Как хорошо известно, научная психология была конституирована во второй половине XIX столетия Вильгельмом Вундтом. В. Вундт обосновал физиологическую психологию как эмпирическую дисциплину, использующую метод эксперимента, что отвечало формальным требованиям «двойной программы» Канта (см. об этом *Мазилов,* 1998). Элементаризм научной психологии определялся именно кантовской критикой – Вундт создавал свою систему физиологической

[20] Подчеркнем, что в данной статье речь будет идти о когнитивной интеграции, т.е. интеграции психологического знания. Другие важные аспекты проблемы интеграции в психологии: личностная интеграция, социальная, организационная и т.д. остаются за рамками настоящей публикации.

[21] Поэтому важно обозначить два аспекта проблемы целостности: проблема «целостности психического» (выбор таких способов исследования, которые не нарушают целостности) и проблема «взаимодействия подходов» (построение комплексного исследования, которое позволило бы в теории «воссоздать» эту целостность). Эти аспекты, несомненно, взаимосвязаны. О первом аспекте мы писали в другой работе (Мазилов, 2005), второму посвящена настоящая статья.

психологии, пытаясь устранить недостатки психологии, зафиксированные в основных положениях кантовской критики. Кантовские положения, напомним, частично пытались учесть предшественники Вундта (например, И. Гербарт, использовавший математику, но полагавший, что психология «не смеет экспериментировать»). Полностью кантовскую «двойную программу» осуществил создатель научной психологии Вильгельм Вундт. Нам важно отметить, что научная психология мыслилась Вундтом как позитивистская наука: ему представлялось, что как только будут выполнены требования (исследовать факты), законы психологии «откроются», а психология превратится в столь же достойную науку как химия (напомним, она служила идеалом научности, именно по ее образцу немецкий ученый строил психологию). Вундтовская концепция стала образцом психологии атомистической и элементаристской, атомизм и элементаризм критиковались представителями многих направлений в последующей психологии. Это настолько хорошо известно, что стало «общим местом». Куда менее известно другое: Вундт вовсе не был (как это часто представляют) противником целостности. Приведем небольшую цитату из работы самого Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем «психическими соединениями» в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями - какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (*Вундт*, б/г, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличаю-

щихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (*Вундт*, б/г, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» (*Вундт,* б/г, с. 118–119). Согласимся, что такого психолога трудно считать противником целостности. Заметим, что когда мы говорим о целостном подходе на первый план чаще всего выходят вопросы методологические. Современник Вундта Франц Брентано, развивавший целостный подход, отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к постижению целого. По мысли Брентано, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно *от целого.*

Этапом в развитии целостного подхода явилась известная работа Вильгельма Дильтея, известная у нас под именем «Описательная психология» (1894). Значительная часть этой книги посвящена критике конструктивного подхода в психологии, образцом которого является вундтовская психология. Решение Дильтея также широко известно – психология должна развиваться как описательная, расчленяющая наука. За основу берется целое, оно расчленяется по особым правилам, не нарушающим важнейших связей.

Если говорить о развитии идеи целостности в психологии, нельзя не упомянуть исследования школы «качества формы» и, конечно же, гештальтпсихологии, для которой проблема целостности стала центральной. Впрочем, объем настоящей публикации не позволяет останавливаться на анализе работ этого любопытнейшего направления в психологической науке. Тем не менее, отметим, что вклад в разработку проблемы целостности, внесенный гештальтпсихологией, переоценить невозможно.

Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том, как трактовать причины этой целостности. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила – апперцепция, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы» создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологии состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились каким-либо «псевдообъяснением» (указанием на ка-

кие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они пытались обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер проводил свои известные исследования по коллоидной химии. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников.

Начальные этапы развития научной психологии, как хорошо известно, были связаны с разработкой «простых» подходов: как уже отмечалось, Вундт полагал, что эмпирическое исследование само по себе обеспечит результативность психологического исследования (Вундт пересмотрел свои взгляды и в 1913 году утверждал, что психология не может существовать без философии, отделение от которой он сам четырьмя десятилетиями ранее и обосновал). Достаточно быстро возникли структурные, функциональные, процессуальные подходы к изучению психического. Они были дополнены уровневым и генетическим подходами.

Другая линия размежевания состояла в том, что возникли различные *предметы:* некоторые школы продолжали изучать сознание, другие стали исследовать поведение, третьи предметом сделали глубинные пласты психического, обычно не осознаваемые самим человеком. Как справедливо отмечал М.Г. Ярошевский, различные направления в психологии сосредоточились на разработке отдельных категорий: образа, действия, мотива (*Ярошевский*, 1974).

Возникло множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Напомним, что особенно интенсивно интегративные процессы происходили в начале XX столетия, когда «простые», «одномерные» подходы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Затем эти процессы интеграции то усиливались, то ослабевали. Мощная волна интеграционного движения произошла в связи с возникновением системного подхода, получившего широкое распространение в психологии[22]. Но в целом реализация системного подхода не дала ожидаемых результатов (во многом это было связано с «модой» на системный подход, что привело к тому, что во многих исследованиях он исполь-

---

[22] Мы не станем здесь в связи с ограниченностью объема публикации останавливаться на истории проблемы. Заметим только, что это, на наш взгляд, представляет собой исключительно интересную тему историко-психологического исследования.

зовался или некорректно или вообще лишь провозглашался, т.е. оставался декларацией). Отметим, кстати, что история системного движения в психологии в полном объеме еще не написана, что представляется серьезным упущением историков новейшей психологии.

Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 году в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (гл. ред. проф. В.В. Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. Идеи интеграции широко обсуждались на последнем съезде РПО и на Международном психологическом конгрессе в Пекине. Как справедливо отмечает А.В. Юревич, интегративные настроения «явно отражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов, а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по «конфронтационному» пути) (*Юревич*, 2005, с. 377).

А.В. Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д. Смирнова (*Смирнов*, 2004, с. 280–281), могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму»), но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной» (*Юревич*, 2005, с. 380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, т. к., по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Действительно, решение вопросов интеграции тесно связано с методологией психологии. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей. Наши взгляды по вопросу реформирования методологии психологической науки были изложены в первой главе.

Характеризуя перспективы интеграции в современной психологии, А.В. Юревич отмечает, что «современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки в качестве одной из ее главных задач, однако ищут более «мягкие», «либеральные» варианты интеграции, нежели их монистически настроенные предшественники, игнорировавшие или «поедавшие» концептуальные построения друг друга. В этих условиях первостепенной задачей становится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее модели, которая, во-первых, была бы действительно «либеральной», позволяющей избежать издержек «насильственной» или искусственно форсированной интеграции, характерной для прежних времен, во-вторых, – была бы все-таки моделью именно интеграции, а не легализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, – не выглядела бы как набор объединительных призывов, построенных по принципу «психологи всех стран и направлений объединяйтесь» (*Юревич*, 2005, с. 381). А.В. Юревич отмечает, что для того чтобы выработать или хотя бы представить себе модель интеграции, необходимо задаться естественным вопросом о том, что вообще могла бы представлять собой интеграция современной психологии. Отвечать на него логически целесообразно от противного, т. е. отталкиваясь от основных видов разобщенности или «разрывов» психологического знания, которые препятствуют его интеграции. «В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван «структурой») можно усмотреть три фундаментальных «разрыва». Во-первых, разрыв «горизонтальный» – между основными психологическими теориями и соответствующими психологическими «империями» – бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др., каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности, свои правила ее изучения и т. п. Во-вторых, разрыв «вертикальный»: между различными уровнями объяснения психического – внутрипсихическим (феноменологическим), физиологическим (физическим), социальным и др., порождающий соответствующие «параллелизмы» – психофизический, психофизиологический и психо-

социальный. В-третьих, «диагональный» – «разрыв» или, говоря словами Ф. Е. Василюка, «схизис» между исследовательской (академической) и практической психологией» (*Юревич*, 2005, с. 381–382). Согласно А.В. Юревичу, именно три обозначенных «разрыва» представляются основными, порождающими общую дезинтегрированность психологии, и соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение, выглядят как основные направления ее интеграции.

Интеграция в современных условиях представляется вполне реальной: «существующие в психологии теории не так уж непримиримы и «несоизмеримы» (в терминах Т. Куна) друг с другом, нынешнее психологическое сообщество не поделено на фанатичных адептов этих теорий, большая часть исследований строится на кросс-теоретической основе и воздает должное различным аспектам психического. Все это – проявления *естественной* «горизонтальной» интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и дает зримые плоды» (*Юревич*, 2005, с. 387).

По нашему мнению, важно различать стихийную (естественную, по А.В. Юревичу) интеграцию, которая происходит «самопроизвольно» в ходе развития психологического знания и целенаправленную, являющуюся результатом специальной деятельности психологического сообщества. Рассмотрению этих разновидностей психологической интеграции будут посвящены соответственно второй и третий разделы настоящей главы.

Стихийная интеграция

Представляется полезным рассмотреть на конкретном историческом материале реальные стратегии и способы, использовавшиеся психологами для усовершенствования своих концепций, которые неизбежно «сближают» различные подходы. Это один из возможных путей практической «стихийной» интеграции в психологии. Об этом хорошо написал А.В. Юревич: «Все реже можно встретить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) «чистым» бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство из них не является адептом какой-либо «одной отдельно взятой» теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию» (*Юревич,* 2005, с. 386). «Одним из проявлений социальной глобализации науки служит «размыкание» научных школ (которые Т. Кун называл «боевыми единицами допарадигмальной науки», акцентируя, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции), их слияние, постепенное вытеснение «незримыми колледжами» и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых… Соответствующую тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: «Кто я – бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?» Наверняка, большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ «другое», осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую «над-школьную» перспективу. (Исключениями служат «закоренелые адепты», к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адепта одной из школ). Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистскими, и психоаналитиками, идеи и Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях, когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории.

А «чистого» бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое и оторванное от реальности воображение» (*Юревич*, 2005, с. 386–387). Представляется интересным рассмотреть (причем конкретно, не на уровне общих деклараций) те возможности, которые открываются при развитии научной школы в плане совершенствования первоначальной концепции и приводящие к ее сближению с другими научными направлениями. Рассмотрим такую эволюцию на примере гештальтпсихологии – одного из наиболее «целостных» и «бескомпромиссных» направлений в истории мировой психологии.

Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 году. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии в первой половине XX века, гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» (*Фресс*, 1966, с. 81). М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. и выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В. Вундт, Э.Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» (*Ярошевский*, 2005, с. 44). Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке.

На наш взгляд, особенно интересно рассмотреть, как осуществлялась эта стихийная интеграция в самом «целостном» направлении – гештальтпсихологии[23]. Для того, чтобы анализ основывался на кон-

[23] За рамками настоящей статьи остается очень интересный вопрос о взглядах на целостность К. Левина, одного из замечательных представителей гештальтпсихологии. Работы Левина двадцатых годов выполнены в методологическом русле гештальтпсихологии. В известной работе о переходе от аристотелевского мышления к галилеевскому (Lewin, 1931) намечена методологическая программа построения новой психологии. Этому вопросу будет

кретном материале, необходимо выбрать конкретную предметную область. Рассмотрим, как развивались в гештальтпсихологии представления о мышлении.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии и гештальтпсихологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая тра-

---

посвящена специальная статья.

диции феноменологии (в первую очередь, Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтистской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов (*Мазилов,* 2005).

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В. Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении. В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.
3. Мышление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).

4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).
5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).
6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).
7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).
8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).[24]
9. «Нерефлексивность» мышления – мышление принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, согласно исходным представлениям гештальтпсихологов, мышление рассматривалось исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно видеть три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).
II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30-е – 40-е гг.).
III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50–70-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще пред-

[24] В этом отношении несколько особняком стоит известная работа В. Келера, посвященная изучению интеллекта человекообразных обезьян, где в силу специфики объекта исследования принималось во внимание поведение.

ставляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальным установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи).

Уже в работах К. Дункера (1926, 1935) содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера (1945), В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» (*Зинченко*, 1987, с. 11), «Вертгеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии» (*Зинченко*, 1987, с. 22), использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» (*Зинченко*, 1987, с. 23).

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением

современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала (*Szekely*, 1940, s. 79). Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером (1926, 1935). Это следует специально подчеркнуть, т.к. представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают принадлежащим этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?»), в решении (или нерешении) задачи. Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. В этой работе Секея есть еще один крайне важный момент, ставящий проблему роли прошлого опыта в решении задач. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» (*Szekely*, 1940, s. 87). «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» (*Szekely*, 1940, s. 88). Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования… принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» (*Szekely*, 1940, s. 94). Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем., чисто вспомогательное значение, но, как мы увидим, это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепции ученого.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (40-е – начало 50-х гг.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т. п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (50-е – 70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) (*Szekely,* 1976), посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически, эта работа выпол-

нена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяет почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

В последней статье Л. Секей в решении задачи различает следующие характеристики: 1) содержание мышления, 2) фазы (этапы) мышления, 3) механизмы мышления, в которых различаются манипуляции и операции (абстракция, аналогия, обобщение, отрицание и т. д.), 4) уровни организации мышления (терпимость или нетерпимость к противоречиям, нереалистическим предположениям и т.п.) (*Szekely*, 1976, s. 142). По Секею, во время творческой паузы актуализируется различный опыт и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение) (*Szekely*, 1976, s. 149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия прошлый опыт используется понятие репрезентация, заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Это структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска меняется на инфантильные области репрезентации (*Szekely*, 1976, s. 167). Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающем над кристаллографической проблемой, нахождению решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов и лишь психоана-литическая проработка конфликта приводит к тому, что мышление освобождается и становится способным двигаться дальше (*Szekely*, 1976, s. 166).

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что,

фактически, мышление, по Секею, включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии (*Szekely,* 1976, s. 141). Заметим кстати, что в книге Нормана Р.Ф. Майера, другого представителя «постгештальтпсихологии», опубликованной в 1970 году, излагаются результаты исследований процесса группового решения задач, что совершенно чуждо гештальтистским традициям в изучении мышления (*Maier,* 1970).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами[25]. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

В заключение отметим, что стихийной интеграции явно недостаточно? Чтобы обеспечить интеграцию психологического знания в полном объеме. Необходимы специальные усилия психологического сообщества, специальная методология и технология интеграции, чтобы обеспечить целенаправленные формы интеграции. Примером та-

[25] Заметим, кстати, что это не единственный механизм стихийной, непреднамеренной интеграции. Описанию других механизмов будет посвящена специальная работа.

кой специальной работы может служить разрабатываемая концепция коммуникативной методологии психологии (*Мазилов,* 2003).

Целенаправленная интеграция

Формы целенаправленной интеграции психологического знания, известные по истории психологии, достаточно многообразны.

Как мы уже отмечали в первом разделе данной статьи, в психологии появилось множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Было обозначено три основных пути выхода из кризиса, которые естественно представляли собой пути интеграции психологии:

1) построение «синтеза»;
2) построение «сложных» теорий психического;
3) построение теории психологии (правильнее это было бы называть разработкой новой методологии психологии).

Несколько позже возникло системное движение и системный подход в психологии, который также решал эту задачу: построить адекватную модель психического, которая позволила бы объяснить психические реалии лучше, чем «одномерные» подходы.

Остановимся на обозначенных выше направлениях лишь в самых общих чертах. История психологии дает нам массу примеров осуществления т. н. «синтеза». В качестве примера можно привести известную работу Бюлера, в которой предлагалось реализовать «синтез» интроспективной психологии сознания, поведенческой психологии и культурологических исследований психического развития детей. Много примеров можно обнаружить в известной книге Выготского, посвященной анализу методологического кризиса в психологии. Этот путь, как известно, к успеху не привел.

Второй путь – разработка сложных психологических теорий, где приведшие к возникновению кризиса подходы «снимались» за счет «вписывания» в структуру целого (примером могут служить концепция деятельности и деятельностный подход или необихевиоризм в которых нашлось место для сознания и поведения, объективного и субъективного и т. д.).

В качестве примера третьего пути можно назвать разработку К.Левином новой методологии психологии, предполагающей переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому (*Lewin,*

1931).

Системный подход также с успехом использовался в психологии (см. известные работы Б.Ф. Ломова. и мн. др.).

Вышеназванные подходы (второй-четвертый) внесли значительный вклад как в психологическую науку в целом, так и в разработку проблемы интеграции психологического знания, в частности, но проблемы интеграции в полном объеме не решили. В этом одна из причин возрождения надежд на интеграцию в психологии на современном этапе и развертывания новых исследований по данной проблематике.

Достоин упоминания и интегративный подход Кена Уилбера, где использование максимально широкого трансперсонального взгляда на психику позволило соотнести различные концепции психологии развития. Автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (в существенных моментах) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Могут быть названы и другие перспективные работы, направленные на интеграцию в психологии.[26]

Как свидетельствует опыт (и история психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструменты, обеспечивающие взаимопонимание (и на этой основе интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой попытку создания такого инструмента.

10. МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Рассуждая о методологических проблемах психологии, было бы неверно ограничиваться проблемами академической (научной) психологии. Поскольку мы говорим о психологии в целом (а научная психология, ориентированная на исследование психической реальности, только часть психологического знания: ведь существует еще психологическая практика), отметим, что имеются, конечно, и проблемы, связанные с методологическими аспектами психологической практики.

[26] Мы здесь не имеем возможности дать обзор различных подходов, реализующих интеграцию в психологии. Назовем лишь работу М.С. Роговина (Роговин, 1969), где была поставлена проблема интеграции психологических понятий, работы К.К. Платонова по разработке системы психологии, многолетние исследования М.Г. Ярошевского, Б.Ф. Ломова,. Наконец, нужно назвать работу А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, посвященную разработке теоретической психологии. На наш взгляд, значительный вклад в разработку проблемы интеграции вносит принцип методологического либерализма (Юревич, 2001).

Это, во-первых, прикладные проблемы, связанные с использованием психологических знаний в практике, в конкретных видах деятельности (в педагогике, в медицине, в производстве и т. д.). Во-вторых, необходимо упомянуть психотехнические и психотехнологические проблемы (в широком смысле этого слова), связанные с модификацией, с направленным изменением психики человека (различные виды психотерапии, психокоррекции и т. д.). Напомним слова Л.С. Выготского: «...психотехника – в одном слове, т. е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» (*Выготский,* 1982, с. 389).

Как уже приходилось отмечать, в самые последние годы происходит усиление внимания к исследованиям в области методологии психологии. Стоит специально подчеркнуть, что подавляющее большинство специальных методологических исследований относится именно к методологии *психологической науки*. Методологическим проблемам *психологической практики* уделяется куда меньшее внимание, что представляется совершенно неоправданным. Приведем самое распространенное определение методологии. Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и *практической деятельности* (курсив наш – *В.М.*), а также учение об этой системе». Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В современной отечественной психологии наблюдается удивительная картина: если методологическим проблемам научной, академической психологии уделяется явно недостаточное внимание, то методологией *психологической практики* почти никто не занимается[27].

Обратимся к книге И.Н. Карицкого, поскольку она является первым систематическим методологическим исследованием психологической практики и ее значение нельзя переоценить.

В последние годы в нашей стране наблюдается интенсивное развитие практической психологии. Возникает огромное количество психопрактик, психотехник, психотехнологий, практико-ориентированных подходов. Естественно, что это не может не породить значительного

[27] Конечно, существуют исключения. Среди этих работ следует отметить известную статью Ф.Е. Василюка (Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, № 6, 1996, с.и25–40) и и книгу И.Н. Карицкого. О статье Ф.Е. Василюка мы в свое время писали (*Мазилов*, 1998), поэтому ниже мы остановимся более подробно на монографии И.Н. Карицкого (Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М., Челябинск: Социум, 2002, 258 с.).

числа новых, в том числе и методологических проблем. Многочисленные психологические практики должны быть проанализированы, классифицированы, что представляется необходимым для выявления их реальных возможностей. Вместе с тем мы можем констатировать, что теоретико-методологический анализ многочисленных практик до сих пор не осуществлен. Более того, не выполнена даже предварительная работа по разработке средств методологического анализа психологической практики. Поэтому монография Карицкого И.Н. является чрезвычайно актуальным, методологически и теоретически значимым исследованием, поскольку в значительной степени восполняет существующий в современной психологической науке пробел.

Поясним это. Возьмем в качестве примера блестящий пассаж из статьи А.Г. Асмолова, характеризующий положение дел в современной психологии: «В психологии двадцатого века народились свои города, свои психологические страны, свои материки. Одни психологи живут в стране психоанализа, другие – на материках бихевиоризма, гештальтпсихологии, когнитивной и гуманистической психологии. То тут, то там на поверхности моря психологической мысли появляются одинокие острова “психосинтеза”, “кросскультурной психологии», «нейролингвистического программирования» и т. п. На все эти земли есть социальный и личный спрос. И спрос немалый. Куда психологу податься? Будем ли мы чужеземцами на этих островах и материках? Сможем ли пересечь границы между этими далеко не всегда ждущими вторжений, заморскими психологическими территориями? Не забудем ли мы, при все развивающейся тяге странствий в столь различных и далеких психологических краях, откуда мы вышли и, главное, поймем ли, наконец, куда идем?» (*Асмолов*, 1999, с. 3). Работа И.Н. Карицкого (если воспользоваться вышеприведенной метафорой) снабжает путешественников и картами, адекватно отражающими территории, и навигационным инструментом, что делает перемещения в психологическом пространстве более безопасными и комфортными.

Итак, работа И.Н. Карицкого. посвящена теоретико-методологическому исследованию проблем современных социально-психологических практик. Актуальность темы обусловлена рядом факторов, и не в последнюю очередь связана с многообразием подходов к трактовке социально-психологи-ческих феноменов как внутри психологической науки, так и при их реализации на практике. Одну из своих задач автор видит в выработке общезначимых критериев для анализа содержания различных психопрактических систем, их сравнения и оценки. Эта задача реализуется через разработку теоретиче-

ской модели психологической практики и выяснение механизмов формирования видов психологических практик. Разработанная модель предлагает определенные методологические инструменты для соотнесения между собой концептуального, методического и иного содержания психотехнологий и психотехник.

Автор исследует основное теоретико-методологическое содержание понятия психологической практики, формулирует представление о пространстве собственной психологической практики в отличие от прикладного использования данных психологической науки в других сферах социальной деятельности. Автор доказывает тождество понятий психологической и социально-психологической практики, обосновывая это тем, что всякая практика является социальной по своей сути и психологическая практика может быть развернута только как социально-психологическая практика. Далее автор исследует понятийное пространство практической психологии. Детальное внимание уделяется анализу конкретных видов психологической практики, в частности, психотерапии, психокоррекции, психологическому консультированию, психологической помощи, психологическому тренингу, диагностике, личностному росту и другим, их сравнению по ряду критериев. В конце главы автор формулирует важное положение, что психологическая практика является центральной категорией практической психологии.

Отдельная глава его работы посвящена системно-динамическому исследованию психологической практики и анализу конкретных психопрактических систем. Автор показывает, что психологическая практика представляет собой систему относительно самостоятельных действий, подчиненных основной деятельности, которая организует ее в смысловом и технологическом отношении. В связи с этим выделяются понятия деятельностнообразующих и дополнительных аспектов. Деятельностнообразующие аспекты, становясь ведущей деятельностью, образуют виды психологических практик. Другой момент анализа связан с введением понятий предпосылок и оснований психологических практик. Автор выделяет социальные, личностные, концептуальные, методологические, праксические и феноменальные предпосылки и основания психологических практик, исследует взаимосвязь аспектов и оснований как в теоретическом плане, так и в процессе анализа ряда конкретных психопрактических методов. Развернутому исследованию подвергается психотехнологическое и психотехническое содержание психологической практики, доказывается, что оно является структурной компонентой методологических оснований.

И.Н. Карицким предложен ряд классификаций психологических практик, на основе того содержания (аспекты, основания), которое было выявлено в процессе построения модели психопрактики. Содержание деятельностнообразующих аспектов положено в основу классификаций по основным видам практик. Содержание разных уровней концептуальных и методологических оснований позволяет классифицировать практики по направлениям и школам в психологии, по базисным уровням воздействия, по ценностным признакам, критериям рефлексивности, структурированности и другим.

Авторская концепция психологической практики имеет несомненный теоретико-методологический и прикладной интерес. Одним из ее результатов является экспликация содержания психологической практики в развернутую теоретическую модель, которая адекватно выражает основные взаимосвязи и механизмы психопрактического процесса. Предложенная модель имеет ряд прикладных аспектов. В методологическом отношении она может служить теоретико-методологической основой для последующих исследований, она также может быть использована в учебном процессе, в том числе в прикладных курсах.

В концепции И.Н. Карицкого в качестве центральных моментов следует выделить следующие:

1. Сущность и содержание психологической практики (психопрактики);
2. Модель психопрактики;
3. Классификационный анализ психопрактик на основе содержания модели.

Стоит подчеркнуть, что сущность и содержание психологических практик подвергаются специальному методологическому анализу фактически впервые. Между тем не подлежит сомнению, что это один из важнейших вопросов методологии современной практической психологии. Содержание монографии позволяет придти к выводу, что И.Н. Карицкий вносит значительный вклад в разработку этого вопроса.

Но наибольшее значение, по нашему мнению, для современной методологии имеет разработанная автором модель психологической практики. Не останавливаясь подробно на анализе этой части концепции И.Н. Карицкого, отметим, что автор детально рассмотрел следующие аспекты:

1. Предпосылки психопрактики.

2. Вертикальную структуру психопрактики – психопрактические основания, среди них:
   a) концептуальные;
   b) методологические;
   c) праксические;
   d) феноменальные.
3. Уровневый анализ методологических оснований психотехнологического, психотехнического и методического содержания (каждый уровень оснований имеет свою уровневую структуру).
4. Горизонтальную структуру психопрактики – психопрактические аспекты, среди которых выделяются две группы:

   а) Деятельностнообразующие (например, психотерапевтический, консультационный, тренинговый и пр.) и дополнительные (например, контекстуальный, компенсационный, интеграционный и пр.).
5. Механизм формирования вида психопрактики путем генерализации деятельностнообразующего психопрактического аспекта.
6. Взаимное соотношение предпосылок, оснований и аспектов психопрактики.
7. Динамическое содержание психопрактики.
8. Полную модель психопрактики.
9. Анализ содержания конкретных психопрактических систем на основе модели психопрактики.
10. Раскрыты эвристические возможности предложенной модели.

Как представляется, разработка модели психологической практики И.Н. Карицким является наиболее значительным вкладом в методологию.

Этот вклад тем более значителен, что позволяет построить (и эта работа автором выполнена) научно обоснованную классификацию психопрактик. По нашему мнению, это совершенно замечательный результат: впервые появляется возможность не просто перечислять различные психологические практики, но сопоставлять их по существенным основаниям.

Не станем подробно анализировать содержание монографии И.Н. Карицкого. Отметим лишь три наиболее значимые, на наш взгляд, момента.

Первое. Значение работы И.Н. Карицкого в том, что она открывает новую главу в разработке методологии отечественной психологии. Методология в трактовке автора предстает достаточно стройной системой положений, представляющий собой рабочий инструмент психолога.

Методология психологической практики столь подробно разрабатывается в нашей науке впервые.

Второе. Значение работы И.Н. Карицкого также в том, что предложенная им модель – работающая, т. е. позволяющая конструктивно решать различные возникающие проблемы. Например, из концепции И.Н. Карицкого становится более понятна логика развития той или иной практики, механизмы и основные типы развития.

Третье. Одна из центральных задач научной психологии – выработать непротиворечивую картину психического. Это возможно только при интеграции психологического знания, что должна обеспечить разрабатываемая в последние годы коммуникативная методология. Работа И.Н. Карицкого вносит существенный вклад и в эту область. Различные психологические практики могут быть проанализированы, они становятся соотносимыми.

Книга И.Н. Карицкого вносит существенный вклад в методологию психологии и, фактически, создает новое направление в науке. На наших глазах складывается методология психологической практики. Новая методология, которой еще нет, и которая, согласно И.П. Волкову, должна представлять собой «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (*Волков*, 2003, с. 81)

Мы остановились на фундаментальной работе И.Н. Карицкого, чтобы специально подчеркнуть: она закладывает основы методологии психологической практики.

Но возникает еще один (причем важнейший для современной методологии психологии) вопрос: есть ли непосредственная связь между *методологией психологической науки* и *методологией психологической практики*, либо они обречены на параллельное и относительно независимое существование?

Наш ответ однозначен: мы полагаем, что такая связь существовать должна, просто в настоящий момент она не эксплицирована (в первую очередь из-за теоретической неразработанности проблемы предмета психологии). Остановимся на этом моменте более подробно.

Практическая психология в настоящее время, как можно полагать, находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По определению В.Н. Дружинина, практическая психология отчасти

остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач (*Современная психология*, 1999). В целом эта констатация справедлива, т.к. практическая психология чрезвычайно неоднородна и, несомненно, включает в себя названные составляющие. Но, как можно полагать, в настоящее время происходит формирование практической психологии как особого направления внутри психологической науки. При чрезвычайной неоднородности практической психологии (в качестве таковой выступает и академическая психология, «дополненная» примерами «из жизни», и прикладная психология как таковая, и различного рода ненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях, мистике, астрологии и т. п., и так называемая «pop-psychology» – психология для массового читателя, и т. д.), тем не менее, уже сегодня можно говорить о формировании парадигмы собственно практической психологии как отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т. д.

Представляется перспективным дать эскиз этой парадигмы. Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это наука, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике, искусстве и т.п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченным) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое». Напомним, еще В. Дильтей в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна. Поэтому практическая психология исходит не из предмета, а из объекта. Объект принципиально целостен. Как нам представляется, здесь необходимы некоторые пояснения. Попытаемся их дать. Предметом научной академической психологии традиционно полагается либо психика, либо поведение (в зависимости от того, к какой научной школе принадлежит интервьюируемый психолог-исследователь). Это на уровне деклараций. Реально подлежат изучению либо явления поведения (доступные внешнему наблюдению), либо феномены самосознания (которые фиксируются с помощью самонаблюдения). Исходя из этого реального предмета строится гипотетическая конструкция – так

например, предмет науки. Как правило, это – результат мыслительной деятельности познающего, т. е. нечто имеющее опосредствованный характер (например, та же психика). Из этого элементарного предмета должно быть выведено все богатство явлений, относящихся к сфере данной науки – совокупный предмет. Важно подчеркнуть, что реальный совокупный предмет получается в результате «конструктивной» (в смысле В. Дильтея) деятельности. Таким образом, в данном случае путь науки: от «единиц» к «целому». В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а объект. Объект принципиально целостен. В качестве объекта (в практической психологии) выступает личность. Следует специально подчеркнуть, что понимание личности в практической психологии существенно отлично от трактовки личности в академической психологии (можно указать по меньшей мере десять принципиальных отличий) (*Мазилов*, 2001). Как практически-ориентированная область знания она исходит из представления о целостном объекте, не пытаясь «выстроить» его из предполагаемых (и, естественно, гипотетических) «единиц», но пытаясь охватить целиком. Отсюда следует и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно. Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психологии, которые были зафиксированы еще В. Дильтеем (1894)). В качестве идеала научности практическая психология имеет описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством видит не построение научных моделей, но разработку типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификацию и описание индивидуальных случаев.

Вряд ли стоит специально подчеркивать, что конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, т. к. практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изучения в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в академической психологии это построение возможно более убедительной научной модели, в которой получили воплощение общие «за-

коны жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Мы полагаем, что эффективное взаимодействие между практической и научной психологией станет возможным благодаря *методологии, причем методологии коммуникативной*. Для этого необходима теоретическая разработка проблемы предмета психологии. На наш взгляд, необходимо создание теоретической модели предмета психологии. Как представляется, предмет психологии имеет сложное уровневое строение.[28]

Можно полагать, что единый предмет психологии – психика – будет находить различное воплощение в частичных предметах. Вспомним о предпринимавшихся попытках построить систему психологических понятий.[29] В данном контексте представляет особенный интерес концепция, разрабатываемая А.А. Тюковым. «Я предлагаю собственную конструкцию категориального ядра новой психологии в целостной картезианской картине «пространства существования и развития человеческой души», задающего предмет психологии в целом как предмет комплексной науки и базовые предметы – как разделы психологической науки. Привычные и знакомые нам категории личности, сознания и деятельности вводятся как независимые и задающие отдельные базовые предметы и, соответственно, теории: личности, сознания, деятельности, а главное – возвращающие «душу» в качестве действительности психологического изучения» (*Тюков*, 2001, с. 8). Нельзя исключить того, что на последующих этапах интеграции психологического знания именно эти категории – личность, сознание, деятельность будут играть организующую роль.

Мы полагаем, что условием интеграции психологического знания в целом и эффективного взаимодействия научной и практической психологии является дальнейшая разработка проблемы предмета психологии.[30]

---

[28] См. об этом Мазилов В.А. О предмете психологии // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал, 1997, № 1 (7), с. 33–38.

[29] См., например: Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М, 1975; Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М, 1984 и др.

[30] См. об этом: Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.

11. МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ, НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В последние годы наблюдается явное оживление интереса к методологическим вопросам психологической науки и практики. Выходят многочисленные научные публикации, посвященные анализу методологических проблем психологии, издаются учебные пособия по методологической проблематике. Более того, в последние годы на страницах ведущих психологических журналов развернулись дискуссии, посвященные обсуждению вопросов методологии психологии (см. «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Методология и история психологии» и др.). Это обстоятельство не может не радовать, т. к. увеличение интереса к методологии обычно бывает связано (как свидетельствует история психологии) с появлением новых теоретических подходов и существенным продвижением в разработке предметного поля психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что интенсивные методологические поиски пока не привели к созданию *концепции* методологии.

Методология психологии имеет конкретно-исторический характер, поэтому если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. По нашему мнению, в настоящее время насущно необходима разработка интегративной методологии. Об этом подробно будет сказано ниже.

К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться в настоящей статье на анализе в высшей степени интересных методологических дискуссий, происходящих в современной отечественной психологии в последние годы. (Автор планирует посвятить этому специальную статью).

Наиболее актуальными в сегодняшней методологии психологической науки представляются следующие направления исследований и разработок.

1. **Системный подход**. В последнее время предприняты интересные исследования возможностей и перспектив в современных условиях системного подхода (Барабанщиков, 2007; Карпов, 2004; Поваренков, 2004; Кашапов, 2007 и др.). В.А. Барабанщиков отмечает: «В настоящее время собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромен, а его развитие представляет непростую исследовательскую задачу. Главная трудность со-

стоит в том, чтобы изучать то или иное явление, не теряя, а учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер их развертывания во времени, разноуровневость организации. Это условие предполагает разработку концептуальных схем, позволяющих интегрировать эмпирические данные, методы исследования и понятия, принадлежащие к разным научным парадигмам. Их появление открывает возможность новых путей движения в теоретическом пространстве предмета» (Барабанщиков, 2007, с. 97). А.В.Карпов, анализируя возможности системного подхода в современных условиях, приходит к следующим выводам: «Для того, чтобы стать адекватным, конструктивным и эвристичным методологическим средством психологических исследований, системный подход должен быть существенно, а не исключено, – радикально усовершенствован; он сам должен перейти на новый уровень своего развития. Для этого существуют необходимые условия, подготовленные современными исследованиями в русле именно тех проблем, которые традиционно считаются наиболее специфичными именно данному принципу и носят ярко выраженный обобщающий и фундаментальный характер. Эти исследования вскрывают гораздо более сложную, многомерную, а часто и «парадоксальную», непонятную с точки зрения «классических» представлений картину организации психического – картину, требующую аналогичных, то есть также «неклассических» подходов – в том числе и, прежде всего, – новых вариантов самого принципа системного подхода» (Карпов, 2004, с. 9). А.В. Карпов продолжает: «В свою очередь, для того, чтобы эти – модифицированные и даже трансформированные подходы стали возможными, для того, чтобы на уровне методологии адекватно отобразить и реализовать специфику и содержание предмета (психики), необходима адекватная экспликация самого этого предмета. Поэтому не только не исключено, но, наоборот, очень вероятно, что разработка новых – более «мощных» вариантов принципа системного подхода будет сопряжена с необходимостью уточнения представлений и о самом предмете исследования. Во всем этом, собственно говоря, и проявляется реальное взаимодействие и взаимодетерминация – диалектика предмета и метода» (Карпов, 2004, с. 9).

Обратим внимание на вывод автора, согласно которому перспективы развития системного подхода связываются с пересмотром представлений о предмете. По нашему мнению, одной из важнейших задач в данном направлении является специальный непредвзятый анализ истории системного подхода и системного движения. История си-

стемного подхода в психологии, как это ни удивительно, еще не написана. На наш взгляд, рассмотрение этого вопроса будет способствовать разработке новых вариантов этого метода.

2. **Проблема объяснения в психологии**. Нам уже приходилось писать, что психологи явно недостаточное внимание уделяют проблеме объяснения. В самое недавнее время ситуация резко изменилась: в 2006 году была опубликована чрезвычайно интересная статья А.В. Юревича, посвященная объяснению в психологии (Юревич, 2006), и состоялся ярославский методологический семинар, на котором обсуждалась эта проблема (Труды…, 2006). Нельзя не согласиться со следующей оценкой значения данной проблемы для психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения – *В.М.*) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение,* эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» *(Юревич*, 2006, с. 87). В этой работе А.В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределами самого психического. Как пишет Ж. Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Не трудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов т.н. гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между гуманитарной и естественнонаучной парадигмами» (*Юревич*, 2006, с. 103–104). Представляется, что с таким выводом согласиться нельзя. Представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественнонаучной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П.Я. Галь-

периным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более, что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» (*Гальперин*, 2002, с. 39).

Вопрос об объяснении неразрывно связан с другим судьбоносным вопросом психологии: как должен пониматься трактоваться предмет психологии (Мазилов, 2006). Не случайно классическая работа Жана Пиаже имеет очень точное название: «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм» (Пиаже, 1966). По нашему мнению, то или иное решение проблемы объяснения обязательно предполагает «ключевой методологический выбор»: исследователь волен выбирать, быть психологии дисциплиной редукционистской, сводящей психическое к непсихическому, либо отстаивающей возможность разрабатывать эту науку, используя собственные объяснения.

С позицией, сформулированной А.В. Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т.В. Корнилова *(Корнилова*, 2006). Такие перемещения объяснительных координат, по А.В. Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т.В. Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации).

В-третьих, главное возражение идет из разделяемой мною позиции, что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне (…) Это скорее та «метадигма», которая является одной из возможных в психологии. С такой позиции апелляция к объяснительным редукционистским теориям – регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляций к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» (*Корнилова*, 2006, с. 96). Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать «порочный круг» за счет многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания,* методологически проблематично» (*Корнилова*, 2006, с. 97).

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Не подлежит сомнению, что привлечение внимания к проблеме объяснения, введение в оборот новых классификаций и типологий объяснения (см. Труды…, 2006), будет способствовать прогрессу методологии психологической науки.

3. **Проблема категориальной структуры современной психологии.** Это также одна из важнейших методологических проблем психологии, которая берет начало еще в трудах Аристотеля. В современной отечественной психологии данная проблема была поставлена М.С. Роговиным, а затем обсуждалась в работах К.К. Платонова, М.Г. Ярошевского, Б.Ф. Ломова и др. В самое недавнее время система категорий психологии была представлена в работах А.В. Петровского, В.А. Петровского и М.Г. Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 1998; Петровский, Ярошевский, 2003).

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский предприняли попытку конституировать новую психологическую дисциплину. Это, по мысли ав-

торов, теоретическая психология. «Предмет теоретической психологии — саморефлексия психологической науки, выявляющая ее категориальный строй (протопсихологические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 10).

Важность подобного рода поисков трудно переоценить. Авторами разработана категориальная система психологии (включающая двадцать четыре основные категории). А.В. Петровский, В.А. Петровский и М.Г. Ярошевский выделяют протопсихологические категории (организм, потребность, реакция, сигнал, различение, аффективность), базисные психологические категории (индивид, мотив, действие, образ, отношение, переживание), метапсихологические категории (Я, ценность, деятельность, сознание, общение, чувство), экстрапсихологические категории (личность, идеал, активность, логос, соучаствование, смысл) (Петровский, Ярошевский, 1998).

Действительно, необходимость подобного рода работы очевидна. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский несомненно правы, утверждая, что «особенностью формирования теоретической психологии является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области как системы психологических категорий» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 11).

Также нельзя не согласиться с авторами, что теоретическая психология еще только складывается: «В действительности мы имеем дело с «открытостью» этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев. В этой связи целесообразно говорить об «основах теоретической психологии», имея в виду дальнейшую разработку проблематики, обеспечивающую целостность научной области» (Петровский, Ярошевский, 1998, с. 11).

Не вдаваясь в анализ этой интересной попытки конституировать новую отрасль психологии, заметим, что в перечне категорий психологии не находится места для понятия «психика». Это представляется не случайным, т.к. понимание психологии, развиваемое авторами, предполагает детерминизм и, как следствие, сведение в конечном счете психического к непсихическому. Нельзя не отметить, что такая трактовка вызывает некоторую смутную тревогу. Ведь оказывается,

что научная психология утрачивает свою специфику. А если предмет психологии не имеет своей психологической специфики (не является центральным психологическим понятием, конституирующим эту науку), то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Напомним, что Шпрангер в начале прошлого века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. И для этого есть некоторые основания. Представляется, предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность «разрабатывать психологию» не сводя ее к «вещам» более элементарным (в особенности к собственно вещам). Несомненно, обсуждение вопроса о структуре психологических понятий на пятом ярославском методологическом семинаре (см. Труды…, 2007), конструктивная критика концепции А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, идеи, предложенныеучастниками семинара, продвигают разработку отечественной методологии психологической науки.

4. **Коммуникативная методология.** Хорошо известно, что в психологии накоплено огромное количество различного фактического материала, выдвинута масса гипотез, сформулировано множество концепций разного уровня. Вместе с тем обобщающей концепции (на что психологическая наука была явно ориентирована) создать не удалось, хотя некоторые направления в психологии минувшего века на это (явно или неявно) претендовали. Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания. Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазилов, 1998). Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологи-

ческих концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета исследования). Разработка коммуникативной методологии сделала реальной интеграцию психологического знания. Об интеграции в социальной психологии пишет А.Л. Журавлев (Журавлев, 2002). Среди работ в этом направлении необходимо отметить исследования В.А. Янчука, в которых реализуются идеи интегративно-эклектического подхода (Янчук, 2005). Интегративно-эклектический подход обосновывает необходимость и продуктивность сотрудничества и партнерства различных психологических традиций. Он направлен на взаимообогащение и взаиморазвитие. Важно подчеркнуть, что данный подход представляет собой не «декларацию о намерениях», а он уже успешно реализуется на практике (Янчук, 2005).

5. **Интегративная методология психологии**. По нашему мнению, сейчас наступает новый этап развития методологии психологии, когда требуется разработка интегративной методологии**.**

Наши исследования показали, что разработка *отдельных* вопросов методологии (даже таких воистину судьбоносных для психологии как проблема предмета, метода, объяснения, теории и т. д.) взятых сами по себе не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело нас к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку интегративной методологии. Под интегративной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, что мы и называем интегративной методологией (или концепцией общей методологии психоло-

гии). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологического факта, психологической теории, объяснения. Специально подчеркнем, что речь идет не о разработке искусственной «системы» методологии («системы ради системы»), а о создании рабочего инструмента методологического анализа.

Разработка интегративной методологии психологии представляет собой сложную задачу, требующую значительного времени и усилий. В этой связи возникает важнейший вопрос: может ли быть предложена в настоящее время какая-то модель, каковую можно рассматривать в качестве основы при попытках разработки интегративной методологии? Очевидно, что интегративная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, психологический факт, объяснение); 2) должна иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций.

По нашему мнению, основу для разработки интегративной методологии может составить представление о структуре и исследовательского процесса в психологии.

В качестве конкретной исходной модели может быть предложена схема соотношения теории и метода в психологии. Она и включает в себя все названные компоненты и имеет универсальный характер. Опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать интегративную методологическую модель, позволяющую реально учитывать взаимодействие между различными составляющими аппарата методологии.

Использование такой рабочей схемы позволяет по-новому подойти к решению многих методологических проблем психологии. Например, исходя из этой схемы, ясно, что проблема объяснения не может рассматриваться изолированно, т.к. она включена в общую структуру исследования и выбор объяснительной схемы во многом предопределен общим замыслом исследования еще на уровне предтеории. Такого рода примеры легко умножить.

Специально подчеркнем, что интегративная методология никоим образом не отрицает коммуникативной методологии. Напротив, интегративная методология позволяет углубить проработку коммуникативной методологии. Интегративная методология, по нашему мнению,

составляет ядро всех составляющих методологии: когнитивной, коммуникативной и практической. Вышеназванные составляющие методологии представляют специально ориентированные под решение определенных задач приложения интегративной методологии.

На основе предложенной модели становится возможной разработка интегративной методологии. Интегративная методология психологии представляет собой прообраз новой общей методологии психологической науки.

6. **Методологические проблемы истории психологии.** В последние годы наблюдается значительный прогресс в этой области, опубликованы фундаментальные исследования, посвященные методологии истории психологии (см., например: Кольцова, 2004). Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта область методологических исследований приобретает особую актуальность.

Как отмечает В.Е. Клочко, наука входит в такую фазу своего развития, когда становится возможным осмысление самой науки как саморазвивающегося целого и поставить вопросы о закономерностях собственного становления (Клочко, 2007). «Наука – это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление – закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы», т. е. предназначенных для анализа ставшего (прошлого) как предмета истории психологии» (Клочко, 2007, с. 18).

Другой момент, связанный с методологическими проблемами истории психологии заключается в том, что, как хорошо известно, история психологии достаточно противоречива, оценки тех или иных событий порою существенно различаются: одна и та же работа одному историку психологии представляется эпохальной, для другого являет собой малозначимое событие. Представим себе историю психологии, написанную с позиций академической науки, и историю психологии с позиций трансперсональной психологии… В значительной степени

поэтому история психологии представляет «веселую науку», в которой многое оказывается противоречивым, порою взаимоисключающим, а оценки иногда или непредсказуемы или попросту неправедны (Мазилов, 2007).

По нашему мнению, в каждый момент времени психология может быть представлена как сосуществование в корпусе психологической науки различных психологий. В первую очередь, речь идет о философской и научной психологии. У них различающийся предмет, разные методы (это – тема отдельной статьи), иные задачи. Кстати, так называемая практическая психология представляет собой еще одну, чрезвычайно любопытную составляющую общего «организма» современной психологии. По нашему убеждению, история психологии по возможности должна учитывать наличие этих различных потоков, в совокупности составляющих *всю психологию.*

7. **Проблема предмета психологии.** Выше уже говорилось о том, что методологические вопросы должны исследоваться в комплексе. Это положение представляет собой ядро интегративной методологии. Вместе с тем, нельзя не увидеть, что центральной методологической проблемой остается проблема предмета психологии. Был осуществлен теоретический анализ проблемы предмета психологии (Мазилов, 2006 а), который показал, что современной психологии необходим пересмотр представлений о предмете психологической науки. Необходима новая, широкая трактовка предмета. Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение движущих «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica-psychological») по прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несо-

мненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Проблема предмета остается на сегодняшний день центральной методологической проблемой психологии.

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.
Абульханова-Славская К.А. Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 317–347.
Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. С.-Пб.: Печатный двор, 1993.
Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. С.-Пб.: ДНК, 2000.
Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. С.-Пб., 2003.
Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во “Институт практической психологии”; Воронеж: НПО ”Модек”, 1996.
Ананьев Б.Г. О методах современной психологии // Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л.: ЛГУ, 1976, с. 13–35.
Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. Т. IV, вып. 3–4, 1931, с. 325–344.
Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971.
Анцыферова Л.И. Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Вюрцбургской школе // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966.с. 59–81.
Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии, № 1, 1999.
Барабанщиков В.А. Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. Т. 2, вып 1, 2007, с. 86–99
Баронене С.Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. Томск, 2002, с. 232–244.
Басов М.Я. Общие основы педологии. 2-е изд. М., Л.: Гос. изд-во, 1931.
Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука, 1991.
Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.

Боринг Э.Д. Психофизика Фехнера // Проблемы и методы психофизики: Хрестоматия по психологии для студентов, преподавателей и научных работников. М.: МГУ, 1974, с. 20–32.
Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
Брес И. Генезис и значение психологии // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123–140.
Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996.
Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.
Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, №6, 1996, с. 25–40.
Верч Дж. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию. М.: Тривола, 1996.
Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с. 6–13.
Волков И.П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
Вундт В. Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. С.-Пб.: Типогр. П.П. Сойкина.
Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880.
Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. С.-Пб.: Образование, 1913, с. 93–131.
Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
Выготский Л.С. Предисловие // Леонтьев А.Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.: Госуд. учебно-педагог. изд-во, 1931, с. 5–13.
Выготский Л.С. Предисловие к книге А.Ф. Лазурского “Психология общая и экспериментальная” // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982, с. 63–77.
Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.6. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
Гальперин П.Я. Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов. М: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002.
Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, №4, 1997, с. 86–96.

Гартман Э. Современная психология. М.: Изд. Ефимова, 1902.
Гегель. Сочинения. Т. 5. М., 1937.
Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. С.-Пб: Типогр. товарищ. "Общественная польза", 1875.
Гербарт И.Ф. Психология. С.-Пб.: Изд. редакции журнала «Пантеон литературы», 1895.
Гинецинский В.И. Предмет психологии: дидактический аспект. М.: Изд. Корпорация Логос, 1994.
Давыдов В.В. Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 127–128.
Декарт Р. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950.
Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912.
Джемс У. (Джеймс У.) Психология. Изд.5-е. С.-Пб.: Изд-во К.Л. Риккера, 1905.
Дильтей В. Описательная психология. С.-Пб.: Алетейя, 1996. 156 с.
Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1993.
Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. М.: ИНФРА-М, 1997.
Дружинин В.Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // Психологический журнал, Т. 10, №1, 1989, с. 3–12.
Дюрренматт Ф. Мост // Иностранная литература, №9, 1998, с. 70–80.
Ждан А.Н. Из истории вопроса о соотношении теории и эксперимента в психологии // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 30–41.
Ждан А. Н. История психологии. М.: МГУ, 1990.
Журавлев А.Л. и др. История и метод социальной психологии // Современная психология. М.: ИНФРА-М, 1999, с. 466–484.
Журавлев А.Л. Предмет и структура социальной психологии // Социальная психология. М.: Per Se, 2002, с. 5–9.
За партийность в философии и естествознании // Естествознание и марксизм, 1930, № 2-3, с. 62–102.
Забродин Ю.М. Психологический эксперимент: специфика, проблемы и перспективы развития // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 16–30.
Зинченко В.П. Методология или «охранная грамота»? // Вопросы психологии, 1997, №3, с. 129–131.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М. МГУ, 1983.
Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
Зинченко В.П. Вступительная статья // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987, с. 5–26.
Зинченко В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с. 98–134.
Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994.
Иванова И.И., Асеев В.Г. Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 218–245.
Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. Минск, 1923.
Илларионов С.В. Научный метод как выражение духа науки // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. С.-Пб., 1999.
История зарубежной психологии: 30–60-е годы. Тексты. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986.
История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992.
История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990.
Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964.
Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966.
Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.:Мысль, 1966.
Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.
Карицкий И.Н. Современные социально-психологические практики: теоретико-методологическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. психол. наук. Ярославль, 2002а.
Карицкий И.Н. Методологические основания определения предмета психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.
Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: ИПРАН, 2004.
Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала. М., 2007.
Клочко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии, Т. 2,

вып. 1, 2007, с. 5–19
Козлов В.В. Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль, 2004, с. 185–206.
Козлов В.В. Интегративная психология – возврат к предмету психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т. 1. Вып. 1, 2006, с. 132–146.
Козлов В.В. К проблеме парадигмы современной социальной психологии // Социальная психология 21 столетия. Ярославль: МАПН, 2002, с. 22–33
Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы психологии. М.: ИПРАН, 2004.
Конт О. Дух позитивной философии. С.-Пб.: Изд. «Вестник Знания», 1910.
Корнилова Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений // Психологический журнал. Том 27, №5, 2006, с. 92–100.
Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.
Князева Е.Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995.
Крылов В.Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. Т. 19, №3, 1998, с. 56–62.
Кун Т. Структура научных революций. М.:Прогресс, 1975.
Кюльпе О. Современная психология мышления // Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. С.-Пб.: Образо-вание, 1914, с. 43–83.
Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды / Под ред.М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во ”Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “Модэк”, 1996.
Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т. 8. М.: Изд-во т-ва “Мир”, 1914.
Лекторский В.А. Евгений Петрович Никитин – человек, философ // Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Росспэн, 2004.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М., С.-Пб: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998.
Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах. Т. 1. М.: Изд. соц.-экон. лит-ры, 1960.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
Ломов Б.Ф. История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 7–16.
Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993.
Лосев А.Ф. Философия имени.М.: МГУ, 1990.
Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: МГУ, 1982.
Лурия А.Р. Пути современной психологии // Естествознание и марксизм, 1930, № 2–3, с. 62–102.
Лурия А.Р. Кризис буржуазной психологии // Психология, № 1–2, М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1932, с. 63–88.
Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
Мазилов В.А. Психология: теория и метод // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль: МАПН, 2000, с. 191–211.
Мазилов В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990, с. 66–75.
Мазилов В.А. Практическое мышление: эволюция подходов (от «простоты» к «единству») // Исследования педагогического мышления. М.: ИПРАН, 1999, с. 34–53.
Мазилов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
Мазилов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002.
Мазилов В.А. Psychologia quinta (О пятой психологии) // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 1999, с. 107–132.
Мазилов В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5 / Отв. ред. А.В. Карпов, В.А. Мазилов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998, с. 49–54.
Мазилов В.А. История психологии: необходим новый историко-методологический подход // Ярославский психологический вестник, вып. 5. М. –Ярославль, 2001а, с. 8–13.

Мазилов В.А. Методология отечественной психологической науки: актуальные проблемы, перспективные подходы, новые горизонты // Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности. Ярославль: Аверс-пресс, 2003, с. 52–79.
Мазилов В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003 а, с. 205–237.
Мазилов В.А. Создатель научной психологии: Виль-гельм-Макс Вундт и методологические проблемы психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. Выпуск 2 (8), 2004, с. 28–37.
Мазилов В.А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов, выпуск 1 (3), 2005(в), с. 38–40.
Мазилов В.А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог, вып. 1 (9), 2005 (а).
Мазилов В.А. К проблеме объяснения в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог, выпуск 2(12), 2006, с. 9–19.
Мазилов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т. 1. Вып. 1, 2006 а, с. 55–72.
Мазилов В.А. Густав Теодор Фехнер и методологические проблемы истории психологии // Человеческий Фактор: Социальный психолог, №2 (14), 2007, с. 65–78.
Майоров Г.Г. Вольф // Философский энциклопеди-ческий словарь. М.: Сов. энциклопед., 1989, с. 96–97.
Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. С.-Пб.: Изд. группа Евразия, 1997.
Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969.
Мигдал А.Б., Нетесова Е.В. На пути к истине (О научном методе познания) // Кибернетика живого. Биология и информация. М., 1984.
Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914.
Милль Д.С. Система логики. Т. 2. С.-Пб.: Изд. М. О. Вольфа, 1867.
Милль Д.С. О. Конт и позитивизм // Огюст Конт и положительная философия. С.-Пб.: Типография Н. Тиблена и Комп., 1867, с. 1–185.
Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1905.

Мюнстерберг Г. Основы психотехники. Вып. четвертый. М.: Изд-во “Русский книжник”, 1925.
Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Росспэн, 2004.
Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
Новиков В.В., Козлов В.В. К определению интегративной методологии // Человек. Власть. Общество. Хабаровск: Дальний восток, 2002, с. 191–194.
От редакции // Естествознание и марксизм, 1930, №2–3, с. 62–63 (врезка).
От редколлегии // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 125–126.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М.: РГГУ, 1994.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Т. 1. 416 с., Т. 2. 416 с.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии, №5, 2000, с. 3–17.
Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.
Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук// XVIII Международный психологический конгресс. 4–11 августа 1966 года. М., 1969, с. 125–155.
Пирогов Н.И. Сочинения. Т. 1. М., 1887.
Пирьов Г.Д. Експериментална психология. София: Наука и изкуство, 1968.
Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.
Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1981.
Платонов К.К. (ред). Краткий психологический словарь-хрестоматия. М., 1974.
Поваренков Ю.П. Системогенетическая концепция профессионального становления человека // Идея системности в психологии. М.: ИПРАН, 2004, с. 365–384.
Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии, №1, 1995, с. 118–139.
Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИПРАН, 1997.
Психология и новые идеалы научности: материалы «круглого стола»// Вопросы философии, №5, 1993, с. 3–42.
Психология: словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Изд. второе. М.: Изд. полит. лит., 1990.
Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: МГУ, 1986.
Рамуль К.А. Введение в методы экспериментальной психологии. Тарту: Тартусск. государственный университет, 1966.
Рамуль К.А. К.Д. Ушинский и современная ему западно-европейская психология // Вопросы психологии, № 5, 1956, с. 114–124.
Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. С.-Пб., 1904.
Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психоло-гии. М.: Институт философии, истории и теологии им. Св. Фомы, 2005.
Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
Роговин М.С. Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.
Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль, ЯрГУ, 1979.
Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
Рубин Э. Несуществование внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976, с. 144–145.
Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.
Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. Уч-пед. изд-во мин. просв. РСФСР, 1946.
Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973, с. 68–90.
Сачков Ю.В. Научный метод: вопросы и развитие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.МГУ, 1985.
Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.

Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999.
Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 359–360.
Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994.
Современная западная философия: Словарь. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991.
Телятников Г.В. Методология и теория психологичес-ких наук. Тверь: ТИЭП, КИЭП, 2004.
Титченер Э.Б. Учебник психологии. Ч. 1. Второе изд. М.: Изд-во "Мир".
Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 4: Объяснение в психологии. Ярославль, 2006.
Труды Ярославского методологического семинара. Том 5: Система категорий психологии. Ярославль, 2007.
Тутунджян О.М. Критический анализ методов экспериментальной психологии за рубежом в конце XIX – начале XX века: О проблеме становления экспериментальной психологии // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 51–60.
Тюков А.А. Психология XXI века: пророчества и прогнозы (Круглый стол) // Вопросы психологии, №1, 2001, с. 6–8.
Тюков А.А. Методологические основания комплексной психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
Тютюнник В.И. Основы психологических исследований. М., 2002.
Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999.
Уилбер К. Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1999.

Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. С.-Пб.: Мифрил, 1993. Т. 1, 687 с.; Т. 2, 798 с.
Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15–98.
Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал, Т. 2, №3, 1981, с. 48–54.
Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 112–125.
Челпанов Г.И. Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. Кн. 4 (99), 1909, с. 285–308.
Черняк В.С. Парадигма // Современная западная философия: Словарь. М.: Изд. полит. лит., 1991, с. 227.
Чуприкова Н.И. Какой должна быть сегодня научная психология? // Вопросы психологии, 1997, №3, с. 126–127.
Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1998.
Шадриков В.Д. Экспериментальный метод исследования // Практикум по экспериментальной психологии. Вып. 1. Ярославль: ЯрГУ, 1974, с. 6–46.
Шадриков В.Д. О предмете психологии // Труды Ярославского методоло-гического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с. 332–348.
Шадриков В.Д. О психологических конструктах и последовательности их изучения при подготовке психологов // Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности. Ярославль: Аверс-пресс, 2003, с. 4–11.
Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.
Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. С.-Пб: Евразия, 1998.
Эббингауз Г. Очерк психологии. С.-Пб: Изд-во О. Богдановой, 1911.
Эббингауз Г. Основы психологии. Т. 1. Вып.1. С.-Пб: Изд-во “Общественная польза”, 1911.
Эббингауз Г. Основы психологии. Т.1.Вып. 2. С.-Пб: Изд-во “Общественная польза”, 1911.
Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995.
Юнг К.Г. Аналитическая психология. С.-Пб, 1994.

Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994.
Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, №2, 1999, с. 3–11.
Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 5, с. 3–19.
Юревич А.В. Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 377–397.
Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал, № 1, 2006, с. 97–106.
Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996, с. 385–534.
Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск, 2005.
Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1974.
Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. С.-Пб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993.
Ярошевский М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция» // Вопросы психологии, № 6, 1994, с. 87–98
Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Изд-во Институт практической психологии; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 380 с.
Ярошевский М.Г. Гештальт психология // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М.: Per Se, 2005, с. 44.
Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhange: Ueber das Hippsche Chronoskop. Gottingen: Vandenchoeck und Ruprecht, 1905.
Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.: Wiley, 1965.
Binet A. L'etude experimentale de l'intelligence. Paris: Alfred Costes, 1922.
Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin, 1922.
Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950.
Boring E. A History of Introspection // Psychological Bulletin, № 3, v. 50, 1953, p. 169–189.
Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.

Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1924.
Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. Von der Klassifikation der psychischen Phдnomene. Leipzig: Meiner, 1925.
Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 3. Vom sinnlichen undnoetischen BewЬsstsein. Leipzig: Meiner, 1928.
Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.
Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927.
Cammins R. The Nature of psychological Explanation. London: MIT press, 1983. *Cole M*. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology// I Международная конференция памяти А.Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24–26, 1997. M.: MGU, p. 117.
Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902.
Ebbinghaus H. Ueber das Gedachtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
Feyerabend P. Against Method. Outlines of an anarchistic Theory of Knowledge. L.: NLB, 1975.
Fodor J.A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y.: Random House, 1968.
Hempel C.G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science, 1948, Vol. 15, № 2, p. 135–175.
Humphrey G. Thinking: An Introduction to its experimental Psychology. London: Methuen; N.Y.: Wiley, 1951.
International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978. 462.
Jaccard P. La unconscience, les reves, les complexes. P.: "Payot", 1973.
James W. The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V. 2. VI, 704 p.
Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie// Ges. Werke. Bd.8, 1967, S. 418–423.
Jung K.G. Die Synthetische oder Konstruktive Methode // Ges. Werke. Bd. 7, 1967, S. 87–97.
Jung C.G. Collected Works. v.8. N.Y.; L., 1968.
Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. Paris, 1911.

Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol., 1931, p. 141–177.
Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M.–Yaroslavl: IAPS, 1997, c. 126–135.
Münsterberg H. Ueber die Aufgaben und Methoden der Psychologie. Leipzig, 1891.
Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft: Eburon, 1985.
Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls // Acta Psychologica, 1940, v. 5, № 1, pp. 79–96.
Szekely L. Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalitiche Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976, s. 140–170.
Titchener E.B. Experimental Psychology: A Manuel of laboratory Practice. N.Y., London: Macmillan, 1901–1906.
Titchener E.B. Lectures on experimental Psychology of the Thought-processes. N.Y.: Macmillan Co, 1909.
Watt H.J. Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens // Archiv für die ges. Psychologie. Leipzig, 1905, Bd. 4, S. 289–436.
Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945).
Wilber K. The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development. Weaton: Quest, 1996.
Willy R. Die Krisis in der Psychologie. München, 1899.
Wollf Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosofiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1732.
Wollf Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734.
Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1913.
Wundt W. Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1896.
Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.
Wundt W. Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtlander, 1911.

Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV, 553 S.; Bd. 2. VIII, 686 S.; Bd. 3. IX, 796 S.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб: ДНК, 2000.

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. С.-Пб: Речь, 2003.

Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1993.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. М.: ИНФРА-М, 1997.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. С.-Пб: Питер, 2006.

Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.

Мазилов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.

Мазилов В.А. Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2006.

Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: МПСИ, 2004.

Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИПРАН, 1997.

Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль, ЯрГУ, 1979.

Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин. просв. РСФСР, 1946.

Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999.

Труды Ярославского методологического семинара. Т.1: Методология психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2003.

Труды Ярославского методологического семинара. Т.2: Предмет психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н.Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 4: Объяснение в психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2006.
Труды Ярославского методологического семинара. Т. 5: Система категорий психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2007.
Юревич А.В. Методология и психология. М.: ИПРАН, 2005.
Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

Мазилов Владимир Александрович

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие для студентов университетов

Подписано в печать 12.11.2007
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,5.
Заказ № 97. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГОУ ЯО СПО Ярославском педагогическом коллдже
150029, г. Ярославль, ул. Маланова, 14